

Е. РЮМИН

**ВОСПОМИНАНИЯ
ВETERАНА**

А. ЛЮДЕН, Г. КИСЕЛЕВА

**ЧЕЛОВЕК
НЕ ДОЛЖЕН БОЛЕТЬ**

Репортаж из Киргизии

Ж. МЕЛЬНИКОВА, В. МИХАЙЛОВ

**ГЛАВНОЕ ДЕЛО
АКАДЕМИКА ОПАРИНА**

Ю. ГЕРАСИМОВ, В. РАБИНОВИЧ

**НОВАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ХРАМОВ**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. ЕМЕЛЬЯНОВ

**ТРУДНАЯ
СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА**

Имант ЗИЕДОНИС

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО...

Отрывки из новой книги

О. ДАНИИ

**КЛЕРИКАЛЬНАЯ
ЭМИГРАЦИЯ
НА СЛУЖБЕ У ЦРУ**

11 • 1984

Памятник В. И. Ленину перед
Финляндским вокзалом
в Ленинграде.

Памятник Владимиру Ульянову
в Казани. Здесь он учился
в университете, здесь начиналась его
революционная деятельность.

НАША ОБЛОЖКА

Осенью 1921 года В. И. Ленин писал в статье, посвященной четвертой годовщине Октябрьской революции: «Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом». Сегодня день социалистической революции отдален от нас почти семью десятилетиями, и ее эпохальное значение предстает во всем своем всемирно-историческом величии.

Октябрьская революция открыла нашей стране путь к коренному социальному переустройству, разрушила капиталистический строй с его частной собственностью на средства производства и эксплуатацией человека человеком, положила начало новой социалистической общественной формации, лозунг которой: «Все во имя человека, для блага человека». 67 лет — срок небольшой в масштабах истории. Но как много сделано за это время, как окреп экономический потенциал страны, как возросли благосостояние советских людей, их культурный уровень, как умножились духовные богатства!

К тем великим свершениям, которые являются предметом нашей патриотической гордости, мы по праву относим и глубокие, благотворные качественные перемены в мировоззрении советских людей, освобождение их сознания от религиозных представлений и суеверий. Если население царской России было почти сплошь религиозным, то уже за первые два десятилетия социалистического строительства около половины всех советских людей стали неверующими. СССР превратился в первую в истории страну массового атеизма. Ныне в нашем обществе господствует научное, материалистическое мировоззрение, убежденные верующие составляют менее десятой части взрослого населения страны.

Однако, как отметил июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, это — не такая уж малая часть советских людей, и нельзя ослаблять работу по преодолению религиозных пережитков, необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов, активизировать атеистическое воспитание. Для пропагандистов атеизма, для всех, кто причастен к благородному и благодарному делу духовного освобождения людей от отживших религиозных иллюзий, Октябрьская годовщина — повод не только для того, чтобы обозреть пройденный путь, подвести итоги сделанного, но и для того, чтобы критически оценить свою работу, наметить пути расширения ее масштабов и повышения эффективности.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартыанова.
Технический редактор
Ю. А. Севастьянова.
Корректор
Г. Л. Кокосова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1984.

На третьей странице
обложки: осенняя ярмарка
народных ремесел в Шуляе
(Литовская ССР).
Фото В. Опалина.

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

- 2 Е. Рюмин. С высоты прожитых лет
- 5 Н. Уварова. Открыть себя в рисунке
- 8 Л. Федорова. Урок — всему основа

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК В СРЕДНЕЙ АЗИИ

- 10 А. Люден, Г. Киселева. Здоровье — дело государственное

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

- 13 Об обрядах — доходчиво и понятно

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

- 16 Ж. Мельникова, В. Михайлов. Ключи к великой тайне мироздания
- 20 В. Лишевский. «О бесконечности, вселенной и мирах»

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ

- 23 О. Кочладзе. Трудно посмотреть на себя...
- 26 Откровенный разговор продолжается

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 28 Ю. Герасимов, В. Рабинович. Новая жизнь древних храмов
- 32 А. Шамаро. Дело игуменьи Митрофании
- 35 В. Румянцева. У истоков «мужицкой веры»

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

- 37 А. Емельянов. Счастье Евлампия Паздерина
- 41 А. Локшин. «И стаи галок на крестах»

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- 42 Поверь в себя!
- 45 И. Зиедонис. Как бы то ни было...
- 54 Ю. Луканов. «Я вызываю огонь»
- 56 С. Логинов. Бунтовщик

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

- 57 А. Фельман. Непроторенною дорогой

ЗА РУБЕЖОМ

- 59 О. Даний. Волки в овечьей шкуре

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

- 62 Н. Жуковская. Встреча с Даин Дерхе

С ВЫСОТЫ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

Старейшему пропагандисту атеизма **Е. Ф. РЮМИНУ** исполнилось 85 лет. **Евгений Федорович** и сегодня ведет атеистическую работу, выступает с лекциями и беседами, он член научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР. Наш корреспондент **Г. И в а н о в а** побывала у **Е. Ф. Рюмина**, попросила рассказать о его жизни, о пути в атеизм, о том, как действеннее вести работу по атеистическому воспитанию.

Фото
О. Иванова.

А. В. Луначарский, с которым мне тоже довелось не раз встречаться. С **Ем. Ярославским** меня познакомил профессиональный революционер **Александр Владимирович Мандельштам**, в те годы, после Октября, бывший первым секретарем Хамовнического райкома партии, друг нашей семьи. Он не раз скрывался у нас на квартире после своих многократных побегов из царских тюрем и ссылки, за что получил подпольную кличку **Одиссей**.

Строевая, политическая работа в Красной Армии, затем в Главполитпросвете и Наркомпросе, на радиовещании, наконец, в обществе «Знание» дала мне возможность познакомиться со многими писателями, работниками культуры. И каждый, с кем встречался на длинных дорогах войны и мира за долгую и такую короткую жизнь, оставил в сердце моем неизгладимый след.

...Чтобы рассказать о том, как получилось, что я с детства не верю в бога, нужно начать издали. И опять вспомнить отца. У нас в семье было пятеро детей. И была нянька **Екатерина**, глубоко верующая женщина. Я учился в гимназии, где мы среди других предметов изучали и «закон божий». Отец же дома своими беседами разрушал тот храм Христов, который воздвигал в моем сознании законоучитель. Так что моим безбожием я обязан отцу. А нянька стала первым объектом моей антирелигиозной работы: я учил ее грамоте и старался отвлечь от веры в бога.

Впоследствии встречи с **Емельяном Ярославским** заставили меня серьезно заняться атеистическим образованием и антирелигиозной пропагандой. Шел 1919 год. Я только что вернулся с фронта. **Емельян Михайлович** много расспрашивал меня о делах на Западном фронте, где я воевал и был ранен,

● **В. И. Ленин** и **Н. К. Крупская** у телескопа. Горки, август-сентябрь 1922 г.

Моя жизнь совпала с великой эпохой войн и революций, и я счастлив, что эти грандиозные события не миновали меня. Часто вспоминаю своего отца, который сыграл большую роль в моей судьбе. И отец, и мать в бога не верили. Отец — член большевистской партии с 1903 года, дрался на баррикадах Таганки и Красной Пресни, был агентом «Искры», хранителем боевого оружия дружинников Рогожско-Симоновской части Москвы. Мать была его верной помощницей. В нашей квартире при ветеринарной лечебнице, где работал отец, на Пустой (ныне Марксистской) улице находилась конспиративная явка большевиков.

Кто только не бывал у нас в доме в те грозные предреволюционные годы! До отъезда за границу скрывался **В. П. Нюгин** (отец участвовал в организации его побега из тюрьмы). Жили **Р. Землячка** и **В. Шумкин** — большевик, позже комиссар личной охраны **В. И. Ленина**. Бывал и **Н. Э. Бауман**.

Долгая жизнь сталкивала, сблизала и вновь разлучала с великим множеством разных людей. **Н. К. Крупская** руководила Главполитпросветом Наркомпроса, куда я пришел на работу в старенькой фронтовой шинели, пропахшей пылью таврических степей и порохом последних сражений гражданской войны. Наркомом просвещения был

о настроениях красноармейцев, о политико-просветительной работе на фронте. Эта первая встреча с Ем. Ярославским и послужила началом моих антирелигиозных бесед и политико-воспитательной работы сначала в армии, а позже в Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР и на радиовещании.

С первых дней образования Союза воинствующих безбожников я стал его активным членом. В Наркомпросе я занимался тогда организацией революционных праздников¹. Иногда они по времени совпадали с церковными. Помню такую пасху, которая пришла на 1 мая. Мы устроили карнавал: изображали православных священников, муллу, католического ксендза. Ряженые на ходулях к ужасу верующих шли по улице. Так мы тогда боролись с религией, так понимали атеистическую пропаганду. Только много позже мы осознали, что в столь сложном деле нужен совсем другой подход, иные средства. Большую помощь оказывали нам в то время газеты и журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник».

Во время Великой Отечественной войны атеистические журналы и газеты не выходили, но мы не прекращали атеистическую работу, учитывая, что бой с фашизмом вела вся страна, все советские люди — и верующие, и неверующие. Вспоминается случай в Западной Белоруссии, как посреди площади стоял на коленях старик, седой, в холщовых штанах и рубахе, крестился, кланялся нам в ноги и благодарил бога за то, что наконец-то пришли свои. Это поразило меня, а слова старика тронули до глубины души.

Более 20 лет прошло со дня нашей встречи с бывшим пятидесятником, призывником Советской Армии Ефимом Калеником, который из-за своих убеждений отказывался принять присягу. Трудной была та первая встреча. Никак нельзя было назвать душевной нашу беседу, ведь в глазах Ефима я был врагом его веры. Прошло около года, и наконец первая победа — Ефим принял присягу. Большое значение имели коллективные усилия: умные, осторожные, доброжелательные. А еще через несколько месяцев в газете «Московская правда» я прочитал открытое письмо-исповедь Ефима ко мне.

Это письмо заронило искру сомнения в умы его бывших единоверцев и колеблющихся. О том, что такие встречи оказались действенными, свидетельствуют письма от верующих молодых людей, стремящихся вырваться из-под религиозного влияния. Вот одно из них: «Дорогой дядько Ефим Каленик... Мне хотелось бы узнать, как вы избавились от религиозного дурмана. Мои родители сильно верят в бога, а я нет. Они

заставляют меня... молиться богу, а я им не покоряюсь. Мне сейчас пошел 15-й год, а я за свою короткую жизнь принял уже великие муки... Не покупают мне костюма и обуви, чтобы я не мог ходить в школу... потому что я не верю в их бога. Раздетый, без обуви, а все равно я... не покоряюсь».

После того как я вышел в отставку и поселился в Москве, я продолжал заниматься атеистической пропагандой. К этой работе меня привлек Б. Н. Коновалов — сейчас он работает в Институте научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, а тогда заведовал отделом пропаганды и агитации Краснопресненского райкома партии. Я в те годы занимался в основном военно-патриотическим воспитанием молодежи. Борис Николаевич познакомил меня с письмом, поступившим в райком. Молодые священники жаловались на старого попа, «мздоимца» и «лихоимца», возглавлявшего приход в Переделкине, под Москвой. «Поезжайте, познакомьтесь, посмотрите, что там делается. Решений никаких не принима-

● А. В. Луначарский в своем рабочем кабинете в Наркомпросе. 1922 г.

● Ем. Ярославский выступает на первом Всесоюзном съезде советских писателей. 1934 г.

майте, только поговорите с людьми, с прихожанами, побеседуйте с причтом», — попросил Б. Н. Коновалов.

Дорогу в Переделкино я хорошо знал. Не раз бывал там у писателей — у Павла Нилина, с которым меня крепко связала война, у Федора Панферова, Галины Серебряковой и, конечно, у Корнея Ивановича Чуковского, которого знал еще с двадцатых годов, с Петрограда. Корнею Ивановичу предварительно позвонил, рассказал, что еду по делам и договорился о свидании с ним.

В церкви пришлось задержаться: я побеседовал с псаломщиком, с церковным старостой, с одним из авторов письма, посоветовал ему обратиться в Совет по делам религий при Совете

Министров СССР. Заодно осмотрел храм. Затем знакомой дорожкой дошел до Корнея Ивановича, и мы с ним отправились на переделкинское кладбище поклониться дорогим могилам. По дороге, оправдываясь, рассказал Чуковскому, по какой причине задержался. Он очень удивился, когда услышал, чем я занимаюсь: «Ну кто сейчас верит в бога? Одни старики и старухи, доживающие свой век. Они перемрут со временем, и с ними исчезнет религия. Сама собой. Без нашей помощи. Какое-то чепуховое

¹ См. статью Е. Рюмина «Дорогие сердцу праздники» в № 11 за 1983 г. — Прим. ред.

дело эта ваша атеистическая пропаганда». Пришлось провести с Корнеем Ивановичем «разъяснительную работу», рассказать, что в бога верят не только старики и старухи, что руководители различных религиозных объединений стремятся влиять и на молодежь. И о том, что международная реакция, силы империализма пытаются использовать для своих идеологических диверсий любые средства, в том числе и религию. Чуковский слушал внимательно, спорить не стал, а я так и не понял, убедил ли его. Это была наша последняя встреча.

Задание райкома партии и беседа с Корнеем Ивановичем побудили снова всерьез заняться атеизмом, так сказать, уже на новом, современном уровне. Вскоре меня назначили председателем научно-атеистической секции при правлении Краснопресненской районной организации общества «Знание». Затем я стал заместителем председателя районного совета по атеистическому воспитанию и внештатным инструктором райкома партии.

Это было начало 60-х годов, время активизации всей атеистической работы, когда начала систематически вестись разработка научных проблем атеизма, появились массовые издания атеистической литературы разных жанров. Уже несколько лет выходил журнал «Наука и религия», затем был создан Дом научного атеизма, а позднее — и Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Конечно, теперь наша атеистическая пропаганда находится на качественно новом уровне. Создана серьезная, солидная научная база, много сделано для разработки теоретических проблем научного атеизма и религиоведения. По моему мнению, задача, выдвинутая еще в первые годы Советской власти В. И. Лениным: «Борьбу с религией поставить научнее», — в наше время решается успешно. Издано много содержательных, ярких книг, дающих пропагандисту материал для выступлений по любой теме. Подготовлены многочисленные кадры квалифицированных лекторов, беседчиков, организаторов

работы по атеистическому воспитанию, которое ведется сейчас в таких масштабах, как никогда прежде.

И все же достигнутое удовлетворить нас полностью не может. Возьмем, например, качество лекций. По заданию Дома научного атеизма мне довелось прослушать около ста атеистических лекций в различных аудиториях и приходится признать, что не все пропагандисты относятся к делу с должной ответственностью. Мало заботятся некоторые из них о форме изложения и подаче материала, о том, что принято называть «живым словом». Эрудиция, глубокое знание предмета для лектора обязательны, но это еще далеко не все. Необходим контакт между лектором и аудиторией. Долг пропагандиста атеизма — не ограничиваться выступлениями с лекторской трибуны, а идти непосредственно к верующим, вести индивидуальную работу с ними, изучать современную религиозную жизнь не по литературе, а в реальной действительности. Пока еще немногие пропагандисты занимаются этой самой трудной и вместе с тем самой живой, интересной и благодарной работой.

Не может нас полностью удовлетворить и подготовка кадров пропагандистов атеизма. Мне уже пришлось делиться с читателями «Науки и религии» мыслями о работе народных университетов и их факультетов, готовящих пропагандистов высшей квалификации². Выпускники университетов должны уметь многое: проанализировать религиозную ситуацию в коллективе, вдумчиво работать с литературой, организовать тематический вечер, встречу с интересными людьми, вечер вопросов и ответов, использовать технические средства пропаганды и т. д.

Число таких университетов увеличивается, но очень важно, чтобы количественный рост не привел к снижению качества обучения, к обеднению методологической и методической сторон коммунистического воспитания трудящихся. Встречаются факты формального отношения к народным университетам. Некоторые из них открывались поспешно, предлагали слушателям набор эпизодических лекций, являясь университетами лишь

по названию, а по сути это были скорее лектории.

Серьезна и проблема использования подготовленных народными университетами кадров пропагандистов и организаторов атеистической работы. Это наш золотой фонд. Между тем в активную работу включаются не все выпускники. Тысячи теряются из виду, никто всерьез не занимается их учетом, использованием по назначению. Исправить это досадное упущение — долг прежде всего организаций общества «Знание», их методсоветов по пропаганде научного атеизма, задача авторского коллектива журнала «Наука и религия».

С вашим журналом я близко знаком давно, практически с его первых номеров. Сегодня «Науке и религии» уже 25 лет. Много ли это? 25 — это хорошо, это еще только начало зрелости, пора новых планов, больших свершений и открытий!

Всякая памятная дата заставляет поинтересоваться на пройденный путь, заглянуть в самые дальние, потаенные уголки памяти и, конечно, перелистать залежавшиеся в папках личного архива документы, газетные вырезки, пожелтевшие от времени фронтовые письма-треугольники и мирные письма в конвертах...

В моем архиве, в папке газетных вырезок я нашел свою рецензию, помещенную в уральской газете «Серовский рабочий» в 1961 году. Она так и называлась «Наука и религия» — о журнале, который сразу полюбился, стал понятным и нужным.

Листаешь страницы и старых и новых номеров журнала — и то и дело встречаешь знакомые имена.

Главное, что мне хотелось бы сказать в юбилейном году о нашем журнале — это то, что он верно и преданно служит идеям, которые оставили в своих трудах В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и многие другие, творчески обогатившие научный атеизм своими работами и выступлениями.

Что пожелать журналу? Всегда откликаться на потребности жизни, быть в гуще событий, укреплять связи с наукой, искусством, литературой. Учитывать пропагандистов, как надо бороться против религии — за верующего, за формирование нового человека, за устранение с нашего пути религиозных предрассудков и суеверий, всех пережитков прошлого. Широко привлекать к сотрудничеству талантливую молодежь, бережно растить кадры, но не забывать и ветеранов. Чаще практиковать такие мероприятия, как беседы «за круглым столом». Организовать клуб читателей — друзей журнала «Наука и религия».

● Бедняк села Всехсвятского М. А. Мясоед приклеил объявление на дверях своей хаты. 1921 г. Фото ТАСС.

² См.: «Наука и религия», 1980, № 1. — Прим. ред.

Весной прошлого года на улицах Махачкалы появился плакат, с которого глядел симпатичный, добродушный лев с гривой, похожей на распустившийся подсолнух. Он приглашал в Выставочный зал Союза художников Дагестана на выставку работ учащихся художественной школы поселка Мамедкала. Еще десять лет назад этой школы не существовало, а теперь ее воспитанников знают в республике всюду. Писали о ней и центральные газеты.

Как это часто бывает, у истоков хорошего дела стоит энтузиаст, в данном случае — директор школы

бят, но класс все же набрался. Молодой учитель дал им первое задание — нарисовать цветные квадратики, как и требовала методическая разработка, которую он привез с собой из Махачкалы. Дети нарисовали. Следующее задание — цветные кружочки. Потом надо было рисовать чучело вороны. С каждым очередным заданием, рекомендованным программой, дети скучнели, а у Валерия Афанасьевича росла тревога — класс редел. На очередной урок в художественной школе, темой которого было «круглое полено с воткнутым топором», пришло три ученика. Остальные стали ходить туда, где инте-

места в соревнованиях сельских команд РСФСР. Из мамедкалинской спортшколы вышли и известные в республике борцы.

А еще юные мамедкалинцы могли посещать кружки танца, лепки, выжигания, выпиливания в совхозном Доме пионеров. И все это было во много раз интереснее, чем скучные квадратики, предлагаемые новым учителем. Куцев понял: в совхозе конкурс не детей, а преподавателей — кому удастся завлечь к себе ребят. Он решил участвовать в нем серьезно, то есть сделать так, чтобы стало интересно.

На очередном уроке он сказал ученикам:

— Нарисуйте цветок, какой мог бы расти в сказочном царстве. Например,

Валерий Афанасьевич Куцев. Когда он в 1972 году после окончания Махачкалинского художественного училища приехал в Мамедкалу — небольшой поселок возле древнего Дербента, то немного опасался, что трудно будет работать с ребятами 20 национальностей — вот такой это многонациональный поселок и совхоз. Сомневался: сможет ли найти подход ко всем детям, сможет ли их сплотить? Но если у него и возникали трудные моменты в работе, то вовсе не из-за национальности его учеников. В селе представители всех народов жили и трудились дружно, в таком же духе воспитывали они и своих детей.

К сентябрю на объявление об открытии художественной школы откликнулось не слишком много ре-

реснее. На этом могло бы окончиться художественное воспитание юных мамедкалинцев.

В поселке есть музыкальная и спортивная школы. К тому времени, когда здесь появился Куцев, они уже пользовались большим авторитетом у родителей и любовью детей. Еще бы! Там можно было научиться играть на фортепьяно, на баяне, даже на кларнете. Но не только. Кто хочет, может овладеть и национальными дагестанскими инструментами — таром, кеманчой, кумузом. А кто хочет, может петь или танцевать. В дагестанских селах музыкантам, певцам и танцорам почет и уважение. Совхозная футбольная команда «Колосок» (а в ней все — воспитанники спортивной школы) не раз занимала первые

такой, какие у вас дома на ковре вытканы. Вспомнили, какие? У них и листья необычные, и лепестки.

Детям предложение понравилось. Красные, желтые, синие, фиолетовые краски ложились на листы бумаги, а Владимир Афанасьевич только ахал, радуясь богатству детской фантазии.

— А теперь попробуем превратить цветок в бабочку. Ведь бабочка — это тот же цветок, только оживший.

На следующем уроке он говорил: — В волшебном царстве должны быть и птицы — тоже, конечно, необыкновенные.

Потом:

— Пусть там еще живет и дракон. Дети создавали сказочный мир, населенный фантастическими существами, черты которых видели

в традиционных орнаментах ковров, в росписи домашней посуды.

С каждым занятием учеников становилось все больше — беглецы, возвращаясь, приводили с собой товарищей. Школа заполнялась детьми.

Вот что понял Куцев: в детских рисунках должен непременно присутствовать орнамент, надо задавать то, что может быть выражено его ритмами и цветом. В своем традиционном искусстве дагестанцы достигли огромной выразительности. А дети с малых лет видят рисунок и краски ковров, вытканых их бабушками, мамами, тетями. Одежда дагестанцев украшена орнаментом, кухонная утварь — тоже. Традиционная религия здешних народов — ислам — запрещает изображать человека, животных, птиц. Художественная мысль народа, его чувство прекрасного долгое время выражались в орнаментах. Традиция эта, формировавшаяся веками, сказалась, естественно, и в пристрастиях и вкусах ребят.

Куцев сам разработал программы занятий по орнаменту, ввел их в основную программу художественной школы. А уж потом, постепенно увлеклись дети и нетрадиционными сюжетами. Какими яркими, прекрасными выходили у них звери, как выразительны были портреты родных, знакомых, друзей!

Бережно и внимательно, с уважением к внутреннему миру ребенка и признанием его индивидуальности в выражении своих чувств ведет Куцев учеников по пути познания прекрасного. И все дети оказываются талантливыми!

— Мне иногда кажется, что я нашел драгоценный клад, и где я ни копну — всюду открываются мне фантастические богатства, — говорит он.

Однажды учитель предложил детям расписать стены своей школы: «Пусть у нас будет празднично, красиво, чтобы каждый, кто приходит к нам впервые, захотел здесь остаться». Вот где проявили дети свой природный вкус и темперамент! Они забирались на парты, вставали на скамейки — и каждый очерчивал для себя участок побольше: «Чур, мое! Сюда не залезать». С детским бесстрашием они клали на стены краски. Кто только не появлялся тут по воле этих фантазеров — и веселые клоуны, и добродушные драконы с многочисленными головами, и сказочный великан из дагестанских сказок — Аждархо, и птицы, похожие на ископаемых животных, и Иван-Царевич, уносящий на разноцветном волке Елену Прекрасную, и три медведя.

Когда директор совхоза Нариман Абдулхаликович Алиев увидел роспись на стенах школы, он предложил юным художникам украсить интерьер детского сада и совхозной библиотеки:

— Зачем нам из города приглашать художников, когда у нас в совхозе свои есть, да еще какие!

О директоре Алиеве надо сказать особо. Не будь его, пожалуй, не жилось бы так хорошо и интересно детям в поселке Мамедкала. Более 25 лет он руководит совхозом. Отличный хозяйственник, известный в стране виноградарь, Герой Социалистического Труда. Авторитет совхоза настолько высок, что из Махачкалы в Мамедкалу перевели Республиканский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия. При совхозе созданы научные лаборатории, проводятся многочисленные исследования. Нариман Абдулхаликович знает, из чего складываются производственные успехи совхоза, учитывает все факторы, влияющие на экономику. Важнейший из них — нравственный климат в коллективе, настроение людей. Не требуется особо разъяснять, какое отношение ко всему этому имеют организация жизни детей работников совхоза, их воспитание.

Далеко глядел Алиев, когда добивался создания в поселке трех специализированных школ, старался привлечь в них хороших педагогов. Теперь не верится, но инициатива эта поначалу не вызвала восторга у родителей. Многие опасались, что занятия в музыкальной школе (она открылась первая) оторвут детей от дома, им будет некогда помогать по хозяйству. Да и зачем учиться музыке, достаточно, что среднюю школу кончают. Все эти сомнения позади. Школы — все три — стали необходимой частью духовной жизни коллектива совхоза. И, несомненно, прекрасно влияют не только на детей, но и на родителей. Об этом говорит директор совхоза:

— Рабочие, служащие нашего хозяйства знают, что дети их окружены постоянным вниманием, не болтаются без дела, а находятся под хорошим влиянием. Они очень горды, когда слышат, как их сына или дочь хвалят за хорошие рисунки или за исполнение музыки, танца. Интересно у нас получается — сами дети воспитывают родителей, вовлекают их в свои дела, в организацию выставок, концертов. А вот вам такой пример: у нас давно существовало правило — по утрам спортсмены делали на стадионе зарядку. Потом замечают — ребята приходят с родителями. Теперь же в совхозе создана специальная группа здоровья для наших работников, в ней человек сто, и среди них немало женщин.

Прекрасные условия, созданные в совхозе для детей, во многом залог того, что не уезжают жители из поселка, даже если где-то могут больше заработать. Был случай: один хороший агроном решил было уехать из Мамедкалы. Поездил, ознакомился с жизнью в других местах, условия

для работы, может быть, и получше в чем-то, а вот с учебной, с досугом детей хуже. Сыновья его ходили в спортивную школу, а дочь занималась в музыкальной, на новом месте они продолжить эти занятия не могли бы. И он решил остаться.

Можно только гадать, создал бы Куцев подобную школу, работая в другом месте, или тут все-таки решающую роль сыграла благоприятная атмосфера в совхозе. Но несомненно, что такая атмосфера притягивает личности творческие, энергичные. Так же заинтересованно, как и Куцев, работают руководитель музыкальной школы Альжамбек Алисултанович Алисултанов и директор спортивной школы Али Нурмухамедович Нурмухамедов.

А задание директора совхоза — расписать детский сад и библиотеку — ребята выполнили с радостью. И родители знают, что именно здесь нарисовано их сыном или их дочерью.

С Куцевым работать интересно, поэтому в его школе много хороших педагогов. Директор воспитывал не только детей, но и своих коллег. Гамзат Гусейнов сейчас учится в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени В. Мухомовой. А еще недавно он работал в Мамедкале и, по его словам, старался, чтобы занятия живописью формировали нравственный облик детей, учили их правильно жить среди людей. Были у него и уроки на тему «Добро и зло». Проявляется ли доброта человека в его внешности? Если проявляется — то как можно это нарисовать? А как со злом? В одном из классов школы появилась роспись — итог этих занятий: одна стена — добрая, другая — злая. Наверное, ребята сумеют и в жизни отличать добро от зла. Отношение же их к тому и другому проявилось в росписи очень ярко.

На одной из стен в школе экспрессивный хоровод фигур, образующих сложный и прекрасный орнамент. Стена называется «Стремление». Сначала она у ребят не получалась. «Представьте себе, — сказал тогда Гамзат, — что в классе есть сокровенное место, там зарыта тайна, — и указал на точку в центре стены. — Тайну откроет тот, кто достигнет этого места первым. Рисуйте себя, устремившихся к нему». Собственно, первых не было, каждый маленький художник открыл свою тайну.

Потом у класса Гамзата был год, который назвали «годом прекрасных натюрмортов». Медные кувшины, глиняные сосуды, цветы, фрукты соединялись на рисунках в волшебных сочетаниях. Ребята с помощью педагога на этих уроках постигали красоту и смысл народного прикладного искусства.

После уроков учителя В. Куцев, Х. Юсупова, А. Абдусаламова, С. Ах-

медова часто собираются в учительской и с принципиальностью международного жюри обсуждают работы учеников.

Был в художественной школе Мамедкалы сложный период — когда Валерий Афанасьевич уехал из поселка, решив поступать в Ленинградское художественное училище. Хотя и не прошел по конкурсу, остался в Ленинграде, пока учился в реставрационном училище. Он не жалеет об этом годе — каждый день ходил в Эрмитаж, в Русский музей, в театр. «Времени было много — и я даже решал для себя: сегодня смотрю в Эрмитаже только потолки, а завтра — двери, послезавтра — еще что-то одно...»

А тем временем в Мамедкале был назначен новый директор художественной школы. Он ужаснулся, увидев расписные стены и потолок. Особенно возмутило его то, что и двери расписаны, не отличишь от стен. И повелел все закрасить одним цветом. Преподаватели школы нашли выход — закрыли роспись картонными листами нейтрального тона, чтобы сберечь прекрасную работу детей. А учеников снова посадили за рисование цветных квадратиков, чучела вороны и круглого полена.

Но этот период, к счастью, минул. Куцев, истосковавшийся по работе с детьми, вернулся в Мамедкалу. Картон сняли — и школа опять засияла ослепительными красками, а дети снова выпустили на волю свою фантазию.

Однажды мамедкалинским юным художникам предложили оформить спектакль «Назнай — победитель великанов» в Махачкалинском кукольном театре. Когда Куцев привез эскизы, режиссер спектакля Ю. Жариков даже растерялся: из 150 работ нужно было выбрать лишь 20, а вот как определить лучшие — все прекрасны! Дети точно уловили стилистику народной сказки. Здесь были древние маски — прообразы будущих кукол, смешной пестрый черт, похожий на Буратино, только со мно-

жеством рук и ног, забавный козел и волшебная птица. Попутно ребята расписали и интерьер кукольного театра.

Если перечислять все творческие работы мамедкалинских юных художников, один их перечень займет целую страницу. Но к названным я добавлю лишь постоянное их сотрудничество в дагестанском детском журнале «Соколенок» и иллюстрации к книжке В. Портнова «Слепой дождь».

В кабинете В. А. Куцева висит карта мира с флажками в разных частях света. Она мне напоминала схему в аэропортах, информирующую, в какие точки земного шара совершают полеты самолеты Аэрофлота. Только линии тянулись не от Москвы, а от Мамедкалы. Здесь отмечены страны, где побывали на выставках работы учеников. Их более полусотни. И из многих пришли дипломы.

Куцев не ставит своей целью воспитание профессиональных художников, хотя не было случая, чтобы те из его учеников, кто решил поступать в художественное училище, провалились по спецпредмету. Около 20 выпускников учатся в художественных школах и училищах. А первая из них, Айшат Абдусаламова, вернулась в родную школу педагогом. И все же главное для Куцева —

помочь каждому через живопись познать себя, раскрыть свои возможности, свой внутренний мир: «Дети должны рисовать, ибо в творчестве все дети гениальны. Открывая мир с помощью рисунка, они открывают себя».

Сейчас трудно представить, что многие родители не хотели отдавать детей в художественную школу. Саманият Бахмудовна Меджидова рассказывает:

— Я-то мечтала их музыкантами видеть. А что художники? Тут приезжали к нам в совхоз художники, плакаты для клуба рисовали. Я посмотрела — все грязные, в краске, на людей не похожи. Думаю: неужели и мои такими будут?

Но трое ее сыновей (а в семье семеро детей) оказались не только способными к живописи, но и настоячивыми. Самый старший, Меджид уже учится в художественном училище в Махачкале. Картины Меджида висят в комнате родителей рядом с семейными фотографиями. Ребята отстаивали свое право заниматься любимым делом.

А в художественную школу приходят все новые мальчишки и девчонки. Они осторожно открывают дверь, заходят в класс, садятся за мольберт и начинают рисовать цветок, птицу, льва, дракона...

УРОК — ВСЕМУ ОСНОВА

Л. ФЕДОРОВА

Каждый, кто приезжает к нам в район, обращает внимание на обилие культурных зданий, среди которых много действующих. Действительно, здесь мужской монастырь, 14 православных церквей, лютеранская кирха, два молитвенных дома евангельских христиан-баптистов. Есть еще случаи, когда верующие родители стремятся приобщить детей к религии, запрещают им быть октябрятками, пионерами, комсомольцами.

Поэтому формирование научно-атеистических взглядов и убеждений в школах района имеет свои особенности и складывается из трех направлений. Это, прежде всего, атеистическое воспитание детей, подверженных религиозному влиянию, работа с верующими родителями и пропаганда научного мировоззрения среди всех учащихся.

Естественно, атеистическая работа является предметом постоянной заботы отдела народного образования. Вопро-

сы атеистического воспитания обсуждаются на педагогических советах, производственных совещаниях, заседаниях профсоюзных комитетов, советах роно, совещаниях директоров школ, семинарах, научно-практических конференциях и т. д. Большое внимание мы уделяем подготовке учителей, которые непосредственно занимаются пропагандой атеистических знаний в школе. Они посещают школу атеистов при райкоме партии. Многие окончили заочное отделение университета марксизма-ленинизма по специальности «атеизм».

В речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко сказал: «Сегодня весь учебный процесс должен в гораздо большей мере стать носителем мировоззренческого содержания». Педагогические коллективы школ нашего района стараются работать так, чтобы мировоз-

зренческое, атеистическое воспитание пронизывало всю систему учебной и воспитательной работы.

В начальных классах, когда религиозность детей зачастую носит внешней, подражательный характер, а их представления чувственно-конкретны, педагоги образно раскрывают вред бытовых суеверий, в доступной форме объясняют ученикам несостоятельность религии.

В средних и старших классах на уроках истории учителя показывают ребятам роль религии и церкви в истории народов и государств. Интересны, на мой взгляд, уроки, которые ведет преподаватель Печорской восьмилетней школы И. Г. Щупик. Возьмем, к примеру, тему седьмого класса «Православная церковь во время крестьянской войны под руководством Степана Разина». Рассказывая об усилении крепостной зависимости крестьян не только в вотчинах бояр и поместьях дворян, но и в монастырских владениях,

учитель подводит учащихся к пониманию такого факта: среди восставших было много монастырских крестьян, разинцы громили не только боярские усадьбы, но и монастыри, в частности Макарьевский, близ Нижнего Новгорода. И. Г. Щупик обращает внимание детей: православное духовенство оказало немалую помощь царю и феодалам в борьбе с восставшими крестьянами. Обороной Астрахани, в частности, руководили царский воевода и местный митрополит Иосиф. И впоследствии, стремясь вытравить из памяти народа имя Степана Разина, православная церковь использовала свое самое сильное духовное оружие — предала анафеме крестьянского вождя.

На уроках биологии педагоги помогают детям осмыслить с мировоззренческих позиций эволюционную теорию развития органического мира; на уроке химии, к примеру, посвященном изучению закона сохранения массы вещества, учитель показы-

вает на опыте, что при химических реакциях атомы сохраняются, значит, сохраняется и их масса. Следовательно, вещества не могут возникнуть из ничего.

Педагоги не ведут абстрактных разговоров об атеистической сущности тех или иных законов, открытий, а стараются показать их наглядно, в связи с повседневной жизнью. Вот на уроке ботаники разбирается тема «Семья». Учащиеся наблюдают за прорастанием семян, изучают их строение и химический состав. В прошлом люди «святтили» семена в церкви, видя в этом залог высокого урожая. Учительница рассказывает о получении высоких урожаев зерна в колхозе «Заря», овощей и картофеля в колхозе «Дружба», знакомит ребят с успехами ученых-селекционеров, опровергая тем самым утверждение религии о сотворении растений богом.

Очень многое дают экскурсии, которые регулярно проводят учителя географии. Например, во время похода по берегам реки Богдановка школьники учатся читать геологическую летопись земли. Педагог рассказывает, что по раковинам, отпечаткам растений и останкам животных, найденным в пластах пород, можно судить о том, каковы были условия жизни на земле в далеком прошлом. Учащиеся зарисовывают и описывают геологическое обнажение, определяя, сколько в нем пластов пород, каков их цвет, состав, плотность и т. д. При этом учитель обращает внимание ребят на нередкие в нашей местности валуны. Надвигавшийся с севера ледник принес эти огромные камни из других краев. Люди, не понимавшие, откуда взялись глыбы, часто считали их священными и поклонялись им. Подобный валун есть и в городе Печоры на Овражной улице.

Атеистическое воспитание на занятиях дополняется и неплохо поставленной внеклассной работой. Во всех школах есть атеистические клубы и кружки: «Атеист», «Прометей» и другие. В каждом имеются советы, куда избирают наиболее активных ребят из 7—10-х классов. Подбирая различные факты, разоблачающие несостоятельность религиозных верований и разъясняющие вред, который приносит человеку религия, суеверия и их пережитки, они проводят затем беседы с младшими школьниками.

Особенно любят ребята атеистические вечера «Химия против религии», «Физика против религии» и т. д. Они с удовольствием смотрят

опыты, объясняющие, что представляют собой религиозные «чудеса» обновления икон, самовозгорания свечей и как их устраивали священнослужители.

На классных собраниях, воспитательных часах, читательских конференциях регулярно проводится обсуждение книг, рассказов на атеистические темы. Например, интересно проходило обсуждение книг А. Белова «Рассказы о героях и мучениках науки», В. Тендрякова «Чудотворная» и ряда других. И, конечно же, большую пользу всем приносят обзоры журнала «Наука и религия».

Особо следует остановиться на работе с детьми, родители которых по религиозным убеждениям не разрешают им быть октябрятами, пионерами, комсомольцами. Учителя, пионервожатые стараются заинтересовать таких ребят жизнью отряда, класса, школы, давая им посильные поручения, вовлекая в работу различных кружков.

И, пожалуй, самое трудное — это работа с религиозно настроенными родителями. Педагоги разъясняют им задачи воспитательной работы, которую проводит школа. Они стремятся привлечь верующих родителей к общественной работе, к практической помощи школе. Кроме того, при школе созданы университет педагогических знаний, родительские лектории, где слушателей знакомят и с основами атеистических знаний, и с общими вопросами педагогики.

Как правило, такая вдумчивая, чуткая работа приносит свои результаты. Вот, например, в одной из средних школ районного центра училась девочка. Назовем ее Таня. Мама девочки — верующая. Она не поощряла участие Тани в общественной жизни класса, школы, не хотела, чтобы Таня вступала в комсомол. Учителя часто беседовали с матерью, рассказывали ей об успехах дочери, о том, каким уважением пользуется Таня в классе. И мама, конечно не сразу, видя доброе отношение педагогов, Таниных друзей к дочери, смягчилась. В старших классах девочка училась хорошо, была непрерывной участницей всех школьных начинаний. Мечтает после окончания школы посвятить себя медицине. В школе Таня не вступила в комсомол, но учителя уверены, что она обязательно будет комсомолкой.

Похожая судьба и у Саши Н. Мальчик воспитывался в религиозной семье, его отец — священнослужитель. Однако уже в восьмом клас-

се Саша вступил в комсомол.

Много внимания в школах района уделяется проведению политинформаций, патристическому, интернациональному воспитанию. Празднично проходит прием в октябрята и пионеры. Впечатляет торжественный ритуал вручения паспорта. Он проводится в районном краеведческом музее. Ежегодно в школах проходят недели революционной славы под девизом «День рождения Родины», сборы «Дорогой героев, дорогой отцов» и т. д.

Уже много лет учащиеся Печорской средней школы № 1 проводят традиционные фестивали дружбы совместно с ребятами из Прибалтики. Каждая школа представляет свою республику: школьники из небольшого городка Рапла — Эстонскую ССР, из города Лимбажи — Латвийскую ССР, ребята из Паланги — Литовскую ССР и наши школьники — РСФСР. Участники фестиваля встречаются ежегодно поочередно в одном из этих городов с седьмого по девятое мая.

Программа фестиваля традиционна. Здесь и обмен опытом комсомольской работы, и проведение ленинского зачета, спортивные соревнования, выступления участников художественной самодеятельности. Школьники возлагают венки на могилы павших в годы Великой Отечественной войны.

Фестивали, выливаясь в заповищаемые празднества, воспитывают юношей и девушек в духе интернационализма, дружбы всех народов.

Постановление июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС нацеливает педагогические коллективы школ на более интенсивную работу по повышению коммунистической убежденности, политической активности учащихся и их атеистическому воспитанию. И наши педагоги, применяя различные формы и методы работы, стремятся с самых первых дней пребывания ребенка в школе формировать у него активную жизненную позицию, заложить основы научно-материалистического миропонимания.

Это особенно важно сейчас, когда началась практическая работа по совершенствованию учебного процесса, как это определено в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

г. Печоры
Псковской области

Информация, хроника

■ Инициатива принадлежала атеистам Пятигорска. На одном из семинаров организаторов атеистической работы была высказана идея — создать ежемесячный радиожурнал «Атеист», ее поддержал горком КПСС. Двадцать лет назад вышел первый номер радиожурнала.

Он открывался беседой «Религия в современном мире». Теперь это постоянная рубрика.

За двадцать лет в эфире прозвучало 198 выпусков «Атеиста». Один был посвящен высказываниям В. И. Ленина о религии.

■ Только за год около тысячи трехсот лекций прочитали члены Пятигорской городской организации общества «Знание» на атеистические и естественнонаучные темы. С большим вниманием слушают лекции Н. Мошкова, С. Кузьмина, В. Анюшкова и многих других лекторов.

Регулярно читаются научно-атеистические лекции и проводятся беседы на темы научного атеизма в курортной поликлинике, санаториях имени Кирова, имени XXII съезда КПСС, на головном предприятии швейного объединения «Машук».

■ Общественность Пятигорска многое делает для внедрения в жизнь новых советских обычаев и обрядов. Так, за год торжественно зарегистрировали рождение ребенка более тысячи трехсот семей. Из 1.140 зарегистрированных браков 1.055 зарегистрированы в торжественной обстановке.

■ На бюро горкома ВЛКСМ рассмотрены вопросы состояния атеистической работы среди молодых рабочих в пассажирском автотранспортном предприятии № 1, в трамвайном управлении.

Намечены важные мероприятия по атеистической работе: изучение религиозной обстановки в молодежной среде, проведение семинаров секретарей по вопросам теории и практики атеистического воспитания юношей и девушек и другие.

ЗДОРОВЬЕ— ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

К 60-летию образования советских республик в Средней Азии

дело не только в личных пристрастиях. Это действительно одна из центральных задач здравоохранения республики, где, как и всюду в нашей стране, забота о здоровье народа начинается с научной организации медицинского обслуживания детей,— таков государственный подход к проблеме.

— В дореволюционной Киргизии не существовало службы здоровья. На 60 тысяч человек — один врач, это значит, что люди рождались, болели, умирали, ни разу не увидев доктора, не получив никакой медицинской помощи. Вот документальные свидетельства прошлых лет: каждый второй ребенок умирал, не дожив до года. Смертность превышала рождаемость, создавая реальную угрозу исчезновения киргизов. Знахари и шаманы, даже владея какими-то приемами народной медицины, перед большинством заболеваний были бессильны, да и чаще всего их «лечение» приносило людям вред.

● Специальность академика К. Рыскуловой — хирургия.

● В одном из родильных домов Киргизии.

● В лаборатории Института акушерства и педиатрии.

● Вертолет доставит бригаду врачей в высокогорный район.

● Джулдас Джумашева лечится в детском санатории «Ала-Тоо».

Алла ЛЮДЕН,
Галина КИСЕЛЕВА,
специальные корреспонденты
журнала «Наука и религия»

Фото Г. Киселевой.

Советская Киргизия отмечает свое 60-летие. Народ, в условиях царской России обреченный на вымирание, поднялся на уровень цивилизованных наций мира благодаря коренным социальным преобразованиям, происшедшим в Средней Азии за несколько последних десятилетий. Один из самых выразительных показателей уровня жизни людей — организация охраны их здоровья, состояние медицины. Первые сведения о медицинской службе республики мы получили у заместителя министра здравоохранения Киргизской ССР Надежды Ивановны Деревянкиной. У этой женщины за плечами богатый врачебный опыт. Путь к ответственному государственному посту начался с работы в детской больнице. Может быть, поэтому особое внимание в нашем разговоре заместитель министра уделила охране материнства и детства. Впрочем,

Сейчас это уже давняя история. Исчезли такие страшные болезни, как чума, холера, оспа. Сегодня в Киргизии 266 учреждений, оказывающих стационарную помощь (в них более 41 тысячи мест), 345 амбулаторно-поликлинических. В республике с населением 3,56 миллиона человек работают около 10 тысяч дипломированных медиков. По этим данным Киргизия находится на уровне наиболее развитых стран мира. Киргизы сегодня не знают, что такое голод, нищета, эпидемии.

Да, в поездке по республике мы убедились, что в Киргизии с первых мгновений появления на свет человек окружен заботой врачей. В этой части Средней Азии, как нам рассказала заместитель министра здравоохранения, проблемы профилактики стоят острее, чем во многих других регионах страны, особенно когда речь идет о здоровье матери и ребенка. И вот почему: в республике традиционно высокая рождаемость, пять-семь детей в семье явление обычное. Но врачам хорошо известно, что уже пятый ребенок рождается, как правило, более слабым и возрастает опасность потерять его, подавляющее число

смертных случаев среди новорожденных приходится на шестые-седьмые роды. Естественно, что слабых детей выхаживать труднее. Тем более, что живет большинство киргизов в горных районах, с весьма суровым климатом, с резкими перепадами температуры. В городах решение этой проблемы уже не представляет особых сложностей: женщина, ожидающая ребенка, регулярно получает консультацию специалиста. А для помощи сельским жительницам созданы выездные медицинские бригады, в составе которых гинекологи, терапевты, стоматологи и, конечно, педиатры. Они едут по вызову в отдаленные горные районы, есть у них и, так сказать, «профилактические» маршруты. Эти бригады ведут и большую просветительную работу, разъясняют опасность посещения святых мест, куда еще нередко под влиянием религиозных родственников ходят женщины с больными детьми. Рассказывают, какой вред здоровью ребенка и самой матери могут принести антисанитария в этих местах, да и потеря времени, когда может быть упущена возможность излечения болезни.

Эти программы предполагают рациональное использование научных возможностей каждой республики. И каждая республика может максимально быстро внедрить в свою практику новое, что открыто коллегами из другого района страны. Одно из традиционных научных направлений, развивающихся в горных республиках,— изучение физиологии и специфики заболеваний в условиях высокогорья. Киргизские ученые составили рекомендации по адаптации людей в горных районах любой части СССР. Они, кроме того, обнаружили, что пребывание в горах не только не опасно для гипертоников, но во многих случаях способствует их успешному лечению. В горных санаториях хорошо излечиваются бронхиальная астма, некоторые заболевания крови, конечно, по специально разработанной для этих условий методике.

Мы заинтересовались, как обстоит дело с подготовкой медицинских кадров. По мнению Н. И. Деревянкиной, в Киргизии недостатка в них уже нет. Более высокая в СССР, чем в других странах, потребность во врачах, медицинских работников со средним образованием объяс-

Медицина Киргизии оказывает женщине, ожидающей ребенка, всестороннюю помощь, предупреждая осложнения при родах, а для новорожденных созданы все условия, чтобы они нормально развивались, стали здоровыми детшками.

Вся территория республики условно разделена на районы, а они, в свою очередь,— на участки с определенным числом жителей. За каждым закреплены гинеколог и педиатр, которые и лечат, и предупреждают заболевания.

— В нашей республике над проблемами медицины работает шесть научно-исследовательских институтов: онкологии и радиологии; акушерства и педиатрии; эпидемиологии, микробиологии и гигиены; туберкулеза, курортологии и физиотерапии. Такая специализация научной работы не случайна, она определена социальными потребностями.

В Советском Союзе над проблемами медицины работают по скоординированным государственным программам свыше 400 научно-исследовательских институтов.

няется профилактической направленностью нашего здравоохранения.

Врачей для республики в основном готовит медицинский институт во Фрунзе. При приеме на педиатрический факультет предпочтение отдается молодежи из отдаленных сельских районов. Почти все они, получив образование, возвращаются домой — лечить односельчан. На них возлагаются и большие задачи по санитарному просвещению сельского населения, освобождению людей от суеверий и предрассудков, наносящих вред здоровью.

Мы побывали в Институте акушерства и педиатрии, который здесь называют центром охраны здоровья матери и ребенка. Его главная, основная задача — научные исследования в области педиатрии, акушерства и гинекологии и внедрение достижений медицинской науки, передового отечественного и зарубежного опыта в практику здравоохранения.

Кроме того, в центре оказывают высококвалифицированную помощь в случаях, с которыми не справляются местные больницы. Высококвалифицированные педиатры и гинекологи консультируют здесь около 100 тысяч

женщин и детей ежегодно. Руководит институтом со дня его основания профессор Анатолий Александрович Ильин.

Продолжение жизни... Над различными аспектами этой важнейшей темы работают в институте более тысячи человек, выполняются крупные научно-исследовательские работы. Значительная их часть посвящена вопросам здоровья жителей горных районов Киргизии: здесь живет почти половина многодетных семей республики. Зимую дети чабанов проводят в интернатах, летом ведут кочевую жизнь вместе с родителями, которые перегоняют отары овец в горах.

В Институте акушерства и педиатрии исследуются функции сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем у детей, живущих на различных высотах, изучаются состояние здоровья детей раннего возраста, показатели их физического развития. При этом тщательно учитываются и особенности быта в горах.

— Все исследования на высокогорье проводятся впервые не только в Советском Союзе, но и вообще в мире, — рассказывает Ильин, — и мы гордимся тем, что они дают хорошие результаты.

Отделением педиатрии заведует заместитель Ильина Душан Кудояров. Под его руководством врачи успешно занимаются детской аллергологией, неврологией, кардиоревматологией.

— Если заболевает ребенок, которому еще не исполнилось года, то вместе с ним в больнице находится мать, — рассказывает Кудояров. — Раньше медики все внимание уделяли только больному ребенку, ну а мать, понятно, была их первой помощницей. Несколько лет назад в нашем институте решили: раз уже женщина в стационаре, то ей тоже надо пройти профилактический врачебный осмотр, а при необходимости — и лечение. Сейчас такая форма медицинского обследования населения широко внедрена во всех областях республики: при детских больницах открыты терапевтические отделения для матерей.

В старые времена в Средней Азии бездетная женщина или женщина, у которой один за другим умирали новорожденные дети, считались «проклятыми», люди с опаской говорили, что от них отвернулся Аллах. Эти «проклятые» совершали паломничество к святым местам, протискивались сквозь «святые» расщелины в скалах, ездили к знахарям, приносили жертвы святым покровителям. Сегодня число паломниц сократилось до минимума, женщина идет за помощью к врачу.

В институте особое внимание уделяется женщинам, страдающим различными заболеваниями внутренних органов, особенно — сердечно-сосудистыми. Эти болезни порой не дают возможности стать матерью или вызывают осложнения во время родов, сказываются на состоянии здоровья новорожденного. За последние годы число осложнений значительно снизилось благодаря профилактической и лечебной работе Института акушерства и педиатрии. А. А. Ильин рассказал нам об одном из многих интересных начинаний коллектива. Это — «Медицинская книжка животновода». Зачем она? А вот зачем. Городские жители находятся, как правило, под наблюдением одного и того же врача, а семьи чабанов, перегоняя в горах отары овец, почти всегда вдалеке от медицинских пунктов. К ним выезжают специальные врачебные бригады, состав которых каждый раз меняется. При осмотре в книжке делается запись о состоянии здоровья чабана и членов его семьи. Это облегчает работу следующей бригады врачей.

В институте уютные светлые палаты, хорошо оснащенные кабинеты, в столовой вкусная, по-домашнему приготовленная еда. Недоношенные и слабые дети получают здесь напиток биолакт. Это — кисломолочный продукт, состав которого разработан киргизскими учеными. Он богат микроэлементами и витаминами, очень эффективен в профилактике и лечении кишечных инфекций, рахита, хронических расстройств пищеварения.

Первый в стране цех, выпускающий биолакт, был

построен на молочном комбинате во Фрунзе несколько лет назад. Сейчас этот напиток готовят на молочных кухнях в двенадцати республиках страны.

Детский санаторий «Ак-Суу» расположен в горах Тянь-Шаня, ближайший населенный пункт — в семи километрах. Врачи говорят, что здесь воздух целительный. Вокруг — сосны, березы и заросли рябины, барбариса, шиповника.

В середине прошлого века русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский открыл и впервые описал здешние минеральные источники. Но лишь при Советской власти, в 1932 году, была пробурена первая скважина. Термальные воды «Ак-Суу» богаты различными минеральными веществами. Именно это место и было выбрано 27 лет назад для детского санатория, в котором лечат различные последствия тяжелого заболевания — церебрального паралича.

В первые дни санаторий мог принять лишь 50 детей. Теперь здесь лечатся 200 ребят. Вот уже почти 10 лет руководит санаторием детский врач Гюльжамал Дыйнакова.

— Свое назначение, — рассказывает она, — я восприняла сначала со страхом: боялась, что не смогу помочь этим детям. А что может быть хуже для врача, чем сознание своего бессилия. Мучительно было смотреть на наших маленьких больных. Ведь ребенок и неподвижность несовместимы. Не ходить, не бегать, не играть в мяч...

Наступление на болезнь мы ведем широким фронтом. Нам много помогли известные научные центры страны — кафедра детской психиатрии Ленинградского педиатрического института, Институт акушерства и педиатрии во Фрунзе и другие учреждения.

Почти 100 дней проводит ребенок в нашем санатории. Что можно сделать за такой срок! А вот взгляните на цифры: улучшение наблюдается у 95 процентов детей, полностью излечиваются 10 процентов. Может показаться, что это немного, но ведь до недавнего времени цифра была гораздо меньше. Матери с такими детьми ездили к святым местам, вымаливали им здоровье. Их можно понять. Но выздоровление наступало чрезвычайно редко. Разве что если святое место находилось возле такого источника, как наш, а болезнь была не слишком серьезна или не запущена. А вот вам пример. В 1967 году к нам привезли мальчика Алтамышы Кыштабаева. Не двигался. Не мог даже держать голову. Пробыл у нас положенный срок. Потом мы его оставили в санатории еще на 100 дней. Несколько лет он приезжал к нам. Тяжелый был случай, а мы его все-таки вылечили. Сейчас это взрослый юноша. Совершенно здоров, учится в институте. Разве не чудо!

Есть такое выражение — «поставить на ноги». Так говорят, имея в виду становление характера, воспитание, образование. А в нашем санатории это выражение надо понимать буквально. И то, насколько нам это удастся, во многом определит и всю дальнейшую жизнь ребенка. И каждый из нас, от главного врача до повара, старается сделать для этого все возможное.

На 200 детей у нас 250 человек персонала. В их числе — опытные специалисты. И все — очень хорошие, добрые люди. Другие у нас не приживаются. Любовь и терпение нельзя получить вместе с дипломом об окончании медицинского училища или института. Они идут от сердца. Те, у кого есть эти качества, от нас уже просто не могут уйти. Старшая сестра санатория Валентина Подольских работает здесь уже 25 лет. Ей несколько раз предлагали более спокойную, более удобную работу. Но Валентина очень любит детей, не может оставить их.

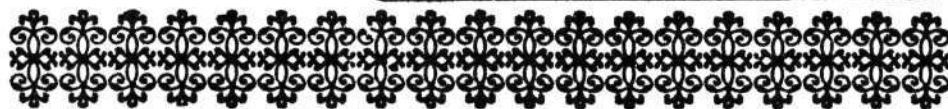
Мне часто говорят: «Вам тяжело с этими детьми». А я их как своих родных люблю и жалею. Вечером заснуть не смогу, если не пройду по корпусам, не посмотрю, как они спят.

Да, у нас нелегкая работа. Но она дает ни с чем не сравнимое счастье: помочь больному ребенку. Поставить его на ноги.

ОБ ОБРЯДАХ-

Наши консультации

ДОХОДЧИВО И ПОНЯТНО

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость пропаганды новых советских гражданских обрядов и праздников. Дело это не простое. Поэтому каждый, кто выступает с такой темой, должен знать существующую на месте практику проведения обрядов и праздников. Факты, взятые непосредственно из жизни рабочих коллективов, анализ того, что прижилось и того, что еще не сложилось и нуждается в помощи и поддержке, — все это будет способствовать успеху лекции.

В то же время мы хотим напомнить пропагандистам, что при кажущейся простоте темы лекция о новых обрядах таит в себе многие сложности, их легче, конечно, разрешить с помощью конкретных примеров.

Прежде всего необходимо дать представление об основных чертах новых гражданских обрядов, объяснить их значение в духовной жизни общества. Они обогащают жизнь тружеников города и деревни, отражают значительные государственные и личные события. Так устроен человек, что в определенные моменты жизни он ощущает потребность совместно с другими людьми прочувствовать единство целей, идей, интересов.

Причастность всех присутствующих к событию — одна из самых важных характерных черт обряда. В нем нет разделения на актеров и зрителей. Все, кто пришел, охвачены чувством сопереживания, так сближающим людей.

Выступая, лектор должен учитывать состав слушателей: в мало подготовленной аудитории он, говоря о теории, природе обрядов, о закономерностях их становления, может ограничиться короткой справкой. Если же он выступает перед теми, кто занимается этой проблемой профессионально, например перед клубными работниками, то ему нужно привлечь более широкий материал, порекомендовать соответствующую литературу (список книг о новых обрядах помещен в конце).

И вот тут-то, в добавление к общим положениям, уместен будет

конкретный рассказ об обрядах. Похвалит ли лектор торжественный свадебный ритуал в районном Дворце бракосочетаний, подробно разобрав его символику, расскажет ли о праздничном убранстве зала, о цветах, о красивых папках для записи брака, о музыкальном сопровождении, о ритуальном костюме ведущей и о многом другом — все это даст возможность присутствующим сравнить услышанное с собственным опытом, сделать выводы.

А вот делая своими впечатлениями об обряде именная речь в том же Дворце, пропагандист может проанализировать его составные части и сделать вывод, что надо еще поработать над совершенствованием обряда, добиваться того, чтобы он более полно отражал торжественность события. При этом лектор должен обратить внимание слушателей на недопустимость искусственного конструирования праздников и обрядов. Нужно отчетливо представлять себе их истоки, связь с лучшими традициями прошлого, изучать их, разумно, творчески отбирая то, что соответствует нашему времени, советскому образу жизни.

В то же время лектор должен предостеречь аудиторию и от пассивности, роли стороннего наблюдателя. Только активные, творческие, умелые усилия людей, призванных воплощать в жизнь новые ритуалы, бережное сохранение лучших национальных традиций определяют успех новых, социалистических по содержанию, праздников и обрядов.

Нужно показать слушателям, что в обрядотворчестве важным фактором выступает время. Столетия отбирала народная память все лучшее, отбрасывала наносное. Наша задача сейчас — очистить народные праздники и традиции от религиозных наслоений, во всей полноте раскрыть их красоту, эмоциональное богатство и яркость.

В каждом городе и районе, в каждом селе есть энтузиасты, занимающиеся разработкой и внедрением новой обрядности. Кроме штатных сотрудников Дворцов куль-

туры, клубов, загсов есть добровольные помощники — представители общественности, партийные, комсомольские работники. В лекции можно назвать их фамилии, сказать о них добрые слова. И эти сведения, опять-таки увязанные с повседневной практикой, произведут хорошее впечатление, создадут деловой настрой в аудитории, пробудят у слушателей желание личным участием способствовать становлению новых ритуалов.

Лектор должен подчеркнуть, что в нашей жизни утвердилось много новых обрядов. Демонстрация трудящихся в годовщину Октябрьской революции и в праздник Первомая — это тоже обряды, в торжественной форме которых заложено огромное содержание. Мы знаем множество ритуалов военно-патристических — парады, воинскую присягу... В празднике Победы нас волнуют высокие чувства любви к Родине и благодарная память о тех, кто отдал жизнь, защищая ее и нас. Велико значение трудовых, производственных праздников и обрядов. Все они, повторяясь от раза к разу, из года в год, приобретают все более глубокое содержание, несут в себе высокий нравственный потенциал. Из повторения одних и тех же впечатляющих элементов складываются традиции.

Наше время, отмеченное вниманием к человеку, к его внутреннему, духовному миру, выдвигает на повестку дня совершенствование семейных обрядов, связанных со сферой личных переживаний, со значительными, переломными событиями в жизни каждого. Поэтому естественно, что лекция о новых обрядах должна включать и серьезный разговор о ритуалах в семейном кругу. И здесь особое звучание приобретает рассказ о становлении гражданской обрядности.

За годы Советской власти произошли качественные изменения в сознании людей, в их отношении к религии. Преимущества нашего общественного строя, достижения во всех сферах производства способствовали утрате большинством людей глубоких религиозных убеждений и чувств. Но еще сильна приверженность к религиозным обрядам у некоторой части населения. Отмечают рождество, пасху, другие церковные праздники. Нередко крестят детей, бывает, венчаются в церкви, довольно часто провожают в последний путь с церковным отпеванием.

Гражданские обряды имеют огромное значение в духовной жизни общества. Они олицетворяют социалистические отношения людей, отражают новые идеалы, славят труд, человека, его деяния, его идеальные и нравственные устремления. На атеистическое значение этих новых обрядов лектор должен обратить особое внимание.

Нельзя забывать, что лекция о новой обрядности — одна из важнейших среди других на атеистическую тему. Она предполагает комплексный подход к проблеме: не только развенчание религиозной идеологии, показ несостоятельности религиозных моральных установлений, но и утверждение того нового, прогрессивного, что сложилось в нашей жизни, что способствует прославлению человека — творца, создателя.

Полезно использовать в лекции данные социологических исследований. Отобранные по району, где выступает лектор, они придадут его сообщению дополнительную информативность и интерес. В целом результаты социологических исследований со всей очевидностью иллюстрируют закономерность: там, где новым гражданским обрядам уделяют должное внимание, где они проходят ярко и эмоционально, количество церковных венчаний и крещений уменьшается, а часто они не совершаются. И наоборот, повышенный интерес к религиозным обрядам возникает там, где нет запоминающихся ритуалов. Ведь, пожалуй, главной и единственной причиной похорон по религиозному обряду является отсутствие умного, доброго, эмоционального гражданского ритуала прощания с умершим.

Повторим: лектору, безусловно, надо учитывать состав слушателей. Хорошо, если аудитория состоит из людей заинтересованных, в той или иной мере причастных к формированию новой обрядности, если лектора пригласили не для «галочки», а слушатели пришли не по обязанности. Тогда слова пропагандиста падают на благодатную почву, взаимный интерес выявляет проблему во всей ее полноте. И мы надеемся, что лекции о новых обрядах читаются в аудитории, где нет людей равнодушных. В таком случае уместен разговор о трудностях и недостатках становления новой обрядности.

Религиозные обряды оказывают на людей огромное воздействие. Например, большое впечатление производит тщательно разработанный обряд венчания, музыку к которому писали выдающиеся композиторы. Или целый спектакль приобщения новорожденного к церкви при крещении, завораживающий таинственностью действий священника. Или наполненное верой в загробную жизнь отпевание усопших... Именно на красоту, на то, что церковный обряд «западает в душу», часто ссылаются те, кто, обращаясь к услугам церкви, даже и в бога-то не верит.

Необходимо напомнить, что церковные обряды создавались веками, много времени потребовалось, чтобы они сложились в систему эмоционального воздействия.

Новые, социалистические ритуалы

еще молоды, нуждаются в улучшении. Но они стали повсеместным явлением, прижились. А то, что у людей есть потребность отметить события личной жизни по-новому, говорит о жизненности гражданских обрядов. Характерно, что теперь, после нескольких десятилетий пристального внимания общественности к семейным обрядам, мы уже не говорим об их внедрении, а печемся об усовершенствовании. Надо сказать, что сделано немало. Всюду имеется интересный опыт. Но зачастую это важное дело сосредоточено только в руках энтузиастов, предоставленных самим себе и не получающих квалифицированной помощи.

Весомый вклад в разработку ярких форм обрядности должны внести работники искусства — архитекторы, композиторы, поэты, актеры, режиссеры. Ученые — философы, социологи, этнографы — должны более активно изучать закономерности становления новой обрядности. Серьезная, вдумчивая разработка обрядовых форм, сочетающих лучшие национальные народные традиции с высокой коммунистической идейностью, определяет успех этой важной сферы идеологического воспитания.

Яркие обряды сложились в прибалтийских республиках, в Казахстане, Киргизии, Грузии. Много делается в этом направлении на Украине, где создана республиканская комиссия по изучению и внедрению новых гражданских праздников и обрядов при Совете Министров УССР. В республике разработаны сценарии обрядов, созданы комбинаты обрядовых услуг, построены специальные здания Дворцов бракосочетания и т. д. Комиссия с самого начала своего существования стала собирать накопленный на местах опыт, обобщать его, учитывая народные традиции.

Был такой характерный случай. Членов комиссии пригласили в село Ленинское Чернобаевского района Черкасской области на празднование Дня Победы. Ровно в 9 часов утра началось шествие людей к обелиску, на котором выбиты имена всех погибших односельчан. Шли молодые жители, шли ветераны войны с венками, шла колонна школьников со знаменем, каждый ученик нес в руке цветок. Празднично одетые люди шли в такой торжественной тишине, что невозможно было остаться равнодушным. 12 ораторов поднимались поочередно на трибуну и говорили о признательности и уважении к тем, кого уже нет среди нас. Ветераны — участники войны возложили венки, каждый школьник положил свой цветок к подножию обелиска... В простых этих действиях был заключен большой волнующий смысл всенародного праздника Победы.

На основе опыта этой работы была создана и разослана в районы записка

с описанием праздника в селе Ленинское. Так местная традиция послужила основой для обобщений, для создания глубоко торжественного ритуала, воплотившего в себе всенародную дань уважения к павшим защитникам Родины.

Рассказывая о новых обрядах, пропагандист не должен упускать из вида всего того, что направлено на укрепление семьи. Старая семья, когда главенствовал муж, хозяин дома, кормилец и добытчик, канула в вечность. Новые условия, когда женщина получила равное право на специальность, на работу и равную оплату за нее, когда равенство супругов закреплено конституционно, создали иные внутрисемейные отношения. Пропагандисту необходимо подчеркнуть, что уже сами по себе новые обряды способствуют укреплению семьи. Поздравление новобрачных, а обычно это делает депутат — представитель Советской власти, государственный герб в ритуальном зале и на ленте ведущего обряд, исполнение государственного гимна при регистрации новорожденных — все это в символической форме отражает заинтересованность государства в крепкой семье, воспитании молодой смены. За последние годы возникли клубы молодой семьи при Дворцах бракосочетания, призванные помочь молодоженам обрести уверенность в житейских делах, выработать сдержанность, такт, терпимость друг к другу.

Возрождение старинного народного обряда помолвки, предшествующей браку, тоже направлено на укрепление семьи. Этот праздничный торжественный ритуал дает возможность молодым людям еще раз продумать свой шаг. Помолвка совершается в присутствии большого количества людей: товарищей по работе, соседей, родственников, друзей. Это заставляет будущих молодоженов почувствовать ответственность, нравственные обязательства друг перед другом, перед коллективом, перед обществом...

Конечно, лектор может выбрать и другой план построения своего выступления. Однако во всех случаях использование в лекции конкретного местного материала делает ее более действенной, эффективной. К сожалению, мало еще наглядных пособий по этой проблематике. Тем более важной является каждая попытка как-то проиллюстрировать лекцию об обрядах и праздниках. Пока мы только можем порекомендовать выпущенную Всесоюзным обществом «Знание» папку «Советские гражданские обряды и праздники» (1982). Можно и самим подготовить слайды или любительские кинофильмы о тех обрядах и праздниках, которые проходят наиболее интересно и эмоционально, записать на магнитофон фрагменты музыкального оформления ритуала, тексты выступлений ведущих и т. д.

Тогда и сама лекция приобретет ту эмоциональную окраску, которую постоянно ищут в обряде, конкретность, познавательную ценность.

Было бы хорошо, если бы удалось сочетать лекцию с демонстрацией какого-нибудь ритуала, например после выступления лектора на сцене Дома культуры или клуба, в красном уголке цеха или жэка состоялось бы торжество по случаю посвящения молодых людей в рабочий класс, чествование трудовой династии и т. д.

У лектора и организатора лекции об обрядах, праздниках и ритуалах широкий выбор средств для того, чтобы сделать ее запоминающейся и полезной.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Генкин Д. М. МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ. М., «Просвещение», 1975.

Грищенко П., Коконин В. ТРУДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ И ТРАДИЦИИ. М., Профиздат, 1974.

Ельченко Ю. Н. НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ — НОВЫЕ ОБРЯДЫ. М., Политиздат, 1976.

Мазаев А. И. ПРАЗДНИК КАК СОЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ. М., «Наука», 1978.

Е. Нагирняк, В. Петрова, М. Раузен. НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ. Изд. 2-е. М., «Советская Россия», 1970.

НАШИ ПРАЗДНИКИ. М., Политиздат, 1977.

НАШИ ПРАЗДНИКИ. М., «Советская Россия», 1973.

Рогозина Е. Н. НОВЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ОБРЯДЫ. Лениздат, 1973.

Руднев В. А. СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ. Лениздат, 1979.

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ. Изд. 2-е. М., «Молодая гвардия», 1979.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ. ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ. М., «Московский рабочий», 1984.

Суханов И. В. ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ. М., Политиздат, 1976.

Угринович Д. М. ОБРЯДЫ. ЗА И ПРОТИВ. М., Политиздат, 1975.

И старые колядки станут молодыми

В одном из номеров «Науки и религии» я прочитал статью М. Миррахинова о наврузе, где рассказывалось о возрождении древнего праздника весны, о том, что этот народный праздник освободился от религиозных, мусульманских наслоений и органично вошел в новую советскую обрядность.

Эта публикация заставила задуматься: христианская религия также поставила себе на службу многие национальные обряды, и теперь церковь утверждает, что их первооснова не национальная, а религиозная. Вот, к примеру, на Украине, в Белоруссии, в Молдавии, у нас на Кубани так было со святочными обрядами — колядованием и щедрованием. Один проходил в рождественский вечер, другой — перед Новым годом. Всем памятно их описание в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки»:

«Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь».

Я вырос в селе, и с детства эти праздники самые любимые. В них, как, может быть, ни в каких

других, выражалась душа народа, его неистощимый юмор, творческая энергия, его молодость и надежды. Особенно это свойственно колядкам с их импровизацией и театральностью.

К колядкам всегда готовились: сколько выдумки, фантазии и озорства было в одних костюмах ряженых! Здесь причудливая смесь сказочных персонажей и привычной сельской атрибутики, сочетание необычных красок и элементов. Во всем сказывался задор и неутомимость молодости — ведь колядовать обычно ходили парни и девушки, молодые женщины и мужчины.

Односельчане всегда нетерпеливо поджидали колядовщиков. Уже один их вид, костюмы вызывали смех, шутки, и, как ни беден был дом, как ни озабочен хозяин, — все тонуло в безыскусном веселье. Пелись традиционные колядные песни, прославлявшие природу, труд, в которых обязательно были пожелания здоровья и счастья хозяевам, хорошего урожая в следующем году, приплода скота, мира и благополучия в доме. Колядовщики хозяева одаривали чем могли — орехами и семечками, пирогами, мелкой монетой — и в ответ желали им здоровья и счастья.

И именно это — доброе общение людей, у которых весь год прошел в тяжелом труде, заботах, радость от короткого отдыха и веселого праздника, входящего в каждый дом вместе с озорными, поющими и пляшущими ряжеными, — именно это в обрядах колядования и щедрования было основным. Они существовали у древних славян еще в дохристианские времена и входили в зимние календарные святки. И только с принятием христианства появляются в колядованиях песни религиозного содержания; они приурочиваются к рождеству Христову.

Видимо, оттого, что веками эти обряды считались религиозными, в наше время они почти исчезли. Правда, в некоторых деревнях еще сохранились черты этого обычая — в канун Нового года идут по селу ряженые, поют традиционные веселые колядки и щедривки, собирают вкусные подношения. Но, как правило, все зависит от инициативы, активности молодежи.

Думается, пришло время возродить этот обычай — ведь освобожденный от религиозных наслоений, веселый, задорный праздник органично вписывается в современную жизнь, которая, в свою очередь, может

обогатить его качественными новыми чертами.

В нашем крае, например, уже есть подобный опыт возрождения: в канун Нового года некоторые дома культуры направляют свои самодеятельные коллективы с колядками и щедривками в совхозы, на предприятия. Такие импровизированные встречи — театрализованные представления на основе старинных колядок — пришлись по сердцу труженикам нашего края.

Существует немало других форм обновления древнего обычая. Например, можно объявить конкурс на лучший новый текст для святочных песен, на лучшие костюмы ряженых, на лучшее театрализованное зрелище и т. д. Надеюсь, что вопрос интересует не только меня, читатели журнала поделятся своими мнениями и опытом.

Но какими бы ни были эти формы, они должны сделать старые колядки молодыми — ведь молодость и непреходящая сами традиции народа.

Ю. АЛМАЗОВ

Станица Саратовская
Краснодарского края

К Л Ю Ч И К ВЕЛИКОЙ ТАЙНЕ МИРОЗДАНИЯ

Ж. МЕЛЬНИКОВА, В. МИХАЙЛОВ

ИДЕЯ СТАНОВИТСЯ ТЕОРИЕЙ

Перед последним своим университетским семестром, в июле 1916 года, студент Александр Опарин поехал на каникулы домой — в деревню Кокаево. Деревня лежала на берегу Волги — против Углича. До Савелова он ехал поездом, а там пересел на пароход. Юноша нашел свободное местечко на корме, у борта, и неотрывно смотрел на крутые волжские берега, покрытые бесконечными лесами. В детстве, бывало, дня не пропуская, бегал он в темный лес, ложился ничком в траву, и перед глазами крупно, как в увеличительном стекле, возникало причудливое и вольное переплетение линий, форм, оттенков, движений — переплетение жизни растений и насекомых.

В первых классах гимназии его поражала неисчерпаемость фантазии бога, который придумал каждому цветку, каждой травинке, каждой букашке неповторимую внешность. Он собирал гербарий, но засушенные растения становились похожи на плоские одноцветные рисунки. В лесу же они дышали, трепетали, упруго сопротивлялись тяжести осы или жука.

С годами у него появилось смутное сомнение в том, что разум — даже если это был какой-то высший разум — мог за один день придумать такое немислимое разнообразие растений и животных. Он мечтал стать ученым, ботаником, и открыть великую тайну этого необыкновенного разнообразия. На лекции профессора Тимирязева в Политехническом музее, услышав впервые о теории Дарвина, понял, что тайна уже раскрыта. Но остается нераскрытой другая тайна.

Эволюция началась с простейших одноклеточных организмов, и Дарвин объясняет, как возникали все новые, более сложные биологические виды. Но откуда взялись самые первые организмы? Вот над чем постоянно размышляет студент Опарин...

Пароход подходил к Угличу. На пристани Александра ждал старший брат Дмитрий. — Я без лошадей, — сказал он. — Если желаешь, можно взять извозчика. Но я бы предпочел пешком. Поговорить надо...

Оказалось, Дмитрий хочет наедине выяснить, что происходит с братом. Родители обеспокоены его письмами. Бабушка ночи не спит, молится за него. Не в этом, конечно, дело, но действительно трудно понять, почему взрослый, неглупый человек, которому выпало счастье учиться в Московском университете, вдруг начинает заниматься какими-то отвлеченными рассуждениями о самозарождении жизни. Не химера ли это? Не пустая ли трата душевных сил? Сейчас положение в России таково, что все честные, образованные люди должны употребить свои знания для положительной деятельности, для пользы

Человечество высоко чтит первооткрывателей, в том числе тех, кто первым осмыслил те или иные явления природы, законы развития материи и общества, первым нашел им практическое приложение. Всему миру известен выдающийся советский ученый, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик Александр Иванович Опарин — автор теории происхождения жизни. В этом году ему исполнилось бы 90 лет.

В предлагаемых читателям очерках рассказывается, как возникшая у молодого ученого идея происхождения жизни воплотилась в теорию, получила развитие и признание.

Снимки предоставлены племянницей А. И. Опарина М. Д. Львовой.

народной. Неужели Шура не понимает этого?

— Но ведь человечество с первых шагов сознательной жизни стремилось разрешить проблемы мироздания, — ответил Александр. — Разве вопрос о происхождении жизни не был среди них самым сложным и самым интересным?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь, — жестко сказал Дмитрий. — Не увлекся ли ты пустыми абстракциями? Ну, хорошо, я не буду судить об этом, не выслушав тебя. Может быть, я и впрямь чего-то не понимаю. Объясни же, почему ты этим занялся?

— Но я этим не занимаюсь, — возразил младший брат. — Я не знаю, можно ли вообще с точки зрения науки заниматься происхождением жизни. Считается даже, что эта проблема не поддается научному изучению, что это область религии и философии, но не естествознания.

— Зачем же ты теряешь время?

— Естествоиспытатель не может не думать, в чем состоит природная сущность жизни. На этот вопрос нельзя ответить, не зная, как сама жизнь возникла. Об этом люди думали всегда. Ты знаешь, что религиозные учения всех времен и народов приписывали появление жизни творческому акту божества.

— Как не знать, — усмехнулся Дмитрий. — И создал господь бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни... Но ведь, насколько я знаю, наука занималась этим, и философия... Ты что же, считаешь себя умнее Платона и Аристотеля?

— Первые исследователи природы решали этот вопрос весьма наивно. Даже Аристотель без особых затруднений представлял себе, что животные могли возникнуть из ила...

— Да, философы недалеко ушли от священного писания. Впрочем, знаешь что, изложи-ка мне всю историю вопроса. Тогда я, может быть, смогу тебя понять.

— Но это очень долго, целая лекция.

— Ты же в профессора готовишься, вот и прочитай мне лекцию. До дома еще далеко...

— Изволь. — Александр задумался на минуту, собираясь с мыслями.

Дмитрий опустил голову и заложил руки за спину, приготовившись слушать брата.

— Тебе, разумеется, известно, каким авторитетом пользовался в средние века Аристотель, — начал Александр. — Мнение великого философа в умах средневековых ученых причудливо переплелось с учением отцов церкви, зачастую порождая нелепые и даже смешные на современный взгляд представления. Например, изготовление живого человека или его подобия — гомункулуса в колбе смешиванием и перегонкой различных веществ

считалось хотя и весьма трудным и беззаконным, но, без сомнения, выполнимым делом. Алхимик и врач Ван-Гельмонт составляет рецепт, по которому можно искусственно создавать мышей, покрывая сосуд с зерном мокрыми и грязными тряпками. Гриндель фон Ах приводит в своем труде изображение лягушек, образующихся из майской росы, а Альдроваид показывает на рисунках, каким образом птицы и насекомые рождаются из веток и плодов деревьев. Мысль о том, что черви — в гнилом мясе, блохи — в навозе, глисты — в кишках зарождаются самопроизвольно, была общепринятой. Более того, авторы той эпохи наперебой убеждают читателя, что идея самопроизвольного зарождения животных вполне согласуется со священным писанием.

Братья шли медленно, иногда Александр искоса поглядывал на брата: не скучно ли? По смущенному нахмуренному лицу Дмитрия трудно было что-либо понять.

Александр продолжал:

— Но естествознание развивалось, все большее значение приобретали наблюдения и опыт, а не одни только рассуждения и мудрствования. С ними все более сужалось применение теории самопроизвольного зарождения. Уже в XVII веке, как раз когда строилась наша церковь Дмитрия-на-крови, в Тоскане доктор Реди простыми опытами доказал, что если покрыть мясо легкой кисеей и таким образом прекратить к нему доступ мухам, то хотя оно и начнет гнить, самозарождения червей не произойдет. Так же наглядно было опровергнуто мнение о самозарождении насекомых. Правда, когда появился микроскоп, выяснилось, что стоит только поставить в теплое место скоропортящиеся вещества, как в них сейчас же разовьются мельчайшие существа, которых раньше там не было. Невольно являлась мысль, что именно в гниющих отварах и настоях и происходит самозарождение живых микробов из неживой материи. Это мнение в XVIII веке получило сильное подтверждение в опытах шотландского священника Нидхема. Он кипятил мясной бульон в закрытом сосуде, и тем не менее в жидкости появлялись микробы. Нидхем настаивал на самозарождении. Итальянец Спалланцани решительно выступал против этого. Повторяя опыты Нидхема, он убедился, что тот просто мало кипятил бульон. Между сторонниками противоположных взглядов разгорелся ожесточенный спор, он длился целых сто лет! Ни доказать, ни опровергнуть самозарождение никому не удавалось, пока вопрос этот не был окончательно решен благодаря блестящим исследованиям Пастера.

Братья вошли в небольшую рощу, от которой до дома было совсем недалеко. Александр заторопился: ему хотелось успеть досказать то, о чем он ни с кем, кроме брата, не мог поговорить.

— Пастер доказал, что всюду, а в особенности около человеческого жилья, в воздухе носятся микробы. Воздух больших городов положительно кишит этими крупинками жизни. Попадая в подходящие условия, они начинают с необычайной быстротой размножаться и служат причиной загнивания веществ. Не гниющие жидкости рожают микробов, а наоборот, микробы, попадая в жидкость из воздуха, служат причиной гниения. Благодаря Пастеру мы знаем, что самозарождение — миф и все живые организмы берут начало от других живых существ. Но каким же

образом все-таки появились первые живые существа? Об этом не думает никто. А меня это интересует.

Он замолчал и ждал, что скажет Дмитрий. Тот серьезно спросил:

— Эти твои мысли, твой интерес кто-нибудь поддерживает в Москве?

— Я в университете почти ни с кем не говорил. Засмеют. Считается, что естествоиспытателю неприлично даже думать о таких проблемах...

— Но почему?

— Видишь ли, первое, что отличает организмы от всякой неживой природы и что бросается в глаза, это их химический состав. Тела животных, растений, микробов составлены из весьма сложных органических соединений. Этих соединений мы не находим нигде в мире минералов. Основу всех веществ, из которых состоит организм, образует углерод, находящийся в соединении с водородом, кислородом, азотом, фосфором и другими элементами. Еще недавно химики утверждали, что органические вещества могут образовываться только в живом организме под воздействием особой «жизненной силы». Теперь установлено, что эти вещества образуются в тех организмах, которые называются автотрофами. Автотрофы питаются минеральными веществами и из них строят органические соединения. Получается, что органические вещества не могли быть на Земле — до первых организмов, — подчеркнул Александр. — А без этих веществ первые организмы никак не могли возникнуть. Понимаешь?

— Что же тут не понимать! Самозарождения жизни быть не могло.

— Видишь ли, — неуверенно сказал Александр, — есть один факт, который не дает мне покоя. Почти сто лет назад немецкий химик Велер приготовил искусственно в лаборатории органическое вещество — мочевины. Сейчас химики тоже могут из простейших неорганических веществ искусственно готовить многие соединения, встречающиеся в организмах. И я думаю: а может, такие соединения могли образоваться когда-то на Земле сами собой?

Минуту шли молча. Потом Дмитрий мягко сказал:

— Ты все-таки не говори об этом дома. Бабушка от такого богохульства опять спать не будет и все будет молиться о спасении твоей души. Кстати, ведь и церковные власти могут устроить тебе большие неприятности, если ты начнешь заниматься этим серьезно. Я не шушу. Мне-

● *А. И. Опарин рассказывает красноармейцам о происхождении жизни на Земле (1940 г.).*

● *Дом в Угличе, где родился А. И. Опарин.*

то самому нравится, что ты имеешь смелость размышлять об одной из величайших загадок природы. Но видишь ли ты ясно цель своей работы? В чем ее непосредственная польза? Не получится ли так, что на нее силы растратишь, а настоящего, нужного дела не сделаешь?

— Да я и сам этого опасуюсь, — с неохотой ответил Александр. — И хоть ужасно хочется мне понять, откуда взялась жизнь на Земле, основное свое время я все-таки отдаю другим опытам. К тому же я пока и не знаю, как надо разгадывать великую загадку...

Прошло пять лет... Несколько дней уже Александр Иванович Опарин неотвязно размышлял об одной парадоксальной идее, от решения которой он как будто давно отказался, заставляя себя даже не думать о ней. В сутолоке дел, которые он охотно взвалил на себя после революции, времени на размышления почти не было. И все-таки где-то в подсознании эта проблема продолжала жить в нем, а в один прекрасный момент вдруг выплыла на свет божий и оттеснила собою все остальное.

Эта удивительная идея пришла к нему утром. Одеваясь, он обдумывал, как лучше провести со студентами «малый практикум», что входило в его обязанности ассистента кафедры физиологии растений.

Неожиданно, без всякой связи с этими размышлениями, его осенило: а что если первые организмы на Земле были не автотрофы, а гетеротрофы? Не те, которые сами превращают минеральные элементы в белки, а те, которые питаются уже готовыми органическими веществами. В ту же секунду он понял, что это, казалось бы, странная мысль на самом деле правильная, что это и есть ключ к пониманию того, как зародилась жизнь. Возбуждение его в

первые минуты было так велико, что он не мог устоять на месте и стал шагать по комнате, задевая за стулья, спотыкаясь о край ковра, судорожно застегивая пуговицы рубашки.

В самом деле, после опытов Велера и всего того, что было после Велера, просто нелепо думать, будто органические вещества могут возникнуть только с помощью существ, способных их образовывать из неорганической материи. Ведь автотрофная форма питания требует наличия очень сложного физико-химического аппарата. Такой аппарат мог возникнуть только в результате длительной эволюции. Автотрофы, несомненно, следует рассматривать как позднюю форму жизни. Наименее организованные существа, а значит, наиболее древние, были гетеротрофами — они питались готовыми органическими веществами. Вот цепочка: сначала, еще до возникновения жизни, появились органические соединения, из них образовались гетеротрофы, которые этими соединениями питались, а уж потом, благодаря эволюции, появились более сложные организмы, способные сами в себе строить из химических элементов органические соединения. И, наверно, это можно доказать экспериментально...

Александр Иванович решил было даже не ходить в университет, чтобы не откладывать обдумывание захватившей его мысли. Но сумел взять себя в руки и отправился проводить «малый практикум». Потом занимался другими делами. Возбуждение постепенно утихло, но новая идея напоминала о себе каждую свободную минуту. Не обсудить ли ее с кем-нибудь?

Опарин вспомнил разговор, который произошел недавно в Центральной химической лаборатории (он работал, не оставляя университета, и там). Надо было прочитать лекцию о роли науки красноармейцам. Попросили Опарина. Он с готовностью согласился и сказал, что хочет посвятить ее проблеме происхождения жизни. Коллеги посмотрели на него с удивлением. Посыпались иронические вопросы: «Откуда вам известно, как произошла жизнь?», «Вы получили сведения от господ бога?» И далее в том же роде. Он спокойно переждал, пока схлынула волна веселого оживления, и сказал неторопливо:

— Я заинтересовался этой проблемой еще в студенческие времена, до революции. Тогда никто, ни один человек не поддержал меня. И я поверил было, что вопрос о происхождении жизни не стоит того, чтобы им серьезно заниматься, хотя исподволь все же продолжал обдумывать его. Теперь мне кажется, он стал актуальным не только в чисто научном смысле, но и для выработки материалистического отношения к природе. Пока наука не ответит на вопрос, как возникла жизнь, пока она не докажет, что жизнь нельзя считать чем-то принципиально отличным от неживой природы, что она была порождением, плотью от плоти и кровью от крови этой природы, — до тех пор всегда в головах людей останется место для бога, для идеализма. Разве не обязаны мы дать наконец материалистическое объяснение возникновению жизни на Земле?

— Правильно, Опарин! — послышался голоса.

— Все это так, — сказал задумчиво Борис Ильич Збарский. — Беда лишь в том, что никто не может найти научный подход к решению этой проблемы. Поэтому, видимо, ею и не хотят заниматься.

— Недавно я серьезно вернулся к ней, — сказал Опарин, — и пришел к убеждению, что подход может быть найден. Но для этого надо выйти за рамки одной области знания. Надо использовать данные различных наук — астрономии, физики, коллоидной химии, биологии и многих других. Главное — доказать, что органические вещества появились на Земле прежде живых организмов. При этом в основу, по-моему, следует положить и развить представления об эволюции химических веществ, которая подчинялась тем же фундаментальным законам, что и дарвиновская эволюция, — естественный отбор, приспособление к среде. Такие данные существуют — их надо только собрать и осмыслить.

— Ничего себе задача, — пробормотал кто-то. — Сделать такую работу одному человеку не под силу.

— Почему не под силу? — возразили скептику. — Если плотно засесть...

Как ни был занят Александр Иванович, он нашел время подготовить доклад и вскоре прочитал его на заседании Ботанического общества. Было это в 1922 году. Первое официальное провозглашение новой идеи в присутствии строгих критиков прошло успешно. Доклад встретили с заинтересованным вниманием.

Но как слушали его популярные лекции в красноармейских казармах! Интерес к ним был так велик, что военные попросили написать книгу о происхождении жизни. В первый миг он даже ушам своим не поверил. Но самым неожиданным и удивительным было то, что они добились опубликования этой книги в издательстве «Московский рабочий».

Теперь на его письменном столе появилась тоненькая — всего 71 страница — книжечка в розовой бумажной обложке с дерзким названием «Происхождение жизни». Некоторые знакомые уговаривали его назвать книгу поскромнее, понаучнее, что-нибудь вроде «К вопросу о происхождении жизни» или «Некоторые вопросы происхождения жизни». Но Александр Иванович считал, что затронул не какие-то отдельные «вопросы», а дал полную теоретическую разработку проблемы, рассмотрел многие ее стороны. Все эти «к вопросу» и «некоторые вопросы» были бы фальшью и трусостью.

Да, его книга претендует на материалистическое решение проблемы происхождения жизни! И пусть это будет ясно с самого начала. В науке нужны прямота, честность, достоинство, а не уловки и увиливания.

Чтобы написать эту книгу, ему пришлось изучить множество фактов, разбросанных

в трудах по физике, химии, биологии, астрономии, — фактов, которые никем и никогда еще не были собраны вместе. Он объединил и рассмотрел все теории самопроизвольного зарождения жизни с древних веков до последних дней. Критически разобрал теорию панспермии, которую развивали или поддерживали такие выдающиеся умы, как Аррениус, Гельгольц и Томсон. Гипотеза, будто жизнь занесена на Землю с других планет, оставяла без ответа главный вопрос: как же все-таки она зародилась там, на других планетах? Он познакомился с теориями происхождения планет — при всей их разноречивости каждая утверждала, что Земля была когда-то раскалена, окружена водными парами и содержала углерод — основу органических веществ. И очень важно, что спектроскопический анализ обнаружил присутствие углеводов на некоторых планетах.

Очень трудно было подобрать аргументы, свидетельствующие, что мир живого и мир неживого не разделены непроходимой пропастью, что они построены из одних и тех же элементов единой материи. Он пытался показать, какими путями могло идти превращение органического вещества в живое существо.

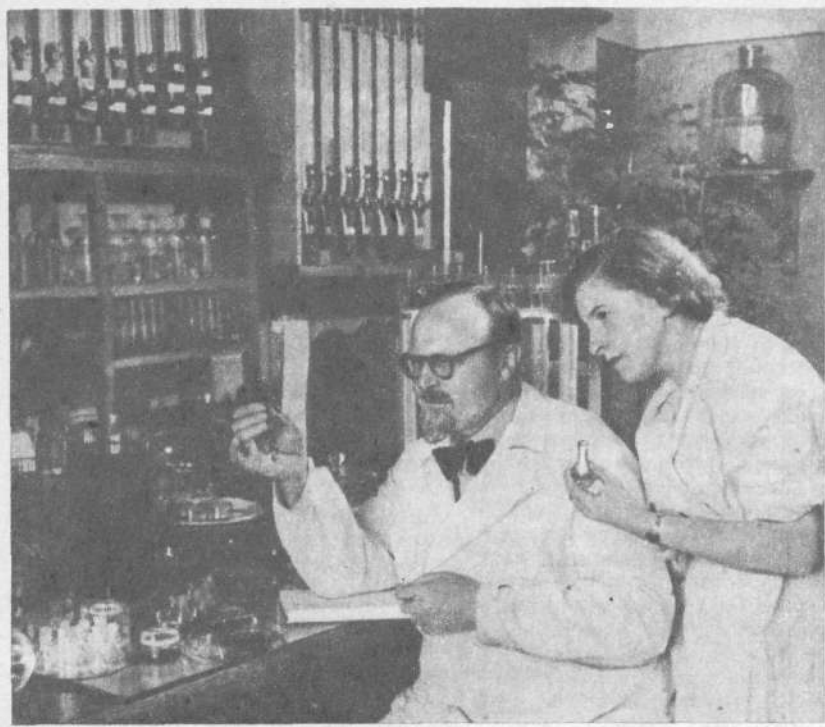
Опарин работал над книгой в состоянии такого умственного напряжения и душевного подъема, что все эти знания превращались у него в видения, в яркую, как галлюцинации, вереницу картин.

Вот из черного холодного пространства летит огненная точка. Приближаясь, она превращается в раскаленный шар. Густые, горячие пары окружают его: он отдает свой жар в вечный холод Вселенной. Он медленно остывает, и пары выпадают на его поверхность лавинными ливнями. На остывшей Земле, обжигаемой жестоким, беспощадным светом Солнца, тихо плещет вода первобытных морей. Бушуют и дымятся вулканы. Горы дикие, мрачные, Камни, камни кругом.

В океанской лагуне тихая мелкая вода едва покрывает глинистое дно. В воде плавают молекулы. Да, молекулы! Маленькие, юркие, полные безудержной энергии молекулы объединяются друг с другом в крупные соединения. Их миллионы, мириады — движущихся, сходящихся и расходящихся частиц. В этом неугасимом движении, в этом медлительном хороводе кружатся углеводороды, они сходятся с кислородом, с азотом, с железом, с серой, с молекулами покрупнее. Образуются новые тела удивительного, фантастического строения. Некоторые распадаются сра-

● «Возникновение жизни на Земле» издано на различных языках.

● А. И. Опарин в лаборатории.

зу. Другие, напротив, присоединяют к себе новые частицы и растут, увеличиваются в размерах. Появляются скопления молекул углеводов, белков, органических кислот.

Бегут века, тысячелетия. Вода в тихой лагуне мутнеет от обилия плавающих в ней органических веществ. Это уже не лагуна — это гигантский природный сосуд с коллоидным раствором, дальнейшее насыщение которого приводит к тому, что молекулы начинают сбиваться в комочки. Потом из них образуются капли, маленькие, круглые, отделенные от воды тонкой пленкой. Они уже обособились от внешнего мира, стали отдельными, индивидуальными телами. Медленно и важно плавают они в посветлевшей воде. Одни разрушаются, другие увеличиваются в размерах, крепнут, растут...

Растут!
Все так стройно, последовательно, красиво. Неужели в этой картине может быть ошибка? Но почему, собственно, должна быть ошибка? Конечно, думал Опарин, было бы смешно и наивно надеяться, что книга произведет переворот в умах; что все так сразу и закричат: «Наконец-то ясно, как произошла жизнь на Земле!» Но ведь книжка уже год как вышла, а о ней — почти никто ни слова... Да, в ней нет экспериментальных данных, но зато указан подход, открывающий возможности для постановки опытов. Этого нельзя не увидеть! Почему же никто не попытался поставить такие опыты? Много раз он в уме пересматривал все свои позиции — они неуязвимы. И все-таки в книге чего-то не хватает, раз она не вызвала того отклика, которого заслуживает эта важная проблема естествознания. Чего же там не хватает?

Поглощенный своими мыслями, Александр Иванович не замечал, что бесцельно бродит по пустой квартире, то садится на диван, то снова вскакивает, подходит к окну, смотрит и не видит, как плавно ложится тополиный пух на тротуары Козихинского переулка, как возвращаются, грохоча по булыжной мостовой, крестьянские телеги с Палашевского рынка.

Его размышления прервал звонок в передней.

Пришел Андрей Львович Курсанов, будущий академик и директор Института физиологии растений, а тогда студент Московского университета. Опарин ценил его за серьезное и вдумчивое отношение к науке и доверял практические занятия с другими студентами. Они обсудили недавно начатую совместную экспериментальную работу, после чего разговор коснулся книги Опарина о происхождении жизни.

— Вы разве ее читали? — удивился Александр Иванович и почувствовал, как к нему возвращается утреннее беспокойство.

— Прочитал давно уже.
— Почему же вы мне ничего не сказали? — упрекнул его Опарин. — Вы не согласны? Не бойтесь меня обидеть. Скажите прямо ваше мнение. Для меня это очень важно.

Курсанов посмотрел на него с недоумением, удивляясь неожиданной горячности обычно уравновешенного своего преподавателя.

— Книга, по-моему, интересная. И другие так же думают.

— Но? — подсказал Опарин. — Но?.. — Я ведь в таких проблемах совсем не разбираюсь. Но мне кажется, что там нет четкого ответа на один вопрос.

— На какой же? — торопил Опарин.

— На вопрос о том, как же все-таки возник живой организм?

— Позвольте. В книге об этом говорится. Специально глава есть: «От органического вещества к живому существу». Там все сказано! Вот, смотрите... В определенную эпоху на Земле возникли органические вещества. В воде такие вещества образуют коллоидный раствор, из которого они выпадают в виде осадка, студня или геля. Это важнейший момент: бесструктурное вещество обретает структуру, строение, совершается переход от соединений к организованному телу, индивидууму. С некоторыми оговорками мы можем считать этот впервые возникший на Земле кусочек

органической слизи первичным организмом.

— Организм? — с сомнением протянул Курсанов.

— Да, конечно! Он должен был обладать многими из тех свойств, которые считаются признаками жизни. Он состоял из органических веществ, обладал сложной структурой. В нем был заложен значительный запас химической энергии. Наконец, если у него и не было способности к обмену веществ в полном смысле этого слова, то способность к питанию, к поглощению, к усвоению веществ из внешней среды была ему, несомненно, присуща. А раз так, возникала возможность для дальнейшего развития такого первичного организма.

— По законам дарвиновского естественного отбора?

— Конечно. Представим себе, что в одном из уголков Земли, в бушующих волнах океана образовались два куска геля. Они были погружены, так сказать, в питательную смесь, в раствор разнообразных, в том числе и органических, веществ. Тот кусок, физико-химическая организация которого давала ему возможность быстрее усваивать вещества из среды, рос скорее другого. Вместе с тем кусок геля не мог расти бесконечно как одна сплошная масса. Он распался и дал начало новым кускам. К каждому притекали новые вещества из среды, все новые соединения входили в состав его тела, изменяя физическую и химическую структуру. Так постепенно, из поколения в поколение, на протяжении многих тысячелетий шло совершенствование структуры, направленное к улучшению аппарата поглощения и усвоения питательных веществ. Но чем дальше, тем труднее становилось добывать питательные вещества из внешней среды, тем острее проявлялась борьба за существование и строже становился естественный отбор, отметающий все слабое и отсталое, позволяющий жить только наиболее совершенным существам.

Курсанов вежливо молчал. Но Александр Иванович чувствовал, что у него есть какие-то сомнения.

— Что в этих рассуждениях представляется вам ошибочным? — спросил он.

— Мне они кажутся убедительными. Только... Вы говорите о постепенном накоплении количества новых свойств. Но ведь согласно законам материалистической диалектики количество должно переходить в качество. Где же, по-вашему, происходит этот качественный скачок от мертвого к живому?

— Я не очень силен в диалектике, — признался с улыбкой Опарин. — В мои времена этому студентов не учили. Но я прекрасно понимаю, что диалектический подход помогает лучше понять основные законы развития природы. Вы совершенно правы: скачок важен, и он, несомненно, был. Если задуматься, то интуитивно я ответил на этот вопрос в книге, хотя и не подчеркнул специально, что это был именно скачок, переход количества в качество. Помните, я там говорю, что на Земле должен был наступить такой момент, когда были исчерпаны растворенные органические вещества, служившие единственной пищей для первичных живых существ, и приспособиться к новым условиям жизни могли только те, которые пошли по одному из двух путей. Надо было либо, сохранив старый способ питания, добывать необходимые для жизни вещества, поедая своих более слабых товарищей, либо создать в себе аппарат, позволяющий

питаться простейшими неорганическими соединениями...

Он еще продолжал говорить, но уже понял, в чем состояла слабость его концепции. Не это ли мучило его неосознанно весь сегодняшний день? Ну конечно! Кусочки геля развивались по законам эволюции. Но они не были еще организмами, не были существами! Они принадлежали к особому, не известному пока науке классу образований предбиологической эволюции. Они были особыми предбиологическими телами, которые следует изучать отдельно и от химических веществ, и от живых существ. Это целая эпоха развития материи на Земле!

— Пожалуй, кусочки геля и в самом деле не стоит называть первичными организмами... — сказал Опарин задумчиво. — Я, кажется, только сейчас как следует осознал очень важную вещь. Законы Дарвина, законы эволюции приложимы не только к живым организмам...

В дверь снова позвонили. Пришел Збарский. С недавних пор Борис Ильич был заместителем директора Института биохимии академика А. Н. Баха. Он предложил Опарину возглавить одну из лабораторий института. Александр Иванович поблагодарил, но сказал, что ему нужно подумать: с осени он начинает читать курс лекций в университете, есть у него и еще кое-какие планы.

Збарский улыбнулся. Он догадывается, о каких планах идет речь. Он прочитал книгу с удовольствием. Теория яркая, интересная, но не кажется ли Александру Ивановичу, что ей все-таки не хватает прямых научных доказательств?

То же самое, слово в слово, говорил в 1922 году после доклада Опарина в Ботаническом обществе профессор Лев Иванович Курсанов...

— Да, таких доказательств у меня действительно нет, — сказал Опарин. — Если не считать того, что органические вещества найдены на метеоритах. Многие думают, что они могут образовываться и без участия живых организмов.

— Есть ведь и другое объяснение: органические вещества попадают на метеориты в результате их «загрязнения» земными микроорганизмами.

— Но и Менделеев выдвинул теорию, согласно которой органические вещества нефти возникли под воздействием воды на карбиды. Я знаю, что сейчас эта теория опровергается. Геологи считают невозможным тот путь встречи воды и карбидов, который описал Менделеев. Но я думаю, карбиды могли выйти наружу из недр земли при извержении вулканов и на поверхности встретиться с водой. Конечно, я иду большей частью интуитивно, но уверен, что эти предположения позже будут подтверждены фактами.

Проводив гостя, Опарин вернулся в кабинет и сел за письменный стол. Он чувствовал, что пришел тот поворотный момент жизни, когда необходимо принимать решения, от которых, может быть, зависит все его будущее. Да, он нашел время и силы изложить и обнародовать свои мысли о происхождении жизни. Но чтобы стать фактом науки, они действительно нуждаются в строгих доказательствах, которые можно добыть только в специальных, сложных опытах. А для опытов нужна лаборатория, нужны помощники, оборудование. Ничего этого у него нет. И не скоро будет, если он не оставит все другие дела.

Окончание следует.

«О БЕСКОНЕЧНОСТИ, ВСЕЛЕННОЙ И МИРАХ»

В. ЛИШЕВСКИЙ,
кандидат физико-математических наук

Как известно, от Коперника «начинает свое летосчисление освобождение естествознания от теологии». Поставив в центр Вселенной вместо Земли Солнце, польский ученый посягнул на средневековое миропонимание. После него Галилей и Кеплер дали естественнонаучное обоснование гелиоцентрической системы мира. Джордано Бруно не только способствовал распространению взглядов Коперника, но и пошел дальше. Если тот поставил в центр мироздания Солнце, то Бруно низвел наше светило до рядовой звезды. Солнце, утверждал он, — обычная звезда, каких бесконечно много в космосе. А следовательно, бесконечно и число планет, обращающихся вокруг таких светил. Значит, заключал он, существует и бесчисленное число обитаемых миров, подобных нашей Земле.

Если Коперник был первым, кто бросил «вызов церковному авторитету в вопросах природы», то на второе место, бесспорно, можно поставить Джордано Бруно. И если Коперник только на смертном одре увидел напечатанным труд всей своей жизни — «Об обращениях небесных сфер» (1543), что лишило церковь возможности расправиться с автором, то итальянский ученый жестоко поплатился за свое вольнодумство.

Журнал «Наука и религия» неоднократно печатал публикации, посвященные великому мыслителю. Например: пьеса М. Маретти «Процесс Джордано Бруно» (1972, № 10), статья Г. Богемского «Костер, который еще пылает» о фильме «Джордано Бруно» (1975, № 1). В 1984 году исполняется 400 лет со дня выхода в свет работ Джордано Бруно «О причине, начале и едином», «Пир на пепле», «Изгнание торжествующего зверя» и, наконец, самой известной — «О бесконечности, вселенной и мирах». Ей и посвящается публикуемая статья.

Его называли Ноланцем. Он сам так себя назвал, потому что родился в 1548 году в городе Нола, в 24 километрах от Неаполя. При крещении мальчику дали имя Филиппо. Отец его Джордано Бруно, разорившийся дворянин, служил знаменосцем в одном из конных полков Неаполя.

Когда Филиппо исполнилось 10 лет, семья переехала в Неаполь и мальчик определили учиться в частную школу, где он провел шесть лет. Родителям трудно было платить за учение сына, но тот стремился к знаниям. Никакая карьера — купца, военного, чиновника — не прельщала его. 15 июня 1565 года он стал послушником доминиканского монастыря, который давал бесплатное образование, кров и стол всем способным юношам. Так Филиппо превратился в Джордано из Нолы.

Учение его продвигалось быстро, но юношу это не радовало. Ему хотелось читать серьезные научные труды, а его заставляли зубрить молитвенник, «Историю семи радостей богородицы» и другие богословские книги. Вскоре произошло и первое столкновение с церковными властями: Джордано убрал из своей кельи иконы, и его обвинили в пренебрежении к святым образам. Правда, он оставил распятие, что смягчило вину. Кроме того, ордену доминиканцев очень были нужны умные и талантливые люди...

Через год и один день, как того требовал монастырский устав, послушничество кончилось — Джордано стал монахом. Он продолжает заниматься с утра до ночи, много читает, пытается осмыслить философскую сущность христианства, его историю. При этом он не ограничивается богословскими трактатами, сочинениями отцов церкви, комментариями к ним и сборниками проповедей. Любопытнейший монах читает и перечитывает труды Аристотеля, Птолемея, Демокрита, Эпикура, Лукреция, Платона. Его крайне интересует, как же устроен этот прекрасный и странный мир, который нас окружает.

Об учености Джордано ходят легенды. Вызванный в Рим, он демонстрирует свои блестящие способности и феноменальную память папе Пию V. Еще немного, и он начнет подниматься вверх по церковной

¹ Ф. Энгельс. Дialectика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 347.
² Там же.

лестнице. Еще немного!.. Но жизнь в монастыре тяготит, и даже не строгость монастырского устава, а гнетущая атмосфера косности, педантизма. И потом эти бесчисленные доносы!..

Джордано Бруно не считал нужным скрывать свои мысли, часто высказывался весьма рискованно. Все знали, что он читает запрещенные книги, что в спорах со схоластами не боится показывать их невежество. Монастырская братия ополчилась против него, доносы на Бруно множились и привели к тому, что было отдано распоряжение начать следствие по обвинению в ереси.

Джордано бежит в Рим, в монастырь Санта Мария делла Минерва. Вначале его встречают благосклонно, но вскоре все меняется: из Неаполя приезжает доминиканец, один из рьяных его обвинителей в ереси. Начинаются допросы... А однажды в Тибре нашли труп того самого доминиканца. Рим тогда кишел разбойниками, тем не менее подозрение пало на Джордано...

И снова приходится бежать. Долгие годы Бруно скитается по Северной Италии; затем — Женева, Тулуза, Париж. Он выступает с лекциями, участвует в диспутах, пишет книги, объясняя учение Коперника. И отовсюду ему приходится вскоре уезжать, так как его высказывания противоречат религиозным взглядам, учению церкви. В Женеве кальвинисты даже упрятали Бруно на некоторое время в тюрьму и отлучили на две недели от церкви. Такого человека в течение 14 дней приводили из тюрьмы в собор, где каждый мог ударить его, плюнуть ему в лицо.

Если говорить о самых счастливых и плодотворных годах, то это были два года, которые Бруно прожил в Лондоне. Именно там в 1584 году вышли в свет четыре его работы, в том числе и главная из них — «О бесконечности, вселенной и мирах».

Написана она в форме диалога. В первых четырех беседах участвуют: Филотей — сам Бруно; Эльпин — любознательный ученый, который с удовольствием слушает Филотея и охотно соглашается с ним; Буркий — сторонник учения Аристотеля, неспособный понять новые научные идеи, и, наконец, Франкасторий — реальный автор работ по астрономии и философии. В последнем, пятом диалоге появляется новое лицо — Альбертин. Переводчики и комментаторы Джордано Бруно расходятся в мнениях относительно того, кто скрыт под этим именем.

В начале книги Бруно отмечает: наши чувства не позволяют нам представлять себе некоторые вещи, в частности бесконечность, но «если считать мир беспредельным... то это не влечет за собой никаких затруднений и только освобождает нас от

бесчисленных трудностей, которые связаны с противоположным утверждением»³. Бруно с разных сторон рассматривает обсуждаемый вопрос. Вот характерные выдержки из диалога:

«ФИЛОТЕЙ. Небо, следовательно, едино, безмерное пространство, лоно которого содержит все, эфирная область, в которой все пробегает и движется. В нем — бесчисленные звезды, созвездия, шары, солнца и земли, чувственно воспринимаемые; разумом мы заключаем о бесконечном количестве других. Безмерная, бесконечная вселенная составлена из этого пространства и тел, заключающихся в нем...»

ЭЛЬПИН. Существуют, следовательно, бесчисленные солнца, бесчисленные земли, которые кружатся вокруг своих солнц, подобно тому как наши семь планет кружатся вокруг нашего солнца!

ФИЛОТЕЙ. Да, так.

ЭЛЬПИН. Почему мы не замечаем, чтобы вокруг других светил, которые суть солнца, кружились другие светила, которые были бы их землями!..

ФИЛОТЕЙ. Это происходит вследствие того, что мы видим солнца, которые более велики или даже бывают величайшими телами, но не видим земель, которые, будучи гораздо меньшими телами, невидимы для нас. Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого солнца кружились другие земли, которые незаметны для нас или вследствие большой отдаленности их, или вследствие их небольшой величины...»⁴.

При всем противоречии этих идей церковным догмам Бруно, конечно же, не был атеистом. Выступая против схоластического аристотелизма, царившего с одобрения церкви в то время, он думал, что цель философии — познание не сверхприродного бога, а природы, являющейся «богом в вещах». Иными словами, он был пантеистом, полагал, что в основе Вселенной лежит мировая душа, ее движущий принцип.

Джордано Бруно не считал себя первооткрывателем бесконечности Вселенной. Он сам подчеркивал: подобные мысли до него высказывали Гераклит, Демокрит, Эпикур, Пифагор, Лукреций, другие ученые древности. «...Это срезанные корни, которые вновь произрастают... — говорил он, — это новый свет, который после долгой ночи вновь восходит на горизонте нашего познания»⁵.

Подводя итог обсуждению, Филотей (Бруно) еще раз подчеркивал: «Итак, совершенно не нужно допытываться, существует ли вне неба пространство, сущность и время, потому что единым является... безмерное пространство, которое мы можем свободно называть пустотой; в нем находится бесчисленное множество миров, подобных тому, на котором мы живем и прозябаем...»⁶. И далее: «На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их...»⁷. Заканчивается книга как бы наказом искателю истины:

«АЛЬБЕРТИН. ...Будь настойчив, мой

Филотей, будь настойчив, не теряя мужества, не отступай, если даже великий и важный сенат глупого невежества при помощи многих козней и ухищрений будет тебе угрожать и попытается разрушить твое божественное предприятие и высокий труд. Будь уверен, что впоследствии все увидят то, что я теперь вижу... Продолжай знакомить нас с тем, что такое небо, что такое на самом деле планеты и другие звезды, каким образом... бесконечное пространство не только не невозможно, но даже необходимо... Сделай для нас убедительным учение о бесконечной вселенной...»⁸.

После Англии Джордано Бруно жил во Франции, в Германии, а осенью 1591 года по настоятельной просьбе некоего Джованни Мочениго приехал в Венецию, обучал его различным наукам. Однако вскоре он заметил: ученика интересует вовсе не наука, а магия. Напрасно Джордано убеждал его в том, что он не умеет творить чудеса, превращать камни в золото; Мочениго считал, что учитель просто не хочет делиться своими секретами. Бруно решил вернуться в Германию, но озлобленный Мочениго, призвав на помощь слуг, связал его и передал в руки святого трибунала. Это случилось 23 мая 1592 года.

Первое время Джордано находился в заключении в Венеции и надеялся на благоприятный исход своего дела. Но тут вмешался Рим: папа Климент VIII потребовал выдачи Ноланца. Вначале Венецианская республика, дорожившая своей независимостью, отказала, но Рим настаивал. Дело несколько раз рассматривал совет республики. Главный прокуратор докладывал дожу Венеции: «Он совершил тягчайшие преступления в том, что касается ереси, но это — один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить, и обладает необычайными познаниями, и создал замечательное учение»⁹.

В конце концов Венеция решила все же не ссориться с Римом из-за одного еретика, хоть и гениального. 27 февраля 1593 года Джордано Бруно попал в тюрьму римской инквизиции. Следствие тянулось семь лет. Узника то допрашивали, то на несколько месяцев оставляли в покое. Через 342 года после казни ученого, в 1942 году, протоколы допросов были частично опубликованы. Из них видно, сколь мужественно он держался. Вот лишь одна выдержка из этого документа:

«...Преподавал ли, признавал и обсуждал публично или частным образом в своих чужбине... положения, противоречащие и

³ Д. Бруно. О бесконечности, вселенной и мирах. М., 1936, с. 66.

⁴ Там же, с. 128, 131—132.

⁵ Там же, с. 195.

⁶ Там же, с. 219.

⁷ Там же, с. 232.

⁸ Там же, с. 239—240.

⁹ С. В. Владимиров, В. А. Волков. Разум против догмы. М., 1982, с. 19.

враждебные католической вере и установлениям святой Римской церкви!

ОТВЕТИЛ: Непосредственно я не учил тому, что противоречит христианской религии, хотя косвенным образом выступал против...

В целом мои взгляды следующие. Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным божественным могуществом. Ибо я считаю недостойным благости и могущества божества мнение, будто оно, обладая способностью создать, кроме этого мира, другой и другие бесконечные миры, создало конечный мир.

Итак, я провозглашаю существование бесчисленных отдельных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором я считаю ее светилом, подобным Луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную Вселенную в бесконечном пространстве. Это называется бесконечной Вселенной, в которой находятся бесчисленные миры... и отсюда косвенным образом вытекает отрицание истины, основанной на вере¹⁰.

Процесс над Джордано Бруно продолжался столь долго не потому, что церковники стремились тщательно изучить и понять труды ученого. Инквизиторы хотели добиться отречения Бруно от «заблуждений». А когда поняли, что это им не удастся, был вынесен приговор:

«Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брат Джордано Бруно, нераскаившийся, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям, как общим, так и частным, относящимся к подобным явным, нераскаившимся, упорным и непреклонным еретикам. И как такового мы тебя извергаем словесно из духовного сана и объявляем, что ты и в действительности был, согласно нашему приказанию и повелению, лишен всякого великого и малого церковного сана, в каком бы ни находился донныне, согласно установлениям святых канонов. Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сана и от нашей святой и непорочной церкви, милосердия которой ты оказался недостойным. Ты должен быть предан светскому суду, и мы предаем тебя суду монсиньора губернатора Рима, здесь присутствующего, дабы он тебя покарал подобающей казнью, причем усиленно молим, да будет ему угодно смягчить суровость законов, относящихся к казни над твоею личностью, и да будет она без опасности смерти и членовредительства¹¹.

Сверх того, осуждаем, порицаем и запрещаем все вышеуказанные и иные твои книги и писания как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади св. Петра перед ступенями и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели¹².

Когда нотариус закончил чтение, Джордано поднялся с колен и сказал: «Вероятно, вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его. — И добавил: —

Сжечь — не значит опровергнуть!»

Приговор был вынесен 8 февраля 1600 года, казнь состоялась 17 февраля. Несколько дней судьи ждали, что Джордано Бруно устрасится и отречется от своего учения. Но этого не случилось. И вот в Риме, на площади, носящей поэтическое название Площади Цветов, разыгрался последний акт трагической жизни ученого.

...Джордано Бруно привязан к столбу цепями и мокрой веревкой, чтобы, высыхая, она сильнее впивалась в тело. Вид его страшен: он сильно оброс в заключении, язык сдавлен специальными тисками, чтобы богохульные речи не смущали народ, на голове — дурацкий колпак, на теле — одежда еретиков, санбенито — кусок грубой ткани, пропитанный серой и разрисованный языками пламени. Но пытки и мучения не сломили дух Бруно. Когда один из монахов протягивает ему распятие для поцелуя, он гневно отворачивается...

В одной из своих работ Джордано Бруно писал о творцах, гениях, глашатаях нового: «И смерть в одном столетии дарует им жизнь во всех последующих веках». Эти слова как нельзя лучше относятся к их автору: человечество помнит о великом Ноланце и его идеях. Памятник, установленный на месте сожжения мыслителя, изображает Бруно непокоренным, с книгой в руках. На постаменте надпись: «Он поднял свой голос за свободу мысли для всех народов и освятил эту свободу своей смертью».

Сегодня ни у кого, даже у большинства самых фанатичных адептов церкви, нет сомнений в том, что Вселенная бесконечна и состоит из бесчисленного множества галактик, звезд, планет. Такие взгляды особенно широко утвердились с выходом человечества за пределы нашей планеты, с открытием эры Космоса, начатой запуском первого советского спутника Земли и полетом первого в истории космонавта — гражданина нашей социалистической Родины.

Но вот о существовании обитаемых миров еще высказываются различные суждения. Однако это уже споры ученых, а не схоластов-монахов, отстаивавших церковные догмы. Вот что, например, пишет член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский: «...Эта тема с незапамятных времен волновала человечество. Говоря о жизни во Вселенной, всегда прежде всего имели в виду разумную и ю жизнь. Одиноки ли мы в безграничных просторах Космоса?.. Философы и ученые с античных времен всегда были убеждены, что имеется множество миров, где существует разумная жизнь. Никаких, однако, научно обоснованных аргументов в пользу этого утверждения не приводилось. Рассуждения, по существу,

велись по следующей схеме: если на Земле — одной из планет Солнечной системы — есть разумная жизнь, то почему бы ей не быть на других планетах? При всей естественности такого способа рассуждений он не может дать сколько-нибудь плодотворных результатов»¹³.

Для того чтобы на какой-либо планете возникла жизнь, необходим очень сложный ряд условий. Планета должна иметь определенный размер (не слишком маленький, но и не слишком большой), находиться на определенном расстоянии от тоже соответствующей особым условиям звезды — своего светила (в так называемой зоне обитаемости), иметь атмосферу, воду, почвы с подходящим химическим составом и т. д., и т. п. Все зависит и от наличия, и от сочетания таких факторов.

Сколь же часто эта уникальная совокупность условий? Есть, например, такие подсчеты. В видимой нам с Земли части Вселенной находится 10^{21} самосветящихся звезд. Планеты могут быть примерно около одной из тысячи, и лишь на одной из тысячи таких планет должны иметься подходящие условия для возникновения жизни. Вводя еще ряд ограничений, автор подсчета приходит к выводу: в видимой части Вселенной существует примерно 10 000 000 планет, похожих на Землю. Отсюда следует заключение: мы в этом мире не одиноки¹⁴.

Ученые, считающие, что жизнь — явление во Вселенной распространенное, разрабатывают проекты связи с внеземными цивилизациями и пытаются осуществить их, думают над способами контакта с иным разумом.

Подсчеты вероятности существования обитаемых миров, проведенные другими исследователями, менее оптимистичны. Эти ученые полагают, что жизнь в космосе — весьма редкое явление, поэтому в ближайшем будущем контакты с иными цивилизациями вряд ли возможны. Кроме того, такие цивилизации могут находиться на столь различном уровне развития, что просто не поймут друг друга.

Наконец, есть третья группа ученых, утверждающих, что разумная жизнь на Земле — явление уникальное, нигде больше в нашей обозримой Вселенной она не встретится.

Кто прав, покажет время, дальнейшее развитие научного познания мира.

¹⁰ Там же, с. 22—23.

¹¹ Обычное лицемерие инквизиторских приговоров, присуждавших таким образом к сожжению.

¹² В. С. Рожицын. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955, с. 366.

¹³ И. С. Шкловский. Вселенная. Жизнь. Разум. М., 1965, с. 174.

¹⁴ См. книгу «Межзвездная связь». М., 1965, с. 80—81.

ТРУДНО ПОСМОТРЕТЬ НА СЕБЯ...

Олег КОЧЛАДЗЕ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

«Мой муж уже девять лет как-вступил в веру баптистов. Куда я только не писала, чтоб мне вернули мужа. Верующие вмешались в нашу жизнь. Я жертва их произвола. Все свободное от основной работы время муж про-

водит у своих, как он говорит, людей. А они нещадно эксплуатируют золотые его руки. Он так устаёт, что у него уже нет добровольного желания помочь мне по дому.

Многие советуют мне развестись

с мужем. А я все эти годы жду его, как из длительной командировки. Помогите вернуть его в лоно семьи!

Донецкая область

М. В.»

Здравствуйте, Мария Владимировна! Вас, наверное, удивит, что отвечаю на ваше письмо со страниц журнала. На то есть причины. Прежде всего, мне так и не удалось поговорить у вас дома обстоятельно, по душам — ни с вами, ни с Павлом Никифоровичем. Да и вы, по-моему, не очень стремились к такому разговору.

Не скрою, Мария Владимировна, мне показалось, что за годы прожитой жизни вы так и не научились слушать других людей. Вам ничего не стоит оборвать собеседника, съязвить, оскорбить нелепой выдумкой, сорваться на крик, передернуть чужую фразу. Стоит ли удивляться, что Павел Никифорович предпочитает отмалчиваться? Вы ведь и со мной пытались говорить в таком же духе. Помните, при первой нашей встрече я сказал: церковь в нашей стране отделена от государства? А на другой день вы пообещали на меня пожаловаться: я-де уверял вас, что церковь у нас — отдельное государство.

Допускаю, не все сказанное здесь придется вам по вкусу. Правда — лекарство горькое. Но если и впрямь вы хотите понять, что же произошло, не спешите отмахнуться от моего письма.

Знаете, Мария Владимировна, когда муж отдаляется, отходит от семьи, женщина склонна видеть причины в разного рода внешних обстоятельствах, а между тем куда вернее искать их в самой себе. Ведь недаром же исстари говорили на Руси: у хорошей жены и плохой муж молодцом. А у плохой — и хороший плох. В наших отрывочных разговорах вы готовы были всех винить в своих бедах: дружков мужа, соседок-разлучниц, членов религиозной общины, которую посещает Павел Никифорович, различные учреждения, которые не помогают вам «отбить» у него охоту верить в бога. А ведь если сказать честно, вы сами, Мария Владимировна, и никто другой, оттолкнули мужа от себя. Удивлены? Ну что ж, самое время поговорить по душам.

Чем приглянулся вам Павел Никифорович, тогда еще Павлик? Давайте послушаем ваш рассказ.

— Жила я тогда в строительном общежитии. Девчонки после работы принарядятся — и кто в кино, кто на танцы. А я долгими вечерами сидела одна во всем общежитии. Читала, вышивала... Переживала разрыв с женихом. Знаете, как бывает? Приревновала я его к подруге, фыркнула, рассчиталась на работе, приехала сюда, на юг Украины. Думала, пощады запросит, а он, видно, тоже с характером оказался. Ну а Павлик плотничал в соседнем городке, а к нам приезжал на выходные. Чем глянулся? Тихостью... И тогда уже он был скрытный, замкнутый, не такой, как все ребята. Не любил танцевать, бывать в кино, читать книги.

Влюбленность прошла довольно скоро, не так ли? Что же удерживало вас друг подруга еще до рождения первой дочери? Штамп в паспорте? Рассуждение — мол,

все так живут, у всех подруг есть мужья, значит, должен быть муж и у меня. И то, что он был тихий, покладистый, вас очень устраивало. Вы решили, что мягкость его природы — от бесхарактерности. И принялись жесткой рукой перекраивать его личность по своему усмотрению, грубо навязывая не свойственные ему привычки, свой образ жизни. Разве не так?

— Стала я замечать, что он все больше отдаляется от семьи. По вечерам пропадает на улице с приятелями, играет в домино, лото, футбол смотрит... Пошла я к нему на работу, и мне удалось на какое-то время приучить его к дому. С детьми стал больше гулять, окна шпаклевал, половники выбивал. Вот, взгляните. Книга. «Звезды смотрят вниз». Сколько лет берегу, всем показываю. Заставила-таки прочесть ее. Из-под палки читал...

— А лаской, добром не пытались поладить с мужем?

— Пробовала. Доброжелательный разговор, которому меня обучила директор школы, успокаивал его, настраивал на добродушный лад. Когда говорила по-человечески, он проявлял сочувствие... Но где же мне взять столько терпения? Не скрою — срывалась часто.

Знаете, что я подумал, Мария Владимировна? Методом постоянных придирок и упреков можно, наверное, «приручить» мужа или жену, но хорошо ли жить с человеком, который выполняет в доме роль комнатных тапочек? Вы говорите о муже как о несмышленном мальчишке. А не от вас ли он стал бегать?

И не по вашей ли вине запил он? Кстати, в разговоре со мной вы отрицали сам факт его бывшего пьянства, вам невыгодно говорить об этом — связав свою жизнь с верующими, Павел Никифорович пить перестал. Получается, что община верующих помогла ему изжить дурную привычку. А до того (все говорят об этом) Павел Никифорович был горьким пьяницей.

Нет, я вовсе не хочу упрощать ситуацию, не хочу говорить, что вы одна во всем виноваты. Директор школы, где учились ваши ребята, помнит, как прибежали вы к нему, как с порога в крик жаловались, что муж пьет, не дает денег, дети сидят голодные, раздетые и разутые. Школа помогала. В младших классах у Маринки и Феде было бесплатное питание, из фонда всеобща покупали им одежду. Передо мной справка с работы Павла Никифоровича: на заседании профсоюзного комитета его «строго предупредили за неоднократные пьянки, частые нарушения трудовой дисциплины». Сам Павел Никифорович говорит: «Стыдно вспомнить, что я тогда вытворял».

Я хочу быть справедливым к вам, хочу войти в ваше положение. Конечно же, вам было нелегко: тяжелая работа по дому, пьющий муж, а тут еще самолюбие, нежелание оказаться слабой, обделенной, неудачливой. Страх перед непонятым, неуправляемым поведением мужа, неумение душевно с ним сблизиться. Но посмотрите-

те, какой вы находите выход?! Вы хотите подчинить мужа своей воле с помощью разных инстанций, угрожая ему общественной дубинкой. Не щадя самолюбия мужа (да и своего тоже), вы пишете в журнал «Человек и закон», жалуетесь, что Павел Никифорович «отлынивает» от исполнения супружеских обязанностей.

Тут уж действительно возникает вопрос: а не честнее ли расторгнуть такой брак? Вас такая мысль возмущает. Но посмотрите, как вы возражаете:

— Я бы давно уж развелась с ним, но тогда я не буду получать его зарплату, дети страдают...

— О каких детях идет речь? Марина уже два года как замужем, живет в семье мужа. Федя отслужил в армии, работает на шахте и неплохо, по его словам, зарабатывает. Остается семиклассница Танечка. Но вы работаете на полтора ставки, получаете 225 рублей, к тому же алименты...

— Нет, разводиться мне невыгодно.

Невыгодно? Да полно, может быть, вы просто на себя наговариваете? Так ли на самом деле дурны ваши мысли? Естественней предположить, что есть привязанность к Павлу Никифоровичу — все же бок о бок прожита жизнь! Проще подумать, что страшно остаться одной... И все-таки, как ни поворачивай, вам следует сделать выбор: или расторгнуть брак, расстаться с мужем, или перестроить свои с ним отношения. Продолжать такое существование — недостойно.

Конечно, не мне, постороннему человеку, судить о том, что надо делать и чего не делать, чтобы наладить вашу совместную жизнь. И все-таки я позволю себе один совет. Прежде всего вам надо справиться с самой собой, запастись терпением, дружелюбием, нужно желание понять мужа.

Давайте вернемся еще раз к вашим признаниям о том, как вы его «воспитывали».

— В атеистических книгах нет советов, как поступать жене с верующим мужем! И ничего мне эти книги не дали. Я старалась сама, как умела, внушать ему научные истины. И старалась вытравить из его сознания неверные взгляды. Сколькo у него этих Библий изорвала!

— И кулаками махали?

— А что было делать, если слова, шедшие от сердца, до него не доходили? В первое время, когда он к богу потянулся, мне было с ним очень тяжело. Я кричу-кричу, надрываюсь, а он молчит. Или становится на колени и начинает молиться. Раз не выдержала. Подошла сзади и ка-ак пну. А он: «Спасибо тебе, Марьюшка, за все». Очень мне обидно стало... Иногда он прятался в спальню, на защелку забирался.

Сначала он в религиозной общине проводил часа по два-три. Дальше — больше. Домой стал заявляться поздно. Спрашиваю: «Где шлялся?» — «Во имя господи работал, Марьюшка». — «Делал что?» — «Дровишки пилил-колол, воду носил, помогал бабушке — она старенькая, слепая». Потом в молитвенном доме менял полы. Там его эксплуатировали нещадно. Как же! Туда одни немощные старики ходят, а он человек рабочий, на все руки мастер. Вот и навалились. Я ему говорю: «Тебе за работу платят? Давай деньги». А он мне: «Мы, Марьюшка, бесплатно трудимся». Не знаю, верить ему или нет.

— Как вы думаете, Мария Владимировна, почему он, отработав полный трудовой день, шел в общину и там охотно трудился? Ведь здоровье у него не ахти.

— Его там уважают — вот он и старается! Атмосфера там сердечная, доброжелательная.

— Но будь хорошая атмосфера в вашем доме, ему, возможно, не захотелось бы уходить куда-то.

— Я этим не обязана заниматься. А вот он обязан о своем доме заботиться. И общественность не имеет права оставаться в стороне, если человек уходит к верующим. Его надо за это наказать.

Ох, Мария Владимировна, слушаю я вас и удивляюсь. Как сложилось у вас такое отношение к верующим людям. Ведь мы — одно целое, единый народ. Конституция СССР

гарантирует всем свободу совести — право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Возбужденные вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещаются. Вы, наверное, знаете, что есть немало верующих людей, награжденных в годы Великой Отечественной войны боевыми орденами, матерей-героинь, прекрасных тружеников. Оглянитесь — как много вокруг примеров достойного, дружеского общения верующих и неверующих. Религиозные убеждения Павла Никифоровича, коль уж они у него сложились, силой, приказом изменить вряд ли удастся.

Чтобы переубедить человека, мало одного желания — нужны определенный уровень культуры, знания, такт. Вам, Мария Владимировна, надо бы серьезно заниматься атеистическим воспитанием, но, к сожалению, у вас для этого маловато знаний и понимания этого непростого дела. Слово «атеизм» вы взяли напрокат — лишь для того, чтобы основательнее «прижать» мужа. А можно ли обмануть кого-то словесной игрой?

Павел Никифорович стремится увести за собой в общину детей. Разумеется, это вызывает тревогу. Но что же делаете вы? Установили в семье бранный, непочтительный стиль обращения друг к другу. Что вы говорите дочери, когда видите среди ее школьных учебников религиозные книжки, которые дал отец? Снова только ругательства. Вы спокойно смотрите на пристрастие сына Феде к водке, вы становитесь на сторону сына, когда отец, помня свое падение в молодости, делает Феде замечания.

Я уже говорил, что в подобной ситуации трудно давать советы. Но еще раз: попытайтесь чуткостью и душевностью вернуть бывшее расположение мужа. Не принимая его взглядов, учитесь у него сдержанности, терпению. Воспитывайте в детях любовь к отцу, родному человеку. Будьте сами добрее с детьми.

С вами, Павел Никифорович, мы общались мало, но даже за это время я проникся к вам симпатией. Что и говорить, судьбе вашей не позавидуешь. Дома слова ласкового не слышите, а только одно: деньги давай, «вкальвай!» Будто вы не человек, а лошадка полова.

Меня восхищает ваша способность переделать свой характер. Вполне ясно я увидел, что не божественная благодать, как вы меня старались уверить, а именно сила воли, ответственность перед окружающими, долг перед детьми помогли вам самостоятельно, без помощи врачей перебороть тягу к вину.

Но если, как утверждаете, вы действительно стали выше, разумнее, чище, у вас непременно должны появиться силы и желание благотворно повлиять на свою жену, свою семью. Разумеется, я говорю не о том, чтобы убеждать Марию Владимировну стать верующей. Но ведь кроме этого «больного» вопроса есть еще много такого, что связывало вас раньше и связывает, мне кажется, до сих пор. А если вам попробовать забыть хотя бы на время плохое, что было между вами, и просто сделать Марии Владимировне что-то приятное. Когда вы в последний раз дарили своей жене цветы? Не до цветов было? А что если все-таки попробовать? Скорее всего, с первого раза ничего путного из этой затеи не получится: ясно, что Мария Владимировна ожесточилась против вас, против всех людей. А вот вторая, третья попытка подобного рода может что-то изменить, принести результаты.

После того что я написал в письме к Марии Владимировне, то, что я скажу сейчас, может показаться странным, но все-таки: в семейном разладе есть и ваша вина. Столкнувшись с трудностями семейной жизни, вы сначала убежали от них в пьянство. Прошло время, и вы «спаслись» в баптистской общине. Для себя одного вы нашли выход. Но если решили не разрушать семью, почему делаете это столь формально, почему живете в собственном доме как квартирант? Понимаю: ничего не хочется делать, все не впрок. В какой-то момент тот круг людей, который вы нашли в религиозной общине, заменил вам покой и тепло домашнего очага. Тем более что, судя по всему, очаг этот

грел слабо. Быть может, и ваша натура — сосредоточенная, замкнутая — охотно отозвалась на благостные проповеди в собрании верующих. Видимо, вот таким образом вы навели кое-какой порядок в своей душе. Ну, а от Марии Владимировны — что ж, совсем отступились? Смотрите на нее не как на человека, когда-то вам близкого, а как на стихийное бедствие в своей жизни...

Понимаете ли вы, как больно отзывается сложившееся положение на детях?

Давайте послушаем Марину.

— Папа в моем детстве был как и положено папе: гулял со мной, баловал, проверял уроки, рассказывал что-нибудь по вечерам. Мы часто всей семьей ходили в парк, в кино. А когда папа вступил в общину, его будто подменили. Стал отмалчиваться. Это еще больше злило маму. Свои «собеседования» она проводила изо дня в день. Конечно, в повышенном тоне. Иначе она просто не умеет. Мне кажется, она делает большую ошибку, что не отпускает его от себя. Я столько раз пеняла ей на это. И с отцом пыталась поговорить, да только он все отмалчивается. По-моему, это тоже неправильно — молчать. Ведь мы же дети его, и нам обидно, что он и от нас отвернулся. Он по дому ничего не хочет делать. Братьям и сестрам во Христе помогает охотно, а маме — нет. Раньше сам, без напоминаний чинил что-нибудь в доме, а сейчас — только из-под палки...

Рассказывает Федя:

— Он часто звал на свои собрания. Обещал, что там хорошо. Я раз было засобираюсь, да что-то отвлекло... После армии учился в учебном комбинате, сейчас работаю на шахте. У нас с ним разные духовные запросы, а он этого не хочет понимать. Я увлекаюсь музыкой, собираю пластинки. Недавно были у меня в гостях два друга, пришла и моя девушка. Слушали новые записи. А он из-за двери кричит, чтоб расходились, чтоб не занимались бесовскими делами. Стыдно было перед друзьями! Обстановка у нас в доме — хуже не придумаешь.

Рассказывает Таня:

— Он хочет, чтоб я на ночь молилась, а мне это не нравится. Поэтому я довольно часто остаюсь допоздна у подружки. Нет, ее мама меня не гонит. Наверное, догадывается, почему я так засиживаюсь. В прошлом году мы с папой были на его родине. Те деньги, что мама дала мне в дорогу, я нерасчетливо потратила на мороженое и сладости. А потом мне так хотелось сходить в кино, которое крутили в деревне, но папа не дал денег. На что другое, говорит, дам, а на кино — нет... Прошу его: «Папа, у нас сегодня родительское собрание. Ты придешь?» А он отмахивается: «Я не могу участвовать в мирских делах».

Извините меня, Павел Никифорович, но я хочу вас спросить: вам же не нравится бесцеремонность Марии Владимировны? А чем лучше поступаете вы по отношению к своим детям?

Мне не хочется драматизировать ситуацию, но, если посмотреть честно, легко увидеть, что вы с детьми стали чужими.

Мария Владимировна и Павел Никифорович! Я далек от мысли, что мое обращение к вам быстро и просто изменит положение дел в семье. Я могу только надеяться, что оно станет первым толчком к большой душевной работе — и приведет вас к взаимному сближению. Пока человек жив, он может исправить ошибки, «высветлить» свои чувства. Но можете ли вы посмотреть на себя со стороны — честно и трезво? Узнаете ли себя? Найдете ли мужество узнать? «Человек человеку — зеркало», — сказал Максим Горький. Увидев в обычном зеркале неполадки в своей внешности, мы спешим их исправить. Куда сложнее корректировать нравственные изъяны. Но все-таки и это возможно.

ВЕРИТЬ НЕ В БОГА, А В ДРУЖБУ...

Моей маме 45 лет, она верит в бога, но в какого-то своего бога. Говорит, что церковь искажила образ Христа, использовала его в корыстных целях. Однако ходит в церковь, ставит свечки, исповедуется. Мне кажется, что это не слепая вера фанатика, нет. Это скорее вера неудачника, который хватается за соломинку. Мне ее очень жалко, но мы с ней почти чужие. Она читает атеистические книги, вот и ваш журнал выписала; но это не влияет на ее отношение к религии. Вероятно, вера — это последнее, что ей осталось. Друзей у нее нет, в театры и кино она не ходит, не хочется (пробовала ее вытянуть из дома — бесполезно, да и мне с ней неинтересно). Вечером читает молитвы. Я не мешаю, не хочу лезть в душу. Она меня никогда не заставляла верить в бога, не водила в церковь, за что я ей очень благодарна. Попробовала ее разубедить, спорила — не получается. Я начинаю сердиться, говорю ей, что она себя обманывает, придумывает идеал, сказку и верит. И мы соримся.

Наверное, если бы у нее были муж, много детей, то в счастливых заботах о них она бы и думать забыла о религии, жила полнокров-

ной жизнью. А так что? Она — несчастная, уставшая от жизни женщина. И одинокая. Мы с ней друг друга не понимаем, мне хочется равняться на людей с активной жизненной позицией. Ей нужно найти друзей, но где? Да она и не хочет их искать. Так вот и живет: день прошел, и слава богу!

Как же ее разубедить?

Наверное, не так уж много на свете людей с поломанной судьбой. Но ведь они есть, и нужно как-то им помочь.

Как было бы здорово, если бы все жили дружно, чтобы в транспорте, на улице люди здоровались друг с другом, были человечнее и добрее. Если бы в горе можно было постучаться в любую дверь и быть уверенным, что тебя поймут, тебе помогут. Разве это нормально, что люди годами живут в одном доме, а не знают друг друга в лицо. Потому что у всех свои заботы, свой дом, свой мир. Надо как-то объединить людей, особенно одиноких, чтобы им было с кем общаться, куда обратиться за помощью. Чтобы у них была бы вера, но не в бога, а в дружбу, добро, справедливость, в то, что жизнь прекрасна и интересна.

О себе: мне 16 лет, я комсомолка; мою фамилию я прошу не называть, чтобы мама не обиделась.

Саша Н.

г. Москва

ПОНИМАЮТ ЛИ ЭТО ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ?

В пятом номере вашего журнала прочитала отклики на письмо М. Аксеновой и решила написать вам.

Мне за тридцать, образование среднее, работаю, инвалид третьей группы. В детстве часто болела и очень сильно страдала от одиночества — у меня не было друзей. И сейчас вокруг столько людей, а я как будто одна. Каждый занят своими заботами, и нет им дела до инвалидов. Сколько себя помню, постоянно испытываю не только физическую, но и душевную боль от своего недостатка.

Понимают ли здоровые, полноценные люди, как тяжело таким, как я, как трудно в нашем положении оставаться человеком? И совсем не просто не огрубить, не озлобиться, не обидеться на весь белый свет. Понимают ли

люди, что самое страшное для инвалида — это одиночество? Ни книги, ни музыка, ни телевизор — ничто не заменит доброту человеческого сердца. Какой бы человек ни был — здоровый или больной, всем нужна поддержка в трудную минуту.

Я становлюсь старше и все сильнее тянусь к людям. Жить без друзей невыносимо. Напечатайте мое письмо, может быть, через журнал я найду хорошую подругу или друга. Только прошу не писать в журнале моего адреса, боюсь насмешек односельчан. Но если у кого-нибудь появится желание со мной переписываться, пожалуйста, дайте им мой адрес.

Письмо получилось, наверное, неслучайно, никогда не писала в редакцию. Можете его исправить, сохранив смысл: ищу друзей.

Таня.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В АПРЕЛЬСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ЗА ЭТОТ ГОД БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА СТАТЬЯ ПРОПАГАНДИСТА АТЕИЗМА ИЗ МАХАЧКАЛЫ КАНДИДАТА ФИЛОСОФСКИХ НАУК С. Ш. МУСЛИМОВА «ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР», В КОТОРОЙ АВТОР ПИСАЛ О НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ, С ЕГО ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ПРОБЛЕМАХ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РАЙОНАХ ТРАДИЦИОННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА. НА СТАТЬЮ ОТКЛИКНУЛИСЬ КОЛЛЕГИ С. МУСЛИМОВА, УЧЕНЫЕ, ВЕДУЩИЕ ПРОПАГАНДИСТСКУЮ РАБОТУ. МЫ ПУБЛИКУЕМ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЭТИХ ПИСЕМ, ПРОДОЛЖАЮЩИЕ НАЧАТЫЙ В СТАТЬЕ РАЗГОВОР.

Н. САФАРОВ, кандидат философских наук (г. Баку)

В статье С. Муслимова затронуты, по-моему, самые важные для пропагандиста атеизма вопросы. Вот, например, автор справедливо замечает: лекции и беседы не всегда содержат свежие мысли и факты. А некоторые лекторы не учитывают возросший образовательный уровень сельского населения и потому позволяют себе недостаточно серьезно готовиться к выступлениям, тем самым подрывают авторитет пропагандистов атеизма.

Я как-то присутствовал на беседе одного научного работника с труженниками села. Он, видимо, был уверен в неподготовленности аудитории и без стеснения сообщал искаженные сведения из истории ислама в ответ на вопросы присутствующих, вместо того чтобы извиниться в том случае, когда не мог дать верную информацию. И тут один из слушателей не только поправил его, но и пристыдил за недобросовестность. Неплохой урок подобным пропагандистам, которые забывают о своем высоком долге и ответственности, лежащей на каждом, кто ведет идеологическую работу. С историей ислама — в силу различных причин — знакомы не только исламоведы; я убеждался, что многие знают ее неплохо, поэтому чтобы беседовать с этими людьми, приблизительных знаний не хватит.

Часто слушатели задают вопросы или высказывают свое мнение о влиянии религии на нравственность, многие говорят о том, что ислам, например, удерживает от преступлений, заставляет вести себя нравственно.

В связи с этим я напоминаю собеседникам повесть современного азербайджанского писателя Рустама Ибрагимбекова «На 9-й Хребтовой...». Вернувшийся из заключения человек узнает, что жена ушла к другому. Решение отомстить, убить возникает мгновенно. Оно продиктовано не столько чувством попанной чести, сколько страхом перед общественным мнением, которое в отношении к женщине воспитано установлениями Корана: если женщина идет наперекор мужчине — она до-

жна быть наказана. И это решение одобряется теми, кто заботится о соблюдении мусульманских правил. Что же в данном случае — эти правила удерживают от преступления или, напротив, толкают к нему?

Упомянул я об этом эпизоде, чтобы еще раз обратить внимание на то, что в районах традиционного распространения ислама даже у неверующих зачастую есть предрасположенность к нравственным оценкам, предписанным исламом. Это нам надо учитывать в своей работе.

Ш. ВАЛИЕВ, кандидат философских наук (г. Андижан Узбекской ССР)

Мне было интересно читать статью своего коллеги из Махачкалы. С теми же проблемами сталкиваются пропагандисты атеизма и в Средней Азии. Наша аудитория в основном — сельские жители. На селе люди больше привязаны к устаревшим традициям, унаследованным от шариата. И тут важно знать, к каким именно и почему. Нельзя ехать с лекцией в район, не зная, какова там религиозная обстановка.

За последние пять лет в Андижанской области дважды проводились социологические исследования. Они помогли нам лучше понять, как относятся к религии и атеизму представители различных социальных групп и возрастов, и определить конкретные задачи атеистической работы.

Правильно отметил С. Муслимов: не только наша аудитория, но и некоторые пропагандисты недостаточно глубоко знают законодательство о религиозных культурах. Хочу поделиться таким опытом. При редакциях областных и районных газет у нас работают внештатные отделы по пропаганде атеизма и новых обрядов, они ежемесячно готовят тематические страницы «Атеист», где, в частности, немало места отводится разъяснению законодательства о культурах. Такие публикации обсуждаются в трудовых коллективах и учебных заведениях. Мы считаем, что это действенная форма атеистического воспитания.

Влиянию верующих стариков на

молодежь (их мнение, верно отметил С. Муслимов, часто воспринимается как непогрешимое) мы стремимся противопоставить слово столь же уважаемых пожилых людей, но несущих, так сказать, противоположный заряд, — слово атеистическое. Тут немало удается сделать с помощью советов аксакалов при кишлачных и махалинских комитетах.

Общественное мнение, поддерживаемое верующей частью населения, религиозными наставниками, порой заставляет людей следовать традициям, освященным исламом. Вот какое письмо написала в редакцию газеты комсомолка из Ходжабадского района: «Скончался муж нашей соседки (покойный — узбек, вдова — русская), осталось у нее семеро детей школьного возраста. К чему только не принуждали ее родственники умершего! Кроме раздачи платков, чая, мыла в день похорон ей пришлось купить и зарезать четырех баранов для трех-, семи-, двадцати- и сорокадневных поминок. По старой традиции многие родственники покойного более 40 дней жили и кормились в доме вдовы. Чтобы совершить все эти обряды, вдова взяла в долг большую сумму денег. Нелегко будет многодетной женщине возвращать долги!.. Кому нужны такие традиции?»

В связи с этим письмом в районе провели собрание с участием местных Советов, женсоветов, советов аксакалов — обсуждались старые и новые обряды. Что взять от старого, от чего решительно отказаться? К общественным организациям района обратился 90-летний аксакал: «Прошу вас серьезно заниматься семейными традициями. Мне было очень трудно справиться свадьбы восьми дочерей по старому обряду. Пусть теперь люди не мучаются, как я раньше. Спасибо вам, дети, за заботу о родителях, семьях».

Н. АЙДЕМИРОВ, кандидат философских наук (г. Ставрополь)

С удовольствием прочел статью С. Муслимова «Откровенный разговор». Мне тоже часто приходится ездить с лекциями, выступать перед

верующими и неверующими и — что интересно — отвечать примерно на те же вопросы, которые задают и Муслимову. Видимо, это не случайно.

Например, нередко спрашивают: «Мавлуд¹ — это религиозный или национальный обряд?» Конечно, пропагандисту необходимо знать «родословную» культовых обрядов, уметь провести четкую грань между народной традицией и поздними религиозными наслоениями.

Но бывают вопросы на вид совсем «простые», казалось бы, на них можно и ответить просто: да или нет. Но прислушайтесь внимательней, и вы обнаружите, что односложным ответом здесь не обойтись.

...После лекции в одном из селений Нефтекумского района молодой человек спросил: «Правда ли, что в нашей религии написано, будто во время курбан-байрама² шкуру жертвенного барана нужно отдавать мулле?»

Пропагандист должен прежде всего обратить внимание на слова «наша религия». Важно разобраться: верующий человек задал такой вопрос или нет. Если верующий, то вполне ясно, почему он называет ислам «нашей религией», если же неверующий, то надо разъяснить, что он смешивает свою национальность с религией.

Наш молодой человек не знал происхождения и сущности курбан-байрама, а мулла решил поживиться за его счет. В шариате нет указания отдавать шкуру барана мулле. Но мулле это не смутило.

После моего ответа молодой человек с досадой сказал: «Знал бы я Коран и шариат, положил бы этих шарлатанов на лопатки!» Я сам-то нужным объяснить ему, что и само-то принесение в жертву барана совсем неуместно при нашем образе жизни, что обряд этот, пришедший еще из доисламских времен, отражает древние суеверия. И еще посоветовал ему читать книги и журналы, в которых рассказывается о сущности ислама и его обрядов.

Прав С. Муслимов, есть еще немало местных руководителей, заявляющих: «Зачем нам лекции по атеизму — у нас в районе нет верующих!» Жаль, но эти товарищи не понимают, что атеистическая пропаганда — это не только критика религии; главная ее забота — формирование у широких масс научно-материалистического мировоззрения, укрепление атеистических убеждений. Человек может отрицать существование бога, не верить в сверхъестественные силы, но это вовсе не значит, что он убежденный атеист. На селе есть немало людей с неустойчивыми взглядами в отношении религии и атеизма; именно они, при определенных условиях, могут пополнить число верующих. Вот почему атеистическая работа, в том числе

лекционная, необходима в любом коллективе, независимо от состава аудитории.

Г. МАГОМЕД-ШЕРИФОВ, лектор общества «Знание» (г. Дербент Дагестанской АССР)

Статья С. Муслимова «Откровенный разговор» стала объектом обсуждения на одном из занятий в школе лекторов-атеистов при Дербентской городской организации общества «Знание» и горкоме ВЛКСМ. Я несколько лет руковожу этой школой, заботы пропагандистов атеизма хорошо мне известны, и могу сказать, что вопросы, затронутые С. Муслимовым, весьма для нас актуальны, обсуждение статьи на занятии прошло активно, было полезным.

Прав С. Муслимов, когда говорит, что каждый лектор-атеист должен еще и еще раз анализировать вопросы, которые ему задают на лекциях. Они о многом расскажут — и общественном мнении в селе, коллективе, и о настроениях людей, об их информированности в различных проблемах. Вопросы подскажут и темы для плана работы местных организаций общества «Знание». Среди множества вопросов у нас в районе, к примеру, можно услышать и такие: «Если бога нет, то почему же одним бульдозером не сровняют все мечети, церкви, синагоги? Видимо, боятся бога, потому и не делают этого»; «Почему жены некоторых врачей ходят к знахарям?»; «А вы сами лично верите в бога?». Каждый вопрос наводит на размышления, каждый может подсказать тему лекции, беседы. Мне кажется, что из приведенных примеров последний должен заставить задуматься того, кому его задали. Например, об этом спросили ученики своих учителей в одной сельской школе. Хотя ответ тут короткий, постановка вопроса заставляет думать, что педагога допустили пусть незначительные, но все же отклонения в принципиальных мировоззренческих проблемах. Это могут быть уступки в отношении к некоторым религиозным обрядам. А может быть, кто-то участвовал, пусть формально, в религиозных ритуалах и праздниках... Да, мы должны быть принципиальны в каждом своем поступке.

Очень важна, с точки зрения атеистического воспитания, проблема родителей и детей. Я согласен с С. Муслимовым: кровное родство, уважение к старшим не могут оправдать отступления в мировоззренческих вопросах.

Я вырос в религиозной семье. Дедушка читает Коран по-арабски, бабушка, отец и мать знают наизусть целые суры Корана. Интересно, что бабушка и мать больше суеверны, чем религиозны, хотя ничего не начнут делать, не попросив благословения у Аллаха. У матери хранился камень «от сглаза», имеющий форму челове-

ческого глаза, он передавался в нашей семье по женской линии в течение ста лет. И все верили, что он упал с неба вместе с градом. Камень пользовался большой популярностью у суеверных женщин селения Гопца Магарамкентского района. Его брали у матери «напрокат» в разных случаях, даже когда заболела корова.

Семья религиозная, а я с юных лет стал атеистом. Школа, коллективы, в которых я работал, учился, имели на меня большее влияние, чем родственники. И я никогда не скрывал своих убеждений от родителей. А постепенно они успокоились, даже внимательно слушают мои доводы против религиозного мировоззрения. Своих детей — их у меня трое — воспитываю в атеистическом духе, и родители не мешают мне в этом. Работаю в большом коллективе, закончил университет, активно веду атеистическую пропаганду, выполняю много общественных поручений. Однажды мать прочла о моих делах в нашей республиканской газете, очень обрадовалась и в честь этого подарила мне самое дорогое, что у нее было, — камень «от сглаза». Теперь он у меня и стал хорошим наглядным пособием в лекциях и беседах. Я рад этому подарку, понимаю его так: мать увидела, что и без веры в Аллаха человек может быть счастливым и уважаемым, а для любящей матери счастье — в счастливой жизни ее детей.

С отцом разговоры на атеистическую тему вести трудно. А с дедушкой легче, хотя он тоже верующий. Я размышлял, почему так, и понял: он был участником колхозного строительства, воевал, много пережил и повидал на своем веку. Это позволяет ему шире смотреть на мир, понимать другого человека. Недавно, после нашего очередного обмена взглядами на мир, он признался: «Ничего, конечно, ни в небесах, ни под землей нету, но мне еще не все понятно; вот, например, что: если мир так искусно создан, звезды, планеты так расставлены в небесах, то должен же был это кто-то сделать?» Это признание дорого мне, я считаю его своим большим успехом. Обсуждаем мы с дедушкой Коран, он мне помогает научиться правильному произношению аятов, и я их иногда привожу в своих лекциях, с переводами и комментариями. Так религиозный дедушка помогает мне в атеистической работе.

В заключение скажу, что считаю необходимым продолжить откровенный разговор, начатый С. Муслимовым. Пропагандистам атеизма это очень важно.

¹ Религиозный праздник в честь дня рождения пророка Мухаммеда.

² Мусульманский праздник в честь завершения хаджжа — ежегодного паломничества в Мекку.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ ХРАМОВ

● Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, XII в.

Ю. ГЕРАСИМОВ,
кандидат архитектуры,

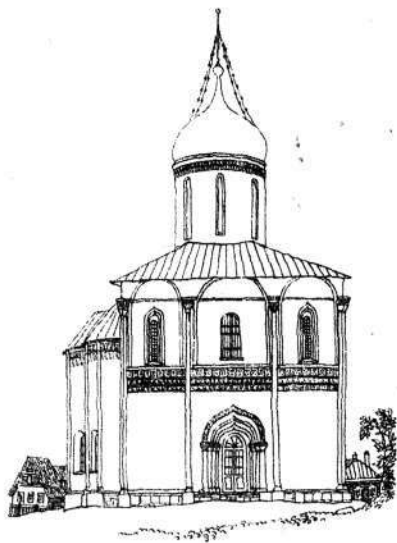
В. РАБИНОВИЧ,
доктор философских наук

Рисунки О. Туркус.

● Успенский собор во Владимире, XII в.

● Успенский собор «на Городке» в Звенигороде, XIV в.

ляют особой культурной ценности. Другие же жизнерадостны, красивы, гармония таких сооружений свидетельствует прежде всего о творческой одаренности их создателей, об осуществлении ими прогрессивного для своего времени архитектурного замысла.

Многие сохранившиеся, но не используемые древние² храмы хотя и не имеют особой исторической и эстетической значимости, представляют определенную материальную ценность.

Правильному решению вопросов целесообразного использования храмов подчас препятствует, как это не без основания полагают, их прежнее культовое назначение. Бывает, что местные Советы и районные архитекторы не знают, как им поступать, ошибочно полагая, что забота о заброшенных храмах — дело лишь активистов из Общества охраны памятников истории и культуры. Однако и дело, и забота эта — всенародные, государственные. И свидетельствует об этом прежде всего то, что с первых лет Советской власти многое делалось для бережного и целесообразного использования памятников зодчества, да и консервация и реставрация шедевров древней культовой архитектуры впервые были поставлены на научную основу лишь в советское время.

Если «в Советском Союзе беспрепятственно действуют более 20 тысяч православных церквей, костелов, синагог, лютеранских кирх, старообрядческих храмов, мечетей, буддистских

В последние годы все острее встает вопрос о разумном и рачительном отношении к культовым архитектурным сооружениям. Органичное включение их в ткань современных городов — не только актуальная практическая задача для местных Советов народных депутатов и архитекторов, эту проблему необходимо рассмотреть и в идеологическом аспекте, ибо здесь налицо взаимосвязь искусства и религии, зодчества и культуры.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Под влиянием религии еще остается часть людей и часть, прямо скажем, не такая уж малая¹. Для них небезразлична судьба культовых зданий, пусть и недействующих. Для подавляющего большинства советских людей церкви, костелы, мечети, синагоги перестали быть культовыми святынями. Некоторые из этих памятников прошлого мрачны, эклектичны и не представ-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 60.

² Терминами «древняя живопись», «древнее зодчество», «древние храмы» в нашем искусствоведении принято обозначать произведения русского искусства примерно X—XVII вв.

дацанов, молитвенных домов евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня и т. д., около 20 мужских и женских монастырей»³, то бездействующих или неудачно используемых культовых сооружений насчитывается в несколько раз больше.

И когда антикоммунистическая пресса на разных радиоволнах вещает о «тотальном сносе» в СССР древних храмов, это прямая клевета. Например, в журнале «Русское возрождение» (его издает в США клерикально-политическая группировка, именующая себя «русской церковью за рубежом») утверждалось, что наша столица — это «обезглавленная Москва», по которой «де» прошел смерч бессмысленного вандализма, уничтоживший почти все ее церкви и монастыри.

Действительно, некоторые культовые сооружения за годы Советской власти были утрачены, снесены. Допускались при этом и ошибки. В ряде случаев вина лежала на конкретных «воинствующих» горе-администраторах, которые одинаково плохо разбирались как в проблемах атеизма, так и в проблемах архитектуры. Об этом свидетельствуют факты, о которых писал журнал «Коммунист»: «В двадцатых и начале тридцатых годов антиленински настроенные проповедники нигилистического отношения к народным традициям добились безосновательного, лишеного всякой практической необходимости уничтожения некоторых памятников истории и культуры...»⁴. Были случаи, когда храмы разрушали люди, воспитанные в духе неуважения к ним собственными пастырями. Об этом, кстати, очень точно написал А. Блок в статье «Интеллигенция и революция»: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят

в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа»⁵.

В целом же молитвенные здания, большей частью не имевшие исторической и художественной ценности, сносили из-за настоятельных нужд реконструкции города или из-за аварийного их состояния. К слову сказать, церковные постройки сносили и в царское время, в том числе и сами церковные власти.

Об этом злобствующие и некомпетентные критиканы умалчивают. Так же, как «забывают» о злой воле фашистских оккупантов, превративших в руины 70 тысяч наших городов, поселков, сел и деревень, разрушивших там десятки тысяч зданий, в том числе и храмов.

Мы уже отмечали, что именно в Советском государстве было законодательно закреплено требование бережного отношения к памятникам исторического прошлого. Об этом говорит статья 68 Конституции СССР. Верховный Совет СССР в 1976 году принял закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в том числе, естественно, и памятников культовой архитектуры. И мы обязаны по-хозяйски относиться к сохранению и использованию этого, еще раз подчеркнем, всенародного достояния.

К сожалению, примеры отрецированных, но никак не используемых памятников культовой архитектуры довольно многочисленны. Назовем здесь редкий памятник XVI века — церковь Исидора Блаженного в Ростове Великом, церкви Петра Митрополита (XVI в.) и Александра Невского (XVII в.), украшающие древний центр Переславля Залесского. До сих пор пустуют соборы XVI в. в Борисоглебском монастыре под Ростовом и в Никитском монастыре в Переславле. Не

нашла никакого применения церковь Рождества Богородицы в селе Рождественно-Суворово Московской области и т. д.

Для того же чтобы рационально распорядиться, необходимо отказаться от односторонних взглядов на этого рода архитектуру, посмотреть на нее исторически, учитывая, что в прошлом культовые сооружения были, применяя современную терминологию, многофункциональными. И когда отмирают их религиозные функции, другие продолжают жить. Вспомним, например, Парфенон в Афинах, древние мечети в Самарканде, Покровский собор на Красной площади в Москве. Они перестали быть действующими молитвенными зданиями, но функционируют как выдающиеся архитектурные сооружения. Это результат исторически неизбежного освобождения общества от религии.

Какие же функции несли древние храмы? Прежде всего, конечно, культовые, религиозно-проповеднические и религиозно-обрядовые, но наряду с ними — функции общения, оборонительные, мемориально-исторические и, наконец, идейно-художественные.

На Западе, например, в средние века в культовых зданиях происходили не только религиозные церемонии. Там подчас проводились цеховые собрания ремесленников, горожан, иногда устраивались общественные диспуты (и не только на богословские темы), разыгрывались нравоучительные спектакли (мистерии) и даже заключались торговые сделки. На

³ В. Куроедов. Торжество ленинских принципов свободы совести. «Наука и религия», 1978, № 1, с. 4.

⁴ Предмет большого патриотического внимания. «Коммунист», 1978, № 11, с. 54.

⁵ А. Блок. Собр. соч. в 6 томах, т. 5. М., 1971, с. 402.

Успенские соборы были созданы в различные исторические эпохи, и поэтому у каждого из них своеобразный облик: в их общей композиции и декоративном убранстве ярко проступают самобытные особенности местных архитектурных школ эпохи Киевского государства, феодальной раздробленности и Московской Руси. Исторический ход развития архитектуры оказывается сильнее требований церковного канона.

● Успенский собор в Рязани, XVII в.

● Церковь Успения «в Печатниках» в Москве, XVII в.

Руси же, по словам Н. К. Крупской, в церковь приходили коротать свободное время, наслаждаться благолепием и красочностью служб, повстречаться с людьми, посоветоваться с попом⁶.

Конечно, на первом месте у храмов были функции культовые, религиозно-проповеднические и обрядовые. Отсюда и требования к архитектуре: в храме должна была осуществляться пространственная связь и в то же время проходить граница между его сакральной частью (святылищем — алтарем) и местом, предназначенным для паствы, предусмотрено место для проповеди священнослужителя, для обряда, индивидуальной молитвы. Но задуманная как место иллюзорного общения паствы с богом, церковь в то же время становилась и местом общения людей, и зрелищным предприятием.

Священнослужители не раз возражали против использования храмов как мест бытового, а иногда и социально-политического (как, к примеру, в Новгороде) общения. Однако, чтобы обеспечить сбор паствы, им пришлось, в особенности в XVII—XVIII вв., начать возводить при православных церквях или пристраивать к ним большие трапезные, гульбища, паперти с аркадами и колоннадами. И тогда храм мог выполнять еще одну функцию — быть архитектурным фоном для театрализованных обрядовых зрелищ. «Такая эстетическая среда создавалась церковной архитектурой, не менее эмоционально воздействующей, чем само драматическое действие»⁷. Именно светские функции древних храмов, а также некоторый светский аспект их предназначения дает нам право поставить вопрос о современном использовании бездействующих культовых сооружений.

Нельзя не сказать еще об одной важной функции храмов: они всегда были хранилищами сокровищ — причем не только сакральных, но и мирских. В подклетах храмов (например, кончанских церквей в Новгороде) хранились богатства бояр и купцов.

Несметными сокровищами владели и многие православные монастыри. На Руси, как правило, они представляли собой целые архитектурные ансамбли, куда входили, наряду с культовыми сооружениями, жилые здания, общественные и учебные помещения, множество хозяйственных служб. Фактически это были целые укрепленные городки. Естественно, что тут говорить о только культовом их назначении не приходится.

Некоторые древние церкви со временем начали выполнять функции историко-мемориальные (Софийские соборы в Киеве и Новгороде, соборы в Московском Кремле). А ряд куль-

товых архитектурных сооружений выполнял роль монументов в честь выдающихся деятелей или исторических событий (Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры в Загорске, Покровский собор на Красной площади в Москве).

Многофункциональный характер храмов требовал от их создателей особо внимательного подхода к их архитектуре. В связи с этим церкви — места общественных собраний, церкви-крепости, церкви-памятники, церкви — символы государственного сплочения и мощи чаще всего воздвигались величественными и художественно выразительными. Однако это не исключало стремления русской православной церкви к тому, чтобы культовые сооружения выполняли лишь религиозные функции. Церковное строительство постепенно превращалось в тупиковое для развития зодчества направление, хотя во многих городах Руси храмы строились дюжинами и цвели пышным цветом «узорочья».

«...Древние, — писал К. Маркс, — и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал... Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения... Если поэтому у древних не было перепроизводства, то было перепотребление у богачей, которое в последнюю эпоху Рима и Греции выливается в безумную расточительность»⁸.

Можно сказать, что на Руси была аналогичная картина. Именно могущественные и богатые религиозные организации привлекали к строительству храмов зодчих, художников. Это сотрудничество церкви и искусства было «союзом» всадника и лошади: церковь старалась «взнуздать» искусство, ограничивая его догматическими шорами. Часто ей это удавалось. Гениальный Микеланджело с горечью говорил: «Я служил трем папам, но это было вынужденно»⁹. Однако порой благородный Пегас переставал слушаться тяжелой руки своего «наездника», пытался вырваться на творческий простор. Это приводило не только к «обмирщению» облика храмов, но и к большей гармоничности творений культового зодчества. Однако возвеличение потустороннего и презрение к мирскому трудно было сочетать с гимном земному, человеческому. Поэтому-то не все «дома бога» бывали прекрасны, как подчас кажется некоторым нашим современникам. В общем-то довольно заурядны с архитектурно-художественной точки зрения, не блещут новизной и гармоничностью архитектурной композиции многие культовые сооружения, построенные в Москве

в середине XIX века (хотя некоторые из них представляют собой материальные памятники исторического прошлого и потому охраняются государством).

Ряд памятников культового зодчества более отдаленных веков бесспорно красивы, среди них немало подлинных шедевров архитектуры. Это заслуга не церкви, а зодчих, талантливых народных мастеров.

Чаще всего в культовой архитектуре (как, впрочем, и иконописи, музыке) происходило невероятное, казалось бы, смешение «небесного» и «земного», потусторонних сюжетов и человеческих страстей, культовых посвящений и реальных мирских функций. Но в этом воплощались идеи величия не «царя небесного», а земных царей, мощь не «небесного

● Творческое переосмысление канонических схем культовых зданий в древнерусской архитектуре. Церковь Вознесения в Коломенском, XVI в.

владыки», а государства, красота не «небесная», а «земная» — то есть вполне реальные, земные идеи, образы, порожденные исторически сложившимися общественными отношениями определенных эпох. Так, например, выдающийся памятник русской архитектуры — храм Вознесения в Коломенском (1532 г.) — несет в себе жизнеутверждающий, оптимистический заряд; он выражает гражданские идеи возвышения русского государства. Расположенный в подмосковной усадьбе царя, он, кстати,

⁶ См.: Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 7, М., 1959.

⁷ Е. Г. Яковлев. Искусство и мировые религии. М., 1977, с. 47.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 11., с. 587.

⁹ Титан. Микеланджело. Автор-составитель Г. Кушнеровская. М., 1977, с. 76.

служил не только храмом, но и своеобразным тронным залом, а также местом для наблюдения за волевыми играми.

И все же главным в образности культовых сооружений было религиозно-мистическое содержание. Это проявлялось и в устремленности к небесам «дома бога», контрастно подчеркивающего ничтожность распростертого «аки прах» человека, а также в эмоционально окрашенной идее таинственности, причастности к неземному, к чуду. Не случайны сравнения церкви с кораблем, противостоящим морю мирского греха, планировочные решения храмов в форме креста и т. п.

Следует при этом отметить, что религиозная символика с трудом поддается художественной интерпретации в архитектурных формах. За тысячу лет, например, так и не удалось зримо воплотить в православном храме идею «тела Христова», а также конкретизировать образ храмов, посвященных какому-либо одному событию из жизни Христа, богородицы или святых: «престолы» одного и того же святого, храмы одного посвящения чаще всего получались разными.

Вследствие идеологического влияния церкви культовое искусство получало противоречивое духовное наполнение, художественные и вообще мирские идеалы трудящихся вступали в конфликт с религиозной мистикой. Исторически складывавшиеся эстетические вкусы и идеалы народа ущемлялись и деформировались церковными канонами и тенденцией к показному великолепию (особенно явно сказалось это, например в декоративной пышности церковей и иконостасов стиля барокко конца XVII — первой половины XVIII вв.).

В целом же не мистическая фантазия, а реальные потребности общества древних эпох обуславливали красоту древнерусских храмов. Конечно же, господство религиозной идеологии предопределяло символические атрибуты храмов и многие сюжеты росписей. Но в творениях русских зодчих и художников того времени мистическими были, в первую очередь, посвящения и сюжетная канва, а за ними стояли чувства, надежды, потребности, порожденные жизнью. И именно они отличались гуманностью и гармоничностью, подчас отвечали прогрессивным социально-эстетическим идеалам. Они-то и были истинно прекрасны, эта их высокая красота способна и сейчас волновать людей. Во многих древнерусских храмах воплотилась и поныне звучит не всеблагость божественного, а сущая красота земная.

Сказочное богатство форм, любовь к расцветченному, замысловатому — все это черты живого народного творчества, своеобразно сказавшиеся

в церковном строительстве на Руси, особенно в XVII веке. Это церковно-монументы, увековечившие взлет народной фантазии и его представления о прекрасном. Поэтому мы и ценим их как художественные памятники эпохи.

Многие из церковей XVIII века имели явно светский характер (Петропавловский собор в Петербурге, церковь Архангела Гавриила, большая известная как Меншикова башня, в Москве и др.), что явилось своеобразным отражением государственных реформ Петра I.

Для середины и конца XIX века показательны грандиозные, но художественно менее интересные церкви. Назовем здесь такое колоссальное сооружение, как храм Христа Спасителя в Москве. Он был воздвигнут на народные пожертвования. Маститый зодчий Константин Тон¹⁰ замыслил его как памятник победе в Отечественной войне 1812 года. В опоясывающих храм галереях¹¹ должен был разместиться мемориальный музей, посвященный событиям Отечественной войны. Однако по требованию церковных властей в ходе строительства, завершеного в 1872 году, в галереях были устроены дополнительные алтари, исключавшие возможность сквозного обхода храма. К. Тон резко протестовал против этого решения, которым, по его словам, была «уничтожена прежняя идея, бывшая в основании проекта»¹².

В культовых сооружениях церковь стремилась архитектуру, живопись, фрески, скульптуру подчинить интересам религиозной идеологии. Однако, аналитически «разрубая» этот гордиев узел, нужно разобраться, что в культовой архитектуре религиозное, мистическое, а что — мирское, земное. Научный анализ противоречий культового зодчества позволяет поинтересоваться взглядом на богословский аргумент о будто бы неразрывной связи религии и художественных особенностей древних храмов.

Здесь нельзя не сказать и о такой знаменательной тенденции, как раннее явление в русском зодчестве атеистических идей и оценок.

Передовые люди России уже в XVIII столетии осознавали подлинную роль церкви в жизни страны. Их мнение по поводу строительства культовых сооружений выразил, в частности, «архитектуры помощник» Федор Васильевич Каржавин, друг двух таких замечательных людей, как писатель А. Н. Радищев и зодчий В. И. Баженов.

Федор Каржавин — просветитель-радищевец был последовательным атеистом. Его принципом стала «критика всех вер, поверий, законов, святосупочитаний, болванопоклонений и лжесвятых, известных на востоке, на западе, на севере и на юге нашего земноводного шара. Здесь папа и Лютер, Кальвин и Магомет, бонза и поп, пастор и талапуан, раввин

и имам, — все стоят на одной доске, все взвешиваются на одних весах»¹³.

Будучи при этом крупнейшим теоретиком архитектуры XVIII века, Каржавин прямо писал в своем трактате — «Словаре архитектурном» — о пользе для общества маяков, наподобие тех, которые он видел во Франции накануне революции 1789 года, и — в противоположность им — о вреде для общества строительства культовых сооружений: «Колокольня; башня при церкви для колоколов; звонница... обыкновенные вводят их в употребление, а пользы в них никакой нет, вред же от них видимой; лишнюю тягость делают на сводах, нечувствительно стены распирают, часто гром или электрической небесной огонь металловыми своими главами, или наконецниками (т. е. крестами.— Авт.) на себя привлекают, от чего пожар, или кому-нибудь смерть причиняют»¹⁴.

Каржавин отнюдь не отрицал, а высокопрофессионально оценивал гармоничность композиции некоторых колоколен своего времени (например, той же Меншиковой башни в Москве), но он при этом не оставлял без внимания и характер их социально-идейного предназначения. Так что аналитический подход к культовой архитектуре — давняя добрая традиция.

Коммунистическая партия и Советское правительство с самого начала проводили линию на разграничение отношения к религиозной идеологии и к художественным памятникам прошлого, связанным с культовыми сюжетами или функциями. Ныне же появились возможности объективной оценки архитектурно-исторической значимости древних храмов, пересмысления их социальной и художественной ценности, а стало быть, и нового взгляда на их сохранение, реставрацию, использование в интересах общества.

Окончание следует.

¹⁰ По его проектам построены Московский в Ленинграде и Ленинградский в Москве вокзалы, Большой Кремлевский дворец и др. См. о нем: Т. Славина. Константин Тон. Л., 1982.

¹¹ В основе идеи проекта лежало планировочное решение средневекового западноевропейского паломнического храма, в котором вокруг центрального зала, где происходило богослужение, располагались галереи, по ним, как бы обтекая центральный зал, двигался поток паломников, осматривающих реликвии.

¹² Т. Славина. Константин Тон. Л., 1982, с. 82.

¹³ См.: В. Рабинович. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966.

¹⁴ Ф. В. Каржавин. Словарь архитектурный. М., 1789 и 1791 гг., с. 194.

ДЕЛО

Александр
ШАМАРО

игуменья Митрофания

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

11

Окинем еще раз взглядом дело игуменья Митрофании. И жизненное, и судебное...

— Дело благотворения, помощи и любви к ближнему, — говорил прокурор Жуков, — только тогда пользуется сочувствием, когда оно построено на добровольных пожертвованиях, то есть тогда, когда благотворитель жертвует сознательно, из желания помочь своему ближнему.

Слушая эти слова, игуменья Митрофания, вполне возможно, думала: «Эх, господин прокурор, господин прокурор! Сразу выдать, что никогда не занимались вы делами благотворительности. Много ли насобираешь, ежели вот так, как вы изволите говорить, на одни лишь добровольные пожертвования уповать! Так и будешь сидеть с протянутой рукой».

Да, на одно чистое «желание помочь своему ближнему» надежды всегда было мало. Очень мало. И это призрачное желание приходилось чем-то подпирать или вообще обходиться без него, нажимая на иные рычаги человеческой психики. Нажимая скрытно, без огласки. Ну а что касается «христианского сострадания» — пусть оно останется в качестве личности.

И действительно, под личиной «христианского человеколюбия» могли выступать какие угодно стремления и побуждения, какие угодно страсти и страстишки. Ни о каком бескорыстии не могло быть и речи, и отношения складывались по формуле: «Я — Христу (через «христову невесту»), а тот — мне». За ней стояло многое. И стремление вновь завладеть собственными капиталами, доступ к которым был загорожен по решению властей (Медынцева). И страх перед судом, всеобщим позором и тюрьмой (Солодовников). И тщеславие, мечта украсить грудь орденом (Лебедев... да и тот же Солодовников, получивший, вернее

будет сказать, купивший ранее орден Станислава 2-й степени за 5 тысяч рублей, «пожертвованных» в пользу общины сестер милосердия; как выразился один из адвокатов, «у игуменьи Митрофании устроена настоящая лавочка для продажи медалей и орденов»).

Кстати, подобная торговля в 1871 году была даже узаконена царским правительством, официально разрешившим представлять к орденам наиболее крупных жертвователей. Такое узаконение вызвало недовольство даже среди самых благонамеренных и верноподанных, и некоторое время спустя открытую продажу орденов пришлось отменить. Однако обмен орденов на «христианское человеколюбие» не был прекращен, просто его стали осуществлять скрытно.

Ну а когда становилось ясно, что и эти рычаги не действуют, не оставалось ничего другого, кроме принуждения и даже ограбления.

— Да разве можно обирать своего ближнего, чтобы на чужой счет оказать благотворение другому? — патетически вопрошал прокурор.

Что и говорить — некрасиво получалось! Но — что поделаешь, когда иными путями из великого множества православных христиан мало что вытрясешь?

С одной стороны, почти никто не горел благочестивым желанием пожертвовать собственные денежки «просто так», то есть «Христа ради». С другой — даже такая, казалось бы, образцовая христианка, как матушка Митрофания, считала совершенно естественным идти на любые хитрости, на любой обман, вплоть до прямых афер.

Здесь, наверное, нужно будет сделать небольшое отступление и коснуться примечательного явления, память о котором запечатлена даже на плане современной Москвы (а с недавнего времени — и на схеме столличного метрополитена).

В самом центре гигантского города нетрудно отыскать короткий Третьяковский проезд, соединяющий проспект Маркса с улицей 25 Октября.

Против Павелецкого железнодорожного вокзала на Садовое кольцо выходит улица Бахрушина. В районе Сокольников найдем две Боевских улицы — 1-ю и 2-ю. Подземные поезда, мчась в обоих направлениях по тоннелям Калужско-Рижского диаметра, делают остановку у платформ станции «Третьяковская».

Названия эти — дань признательности, уважения к целому кругу общественных деятелей последних дореволюционных десятилетий из среды российских купцов и промышленников — людей, ум, проникаемость, образованность, патриотизм которых побудили добровольно отдать значительную часть капиталов на создание художественных и иных музеев, больниц, приютов, школ и т. п.

Дела и заслуги братьев Третьяковых — Павла Михайловича и Сергея Михайловича — в пояснениях не нуждаются. Памятью о деятельности семейства Бахрушиных стал не только первый в России театральный музей, которому, по предложению В. И. Ленина, было присвоено имя его создателя — Алексея Александровича Бахрушина, но и бывшая «Бахрушинская больница» (ныне — городская клиническая больница № 33). Боевские улицы получили название в конце прошлого века по Дому призрения имени братьев Боевых (ныне — 1-я клиническая больница на Стромкинке). Мы не забываем о том, что знаменитая Боткинская больница за семь лет до революции была построена на пожертвования Козьмы Терентьевича Солдатенкова.

Не будем вдаваться сейчас в исследование побудительных причин подобных поступков; это сложный и деликатный вопрос. Нам интересно другое. Миллионные пожертвования сделаны городу, а не церкви. Все эти капиталы, домовладения (я уж не говорю о бесценных художественных коллекциях) были переданы Московскому городскому управлению, а не Московской духовной консистории.

Может быть, жертвователи, меценаты были людьми, отошедшими от православия, порвавшими с церковью? Нет. В больницах или приютах, создаваемых на их средства, непременно строили и домовые церкви, посвященные их «ангелам». Но монастырям — ни рубля. Даже в тех случаях, когда пожертвования были предназначены и завещаны учреждениям и заведениям, которым, как говорится, сам бог велел состоять при монастырях: богадельни, сиротские приюты и т. п.

Кто знает? Возможно, скандальная история игуменьи Митрофании и сделала общественному мнению стойкую прививку антипатии, недоверия к казенной церкви. Последствие закономерное, справедливое, хотя, конечно,

крайне огорчительное для «ведомства православного исповедания», стремившегося монополизировать «благотворительную деятельность» во всей Российской империи.

Встает новый вопрос: почему православная церковь в дореволюционную эпоху так преклась о «делах благотворительности», так поощряла проявления «христианского человеколюбия», «христианского сострадания»?

Да потому, чтобы надежнее, вернее оберегать тогдашнее общественно-государственное устройство, отводить от него опасность социальных взрывов и потрясений, оберегать богатства и привилегии, которыми и она, церковь, пользовалась. В этом и заключалось предназначение церкви в классовом обществе, и не только православной, конечно. Служа самодержавному государству, классовому строю, церковь постоянно и неустанно снижала давление в гигантском котле народного недовольства, народного возмущения общественным устройством.

Главным средством такого служения были религиозная проповедь, религиозное воспитание миллионов масс всеми находящимися в церковном арсенале способами — от литургии до грошовых книжечек, распространяемых в монастырях среди паломников и богомольцев. Освящать общественное устройство ссылками на всевышнего, успокаивать, умиротворять, психологически размагничивать «трудящихся и обремененных», обездоленных и бедствующих... Прекрасное представление о подобных внушениях и увещаниях может дать одна из проповедей московского митрополита Макария под красноречивым заглавием «Нет нигде равенства». Владыка произнес ее четыремя десятилетиями позже тех событий, которым посвящена эта повесть, — весной 1914 года. Но то же самое проповедовала христианская церковь и за сорок, и за пятьдесят, и за сто, и за пятьсот, и за тысячу лет до этого.

«Бог дал богатому богатство, чтобы он милостыней приобретал себе небесное наследие. Бедному дал бедность, чтобы он трудом и терпением достигал нравственного совершенства и богател в бога (даже мне, четверть века изучающему церковную литературу, не ясно, что значит «богатеть в бога». — А. Ш.). Наша же народная мудрость составила такое прекрасное изречение: бог дал богатому груды золота, а нищему дал имя Христово, которым он питается и бывает сыт. Аминь».

Оставим на совести преосвященнейшего «народную мудрость»: подобных сентенций в сокровищнице русских пословиц днем с огнем не сыщешь. Присмотримся лучше к самому проповеднику. Если иметь в виду, что годовой доход его составлял

81 тысячу рублей, что ежедневное «вознаграждение» владыки за его труды почти во сто раз превышало дневной заработок самого квалифицированного кузнеца, то в искренности его ораторского пыла нет никаких оснований сомневаться.

Но одной проповеди недостаточно. Внушая и укрепляя христианский взгляд на человеческий мир и человеческую судьбу, выдавая белое за черное и, наоборот, черное за белое, необходимо делать какие-то реальные дела. Как ни внушай обездоленному и нищему, недужному и убогому, что ему — по воле божьей — сильно повезло, в отличие от богатых, благоустроенных, на которых (все по той же неисповедимой воле господней) легло тем самым тяжкое испытание, — все равно в минуты отчаяния и ужаса перед лицом судьбы чувство ненависти к ее любимчикам может вырваться наружу и уничтожить плоды христианского учения. Необходимо стравливать раскаленный пар из котла, приоткрывать клапан делами благотворительности.

Неважно, что в приюты и богадельни попадут одна сирота и одна старуха из тысячи сирот и тысячи старух, прозябающих в нищете, без крова и куска хлеба. Важно пошуметь об этом погромче — и желаемый общественно-психологический эффект будет достигнут. Отдать пятак или хотя бы грош, дабы не потерять рубль.

Видимо, это хорошо понимала игуменья Митрофания и не покладая рук трудилась ради жизненных интересов господствующих, привилегированных классов тогдашней России (а также ради собственного честолюбия, собственного властолюбия), не смущаясь при этом соображениями законности и нравственности.

12

Две недели заседал суд. Две недели прокурор и товарищ прокурора, присяжные поверенные и защитники состязались в красноречии перед судьями и, главным образом, перед двенадцатью присяжными заседателями. Были выслушаны показания более двухсот свидетелей.

Наконец председатель суда вручил старшине присяжных так называемый «вопросный лист», содержащий 270 (!) вопросов о том, обоснованно или необоснованно то или иное конкретное обвинение, есть вина или нет вины игуменьи или кого-то из ее сообщников в тех или иных конкретных деяниях и поступках.

Совещание присяжных заседателей затянулось далеко за полночь, и лишь в половине второго ночи был оглашен их вердикт.

Вердикт оказался милостив к сообщникам игуменьи, названным неви-

новными, и весьма суров к матушке Митрофании, признанной виновной почти по всем пунктам «вопросного листа», но, тем не менее, «заслуживающей снисхождения».

— Духовная власть, — сказал на одном из последних заседаний суда доктор права Лохвицкий, защищавший интересы купца Лебедева, — имеет свою независимую область, у нее ключи от рая и ада. Но в общих преступлениях духовные лица подчиняются светскому суду, земной каре.

И кара эта, надо сказать, поначалу выглядела достаточно грозной, без всякого, казалось бы, снисхождения, о котором просили присяжные заседатели.

«Игуменью Серпуховского Владычного монастыря Митрофанию... лишив всех лично и по состоянию ей присвоенных прав и преимуществ, сослать в Енисейскую губернию с заперещением выезда в течение 3 лет из места ссылки и в течение 11 лет в другие губернии».

Митрофания встретила приговор с «истинно христианским смирением» и стала готовиться к дальней дороге. Печаловаться и тревожиться у нее не было никаких оснований. В конце концов случилось то, что в этой ситуации просто не могло не случиться: ее государственный строй, ее класс, ее церковь в обиду Митрофанию не дали.

Во вступительной статье к стенографическому отчету об этом судебном процессе проскользнула фраза, оказавшаяся пророческой: «Предстоит в будущем, может быть, ей недостаточное содержание, хотя это и сомнительно...».

Ни в какую Сибирь матушка Митрофания, в миру баронесса Розен, разумеется, не поехала. Покровители определили бывшей фрейлине государыни-императрицы «ссылку» почти курортную. Со всеми удобствами, в каюте первого класса ее отправили на одном из самых комфортабельных по тем временам пароходов по Волге, до Царицына (ныне Волгоград), а оттуда — в Ставрополь, в тамошний Иоанно-Маринский женский монастырь. Но и в благодатном Прикавказье матушка долго не задержалась и вскоре переехала в Ладинский женский монастырь на не менее благодатной Полтавщине, а оттуда — в Дальне-Давыдовскую обитель Нижегородской губернии, в Усманский монастырь на Тамбовщине. Совершила она и паломничество на «святую землю» — в Иерусалим.

13

Широко разошлись круги по воде! Отзвуки судебного процесса над игуменьяй Митрофанией встречаем мы на страницах творений Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В некрасовских «Современниках» — поэме, написанной год спустя после суда над Митрофанией, рассказчик слышит возбужденные голоса из соседнего ресторанный зала — голоса людей благонамеренных, возмущенных «гонениями» и «оскорблениями», которые ни за что ни про что претерпела матушка Митрофания. Вся ее «вина», по их мнению, заключалась лишь в ее благородном происхождении, в ее высоком положении как в мире светском, так и в мире церковном, наконец, в ее монашеской рясе.

...Суды!.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званию...
Как!! под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанию!..

Стрелы щедринской сатиры направлены были в адвокатское витийство. Одна из страниц книги «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877) доносит до нас такие разговоры:

«...А ведь они, адвокаты-то, нынче за деньги какие хочешь предствления дают. Читал, чай, процесс игуменьи Митрофании?»

— Читал-таки.

— Да, удивительное это дело, мой друг. Вот нас, чиновников, упрекают, что мы, по приказанию начальства, можем в исступление приходиться... Нет, вот ты тут подивись! Чиновнику-то начальство приказывает — так ведь оно, мой друг, и ушибить может, коли приказания не исполнишь!.. А тут баба приказывает! — баба! А как вцепился из-за нее — кажется, железом зубов-то ему не разжать...»

Но, бесспорно, истинным памятником всей этой эпопее на веки вечные стала комедия, о которой шла речь в начале повести: «Волки и овцы» А. Н. Островского... Теперь-то вы можете судить и о ее жизненных

истоках, и о прообразе главной героини не хуже тех, кто был на премьере. Да, действительно сходство просматривается во всем — и в «формуле мошенничества», и в ханжеском облике «волчицы» — Мурзавецкой, и в ее мнимом, напускном бессребреничестве (мне-де самой никаких денег не надо, все — лишь для нужд христианского милосердия), и в некоторых деталях (и Митрофания, и Мурзавецкая радели о «несчастных сиротах»).

Литературная критика того времени намекала на то, что только из-за опасений подвести свое детище под цензорский топор драматург вынужден был, так сказать, снять рясу с главной героини и облачить ее в платье губернского-великосветской дамы, превратить игуменью в помещицу... Помещицу Меропию Мурзавецкую.

А нет ли в ее имени авторского намека на прототип? При всей необычности, имя это взято из православных святцев, правда, с небольшим отклонением в написании. Церковь и по сей день отмечает 2 декабря (старого стиля) память раннехристианской мученицы Миропии (в переводе с греческого «делающей мир»). Из великого множества женских имен драматург выбрал то, которое указывает на принадлежность к касте служителей церкви.

Нельзя не напомнить — в этой связи — об одном любопытном факте из сравнительно недавней летописи театральной жизни Москвы. Малый театр, в стенах которого, как вы уже знаете, «Волки и овцы» впервые (почти одновременно с премьерой в петербургском Александринском театре) увидели свет рампы, уже после революции, в середине 30-х годов предпринял смелую и в высшей степени примечательную попытку ос-

вободить эту комедию от маскировки, к которой вынужден был в свое время прибегнуть ее создатель. Театр перенес действие пьесы в церковно-монастырскую среду, в стены иноческой обители, превратив помещицу Меропию Мурзавецкую в игуменью Меропию.

Сценический эксперимент, естественно, привлек внимание московских газет и журналов, в их числе — нашего предшественника и собрата, журнала «Безбожник», посвятившего новой постановке в Малом специальную статью в сентябрьском номере за 1935 год.

При всей логичности, закономерности такой постановки, она, конечно, не могла рассчитывать на успех уже по той причине, что для такого спектакля нужна была новая пьеса — пьеса из монастырской жизни дореволюционных лет.

«Театр не мог за Островского переделывать текст пьесы, — отмечал корреспондент «Безбожника», — поэтому вынужден был перенести в обстановку монастыря салонные разговоры, предназначенные для гостиной помещицы Мурзавецкой. В результате игуменья Меропия и находящаяся при ней послушница выглядят заговорщицами-аристократками, переодетыми в монашескую одежду».

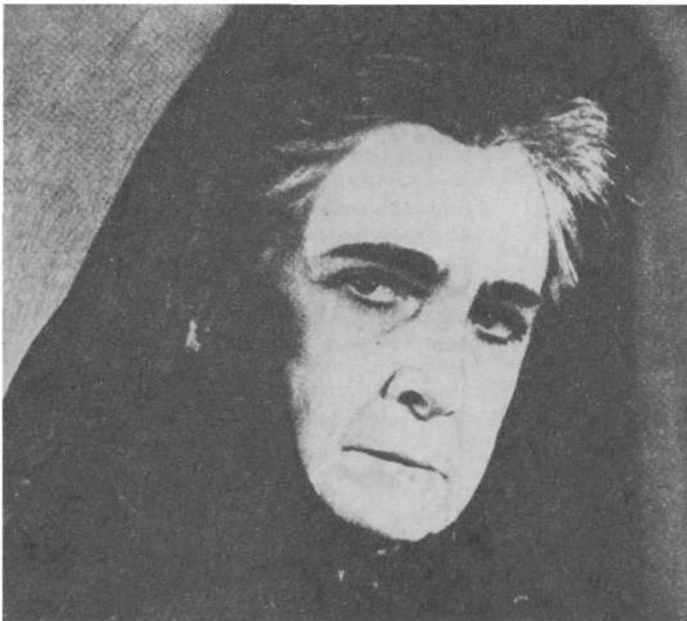
Любопытно, что и время действия комедии Островского совпадает со временем событий, нашедших в ней отражение, — серединой 70-х годов прошлого века. В последнем акте Мурзавецкая возражает Купавиной. В ответ на ее реплику: «Наше женское счастье неразлучно с неволей», она разражается тирадой: «Не клеветчи, матушка, на женщин! Всякие бывают; есть и такие, что не только своим хозяйством, а хоть и губернией править сумеют, хоть в Хиву воевать посылай».

Поход русских войск в Хивинское ханство был предпринят в 1873 году. Замысел пьесы зародился, возможно, уже в октябре 1874 года, в дни суда над Митрофанией (А. Н. Островский, несомненно, следил за ним самым пристальным образом) или, самое позднее, вскоре после завершения процесса. И только болезнь не позволила драматургу засесть за «Волков и овец» раньше весны следующего, 1875 года.

Исследователи истории комедии усматривают даже связь между ее заглавием и репликой адвоката Плевако, назвавшего игуменью волком в овечьей шкуре.

Комедия была написана быстро. «Отечественные записки» ее публикацией как бы отметили первую годовщину вынесения приговора Митрофании и таким образом прибавили к приговору судебному приговор еще более суровый, не подлежащий ни обжалованию, ни смягчению. Приговор, вынесенный Русским Искусством.

● Мурзавецкая —
Е. Н. Гоголева.

Революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, М. А. Антонович, А. П. Щапов и другие смотрели на раскол как на выражение народного мировоззрения, считали, что в основе его лежали реальные социальные и политические потребности народа. М. Е. Салтыков-Щедрин назвал раскол «замечательным явлением русской жизни».

Однако с XVII века и до настоящего времени православные богословы пытаются представить раскол как чисто религиозное движение. Варьируется и перекочевывает из книги в книгу мнение,

светской литературы, тяга к практическим и конкретным знаниям, укрепление и расширение культурных контактов с европейскими странами. Однако в целом духовная культура XVII века остается теснейшим образом связанной со средневековой традицией. Религиозные убеждения переплелись «со всей совокупностью существующих представлений»³. Православие на протяжении многих веков приспособилось к уровню «пасомых», накладывалось на мощный пласт языческих пережитков.

Средневековая церковь взяла на себя функции охраны феодальных порядков, и поэтому, естественно, учение ее вступало в противоречие с идеями раннего христианства, выражавшими интересы угнетенных и отверженных. Эти идеи, как известно, брались на вооружение еретическими и реформационными движениями в Европе. Сыграли они определенную роль и в зарождении народного движения в России, оппозиционного церкви и самодержавному государству.

появилось новое определение — старообрядцы. Это понятие обозначало иной этап противоцерковного движения. В раннем расколе старообрядческим (или староверческим) можно назвать направление, которое представляли протопоп Аввакум и его единомышленники (сами себя они называли старолюбцами). К концу XVII века старообрядцами стали называть всех участников движения.

Традиционно начало движения связывалось с двумя церковно-политическими событиями — обрядовой реформой патриарха Никона 1653—1658 годов и церковным собором 1666—1667 годов: Такая датировка отражала точку зрения, согласно которой раскол целиком вырос из внутрицерковных споров, а под воздействием правительственных мероприятий, в частности соборного осуждения раскольников, превратился в движение масс. Однако серьезное изучение темы с привлечением новых источников позволяет сделать иной вывод. Движение, о котором идет речь, задолго до этих

У ИСТОКОВ «МУЖИЦКОЙ ВЕРЫ»

будто его причиной явилась борьба за «единый аз», то есть букву обряда, и никакого жизненного содержания в нем никогда не было. Что касается дореволюционных буржуазных историков, то многие из них видели в религиозных спорах XVII века психологическую реакцию масс на культурное сближение России с Западной Европой, толковали их как проявление ограниченности и невежества народа с отсталым религиозным сознанием. Современные буржуазные ученые (в последние 15—20 лет за рубежом вышло довольно много статей и несколько монографий на эту тему) также освещают события раскола односторонне и тенденциозно.

Когда и как возник раскол, какие идеи и учения пользовались в нем наибольшей популярностью, как соотносились они с социальными чаяниями крестьян и посадских людей? Все это можно понять при одном непременном условии — обстоятельном знании эпохи, ее религиозно-этических традиций и представлений.

XVII веком завершается русское средневековье. Примерно с этого времени, по определению В. И. Ленина¹, начинается новый период истории. Самодержавное государство укрепило в военном, финансовом и правовом отношениях, окончательно оформилось крепостное право. С помощью Соборного уложения и возросшего аппарата власти усилился нажим на низшие классы, особенно крестьянство, которое превратилось в бесправное сословие. Церковь, крупнейший феодальный собственник и господствующий идеологический институт, как и прежде, выступает «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции»² существующего строя, освящая своим авторитетом все действия правительства крепостников.

В этот период возникают новые явления духовной жизни — заметно развитие

Огромные земельные богатства (треть пашенных земель) русской православной церкви вызвали зависть дворян и бояр, а привольная жизнь духовенства пробуждала гнев народа. Невозможно было не видеть кричащее противоречие между образом жизни церковных феодалов и раннехристианскими заповедями. Расстановка классовых сил в России в середине XVII века некоторыми своими чертами напоминала ситуацию в Германии накануне Крестьянской войны XVI века.

Официальная церковь уже не могла как прежде средневековыми методами держать народ в идеологическом повиновении. И тогда царское правительство решает взять учение церкви, ее организацию, высшую церковную иерархию под защиту светского закона. Соборное уложение 1649 года открывается главой «О богохульниках и о церковных мятежниках». В ней определены наказания за так называемые «преступные деяния» против церкви. Самым опасным было богохульство: кто «возложит хулу на... бога и Спас... или на... богородицу... или на честный крест, или на святых его угодников... того богохульника обличив, казнити, жечь».

В движении против господствующей церкви и самодержавного государства участвовали крестьяне и посадские люди, часть низшего духовенства, на раннем этапе к нему примыкали некоторые провинциальные дворяне, купцы. Староверческими лозунгами пользовались отдельные бояре в борьбе за власть и влияние на массы. Участники движения идеологи православия и светской власти называли раскольниками. В официальных документах той эпохи встречаются и другие поносительные наименования: богохульники, мятежники, развратники, неученые простецы и воры (так называли участников крестьянской войны). Позже

событий стихийно нарастало снизу и оформлялось под различными религиозными лозунгами. Церковная же реформа лишь усилила политическую целенаправленность выступлений против духовенства и боярско-дворянского правительства, объединив всех недовольных под лозунгом дониконовской веры.

Примерно с конца 40-х годов XVII века авторитет церкви в обществе падает: крестьяне и посадские люди повсеместно не посещают храмы, не ходят на исповедь, не оказывают священникам должного уважения. В указанной грамоте, посланной из Москвы в 1650 году владимирскому воеводе И. Г. Плещееву, говорится: «Как в Володимире... многие всяких чинов люди, не имущие в себе страха божия, святым тайнам чести не воздают — пешие не розступаютца, а конные и в санях и в телегах в стороны не уступают же...».

Правительственные меры, направленные к тому, чтобы поднять авторитет церкви, встретили решительный отпор. Так, например, в Новгороде в 1650 году восстание было направлено не только против воевод, но и митрополита Никона. Руководители восставших Иван Жеглов с товарищами жаловались в своей челобитной царю, будто Никон замышляет «соборную церковь Софею премудрость божию рушить и столпы ломать».

19 марта восставшие ударили в набат (как это было при вечевых порядках), и толпа двинулась на митрополичий двор. В письме к царю Алексею Михайловичу Никон так описывал событие: «И ко мне на сени почали ломитца... И я, богомолец ваш, вышел к ним и почал разговаривать. И оне

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 361.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 313.

меня ухватили со всяким безчинием, и в те поры меня бранили всякою неподобною бранью и ослопом в грудь торчком ударили и грудь розшибли...»

Никон изображает себя мучеником. На самом деле возрастает его не тронули, а лишь отвечали бранью на его проклятия

Выступления против духовенства и церковной политики правительства происходили в 1652 году в Костроме. Официальные благочестие здесь насаждали протопоп Успенского собора Даниил, игумен Богоявленского монастыря Герасим и их единомышленники. Изгнанный из города восставшими горожанами и пригородными крестьянами Даниил доносил царю, что прихожане, недовольные единогласием⁴, из-за которого удлинялась и без того долгая церковная служба, стоят на церковных порогах с ножами в руках и грозят зарезать своих духовных отцов. А около соборной церкви в это время пляшут скomorохи.

Выступления против высшего духовенства имели место и в Москве во время июньских волнений 1648 года, летом — осенью 1654 года во время эпидемии чумы посадские люди выступили против главы церкви — патриарха Никона.

Именно в это время у простого люда возрастает интерес к этической стороне православия. Послушать проповеди попа Аввакума в маленькое сельцо Лопатицы Нижегородского уезда приходят крестьяне из многих соседних сел. Поучения протопопа Ивана Неронова в Казанском соборе на Красной площади Москвы собирают так много народу, что не все желающие могут поместиться в храме; ревностный проповедник пишет поучения на внешних стенах храма. Впоследствии так же поступали и другие старообрядческие учителя и наставники.

Народ невольно сопоставлял этическое учение церкви с реальной жизнью. Представители разных классов приходили к неоднозначным выводам и наблюдениям, в соответствии с этим создавались различные учения, толки и направления. Однако главным и общим для всех была критика церковного феодализма как «царства антихриста» и религиозное вольномыслие; многих захватила утопическая мечта о переустройстве общества, исходным моментом для которой служили хилиастические мечтания ранних христиан о тысячелетнем царстве божьем.

В 1665—1666 годах стрелецкий голова, посланный во Владимирский уезд для сыска раскольников, доносил царю: поймавшие лжепустынники «святых икон не целуют»; отвергая священство, они заявляют: «На что-де нам попы?» Учителя и наставники из народа толковали евангельские тексты, апокрифические сказания не традиционно. В 1665 году, например, стрельцы изыали у вязниковских пустынноиков (большинство их — из беглых крестьян) сочинение Нила Сорского, осуждавшего еще в конце XV века земельные владения церкви, симонию⁵, образ жизни церковных иерархов.

В раскольнических учениях отчетливо выразился классовый протест и социальные чаяния опутанных религиозными представлениями простых людей. Все их надежды были связаны с верой в близкий приход Христа-спасителя, который сурово накажет угнетателей. Здесь тесно переплелись эсхатологические представления и хилиастические мечты. Источником эсхатологических представлений служили со-

чинения раннехристианских авторов, особенно Апокалипсис, апокрифические сказания; популярностью в средневековой России пользовались «Слово Псевдо-Ипполита», «Слово Паллады мниха» и другие сочинения.

Хилиазм был присущ почти всем еретическим и реформационным движениям средневековья. Именно таким образом в религиозной форме выражались социальные чаяния народа о переустройстве классового общества. Ф. Энгельс указывал на роль хилиазма и эсхатологии в Крестьянской войне в Германии: «Тысячелетнее царство, страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром... казались Мюнцеру с началом Реформации и характерного для того времени всеобщего возбуждения уже близкими»⁶. Это высказывание можно отнести и к противочерковному движению России второй половины XVII века.

С помощью эсхатологических идей и образов раскольники выражали критическое отношение к политическим и церковным порядкам в стране. Царя, патриарха, высшее духовенство и светские власти они отождествляли с антихристом и его слугами. Распространялись подметные письма, сатирические листы, на которых у царя, царицы, патриарха были демонские лики. Нередко движение раскольников приобретало формы активного протеста — например Соловецкое восстание.

Среди участников восстания под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье, по-видимому, немало было раскольников, в их числе «старица-вореретик» Алена, возглавлявшая отряд повстанцев. Протопоп Аввакум не случайно жертв кровавой расправы правительственных войск считал своими единомышленниками: «А по Волге-той живущих во градах и в селах и в деревеньках... тысячию положено под меч нехотящих принять печати антихристовых».

В Коломне активным противочерковным проповедником выступил поп Игнатий. В доносе коломенского духовенства говорится, что он привлек на свою сторону много народу из посадских и служилых людей. По учению Игнатия, антихристово царство уже наступило, и вскоре грянет страшный суд. Свое сочинение о «кончине века» он распространял в людных местах. Так, на городском торгу в овощном ряду его единомышленники подкладывали это сочинение на полки.

В Костромском и Нижегородском уездах действовали последователи крестьянского проповедника Капитона⁷. Они отвергали посредничество духовенства в духовных делах, не признавали церковные таинства и некоторые православные обряды. В Костроме в это же время жил и проповедовал среди посадских низов и окрестных крестьян Феодулка Иванов, по прозвищу Каменщик. В Патриарший приказ на него поступил грозный донос: «Учит-де многих простых людей не принимать святые тайны, но за простыя хлеб и вино. И о себе глаголет, что он-де имеет в себе живуща духа святаго и от него-де он глаголет и учит и ест де на него многие свидетели священники и иные. И попов он зовет безчестно». Феодулку в оковах доставили в Москву, где он был посажен за решетку. Известна его челобитная царю Алексею Михайловичу: «Сижу четвертую неделю, помираю голодною смертию, поить и кормить меня некому. Роду и племени у меня на Москве нет». Опасному преступнику не разрешали кор-

миться подающим, а средств на содержание заключенных царское правительство тогда не отпускало. По распоряжению крутицкого митрополита Павла Феодулку отослали в Ипатьевский монастырь, в Кострому, где было приказано держать его «в черной работе... велеть над ним смотреть, чтоб людей не учил и расколу не чинил».

По преданиям, собранным писателем П. И. Мельниковым-Печерским, около Костромы, в деревне Старой, во второй половине XVII века жил ученик Капитона беглый крестьянин Юрьевского уезда Данила Филиппов, объявивший себя Саваофом. Свое учение он распространял устно, как это делали все проповедники из крестьян и посадских низов. Считая старые и новые книги «непригодными для спасения», он бросил их в Волгу⁸. Это направление — одно из самых радикальных в антицерковном движении. Его приверженцы — посадские низы и крестьяне — выступили против догматического учения церкви, ее таинств и священства.

В 1644 году в Москве была издана Кириллова книга. Первая глава представляла собой перевод с белорусского языка сочинения Стефана Зизания, который боролся на Украине и в Белоруссии с польско-католической экспансией. Христианское учение он истолковывал в еретическом реформационном смысле, давая нетрадиционную оценку социальной действительности, церковной иерархии, текущим политическим и церковным событиям. Зизаний утверждал, что второе пришествие Христа совсем близко; царство антихриста, начавшееся в Риме, распространялось на Восток, о чем свидетельствует униженное положение православного люда под властью польских панов, поведение епископата, склонявшегося к унии с католической церковью. Христос в свой приход «силою и духом уст своих» убьет «антихриста и слуг его живых пророков», тем самым избавит всех «приобихенных от всякого страха и ужаса», «Скончание века сего» будет началом новой жизни на Земле «вкупе со Христом», а не концом земной жизни, как учит церковь. Свои рассуждения о будущем писатель заканчивал оптимистично: «Новых небес и новая Земля по обещаю чьем, в них же правда живет». Кириллова книга у раскольников стала «новым Евангелием». Много раз ее тексты переписывались, затем издавались в XVIII и XIX веках в старообрядческих типографиях.

В учениях ранних раскольников содержалась не только критика церкви, здесь выражался протест против несправедливого и жестокого общественного устройства, воплощались иллюзорно-фантастические утопические мечты о переустройстве общества на основах вечности и справедливости.

⁴ Духовенство XVII в. придерживалось многогласия при богослужении: священник, дьякон и хор исполняли одновременно каждый свое. С 1651 г. церковный собор предписал исполнять службу в церквях единогласно, то есть по очереди петь, читать и т. д.

⁵ Симония — распространенная в средние века в Европе и на Руси покупка и продажа церковных должностей.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 369.

⁷ См. «Капитон и капитоны». «Наука и религия», 1980, № 5.

⁸ П. И. Мельников-Печерский. Полн. собр. соч., т. 14. СПб.-М., 1898, ч. 2, с. 310.

СЧАСТЬЕ ЕВЛАМПИЯ ПАЗДЕРИНА

А. ЕМЕЛЬЯНОВ

Множество встреч с замечательными людьми подарила мне жизнь. И все же знакомство и дружба с Евлампием Дмитриевичем Паздериним занимает, пожалуй, первое место. А вот почему это так, однозначного ответа я не нашел. И потому, что он, человек такой трудной и сложной судьбы, всегда считал себя счастливым. И потому, что он, сирота, выросший в замкнутом и суровом окружении старообрядцев, с детства скованный их религиозными установлениями и жесткими правилами, не только не потерял светлую веру в жизнь, но и нашел в себе силы разорвать цепи догматических предписаний, а потом стать коммунистом, вместе со всеми строить новую, социалистическую жизнь в одном из «медвежьих углов» Сибири.

Кем только не работал за долгую свою — почти 80 лет — жизнь Евлампий Дмитриевич: директором промкомбината, налоговым агентом, проводником топографической экспедиции. С 1948 года был он председателем и заместителем председателя колхоза, секретарем партийной организации, бригадиром полевых и строителей и в каждое дело, большое и малое, вкладывал добросовестность, хозяйскую рачительность, которые в условиях общественного труда приносят особенно обильные плоды. А его он, Евлампий Паздерин, воспринял как кровное — ведь слишком дорогую цену заплатили люди за новую жизнь, чтобы быть плохими ее хозяевами. Дороги к новой жизни тогда, в 20-е годы, были тем более трудными, что вели еще и через преодоление необычайно устойчивых законов старообрядчества. Евлампий Дмитриевич знал об

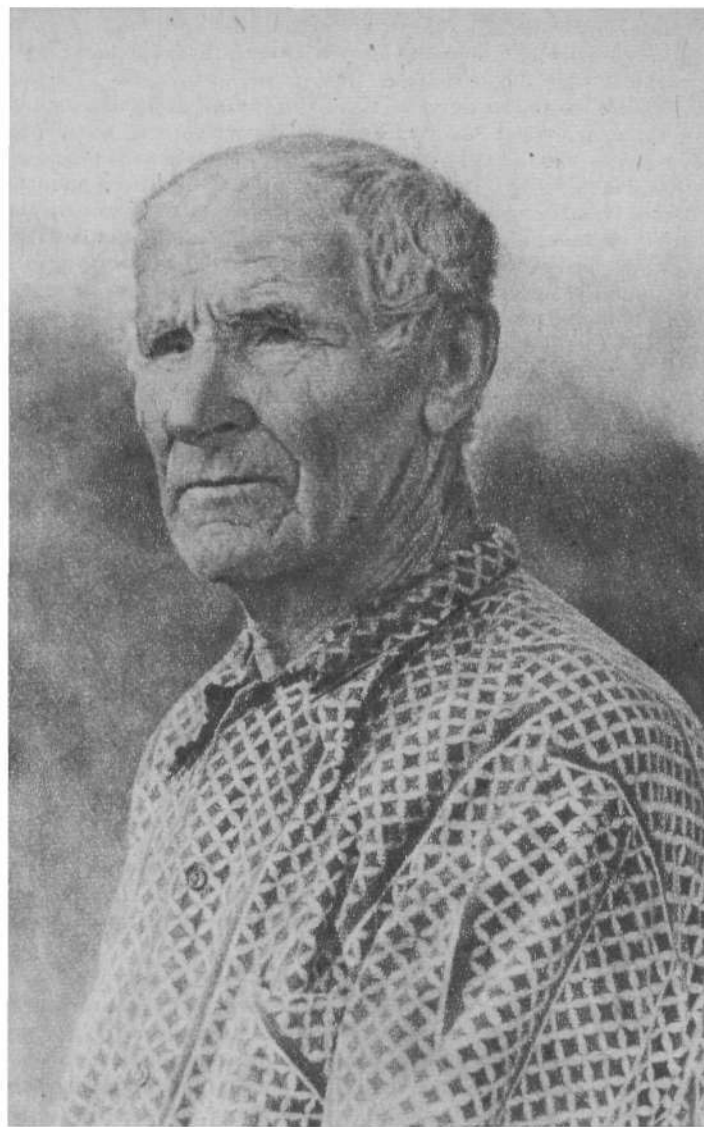

Фото В. Кривдика.

этом не понаслышке: он был свидетелем и участником многих событий. Однако жизнь с ранней юности сталкивала Паздерина с такими людьми и обстоятельствами; осмысление и трезвая оценка которых на протяжении многих лет не могли не привести его в конце концов к сознательному атеизму, хотя и шло это неровно, горько, трудно.

О многом Евлампий Дмитриевич рассказывал мне при встречах, писал в своих воспоминаниях, особенно ценных тем, что они знакомили с малоизвестными сторонами жизни и быта староверов.

Вот рассказ о том, как 15-летний Евлампий уезжал из родного дома в Туву, прощался с мачехой:

«Ранним утром морозец щипал щеки, лошади переминались с ноги на ногу, люди хлопотали вокруг возов, все было готово к отъезду. Нужно было по-староверски проститься и получить от мачехи благословение. Нужно было поклониться до земли три раза. С первым поклоном — «прости», со вторым — «благослови», с третьим — «помолись за меня богу». Мачеха мне ответила: «Я тебя благословляю и желаю тебе всю жизнь трястись, как на осине лист трясется». У старообрядцев было принято считать: как мать благословение скажет, так и будет проходить вся жизнь. Однако этот предрассудок был опровергнут моей жизнью: мачеха мне сулила несчастную жизнь, я прожил счастливо».

Большим жизнелюбием и оптимизмом обладал этот человек, уверенно причисливший себя к людям счастливым.

Евлампий Дмитриевич свое детство, да и всю жизнь

оценивал с позиций добра, справедливости, правды. Как эти понятия возникли у него в самом раннем детстве — сказать трудно. Можно предположить, что сильное влияние имели на него мать и отец, люди добрые, честные и справедливые. Рано потеряв их, он остался на попечении бабушки, которая с детства настойчиво старалась приобщить его к религии. Она умело воспользовалась несчастным случаем с внуком: баловались ребята с оружием и поранили ему глаз. Больница была за 80 километров, на три волости одна, добираться до нее непросто, да бабушка и не разрешила ехать. Говорила: «Если помрешь в больнице, то всему нашему роду до трех колен не видать царства небесного и рая пресветлого». Она лечила его по-своему, заставляла поститься и молиться и все убеждала: «Вот ты богу не молился и не постился, бог тебя за это и наказал». Через четыре недели Евлампий выздоровел, но теперь он был уже не прежним мальчишкой, а верующим человеком.

Религия входила в него просто и естественно: ведь такие заповеди, как «не убий», «не укради», не только не противоречили его нравственным понятиям, но вроде бы даже совпадали с ними.

Как все юноши, Евлампий был максималистом и считал, что и он, и все верующие должны на деле неукоснительно исполнять библейские заповеди, что слово и дело для верующего едины и в основе их — высокий нравственный закон.

Однако первое же знакомство с жизнью преподнесло Евлампью суровый и горький урок, обернулось разочарованием.

...Бабушка решила, что 15-летнему внуку пора учиться какому-то серьезному делу и с богатым старообрядцем Чепкасовым отправила его в Туву, к дяде. Шел 1918 год. Зимой, в 40-градусный мороз Евлампий прошел пешком более тысячи километров от Солтонской волости Бийского уезда до верховий Малого Енисея.

«После первого дня пути, — вспоминал Евлампий Дмитриевич, — остановились ночевать у богатого алтайского купца Чинчикеева. Часов в семь вечера подъехали к воротам на двух парах лошадей пять человек в военной форме, вооруженные трехлинейными винтовками. Были это колчаковцы. Офицер приказал немедленно сдать оружие и золото. Чинчикеев сказал: «У меня нет золота и оружия». Тогда офицер три раза ударил его кулаком. Здоровый был офицер, молодой. Чинчикеев отдал ему пятнадцать фунтов золота. Начали обыск. Забрали все ценные вещи: костюмы, пальто, часы, пушнину — 15 соболей, 18 выдр, 3 росомах, 20 лисиц, 15 000 шкурок белки. При обыске нашли еще 30 фунтов золота — всего его забрали 18 килограммов. Потом сели на подводы и уехали».

Евлампий заметил, что у офицера был крест — правда, не старообрядческий, а православный. Юноша был обескуражен — ведь всякий крест обязывает соблюдать библейские заповеди. Крест и грабеж не укладывались в сознании.

На другой день ночевали на зимовье. Их пригласили отужинать, но Чепкасов отказался: хозяева не были староверами. Он устроился спать в избе, а Евлампью приказал караулить возы.

«Подошла, — рассказывает Евлампий Дмитриевич, — дочь хозяина. Одета в сермягу, ситцевое платье в клеточку, валенки, красным гарусом расшитые, полушалок. Светленькая, русоволосая. Спрашивает:

— Почему в избе не ночуешь!

Я говорю:

— Дядя заставил караулить возы.

— Он что, не отец тебе!

— Я сирота, у меня нет ни отца, ни матери.

— Иди в избу, никто вашего добра не тронет.

Но я остался на возу. Тогда она сказала Чепкасову: — Плохо делаете, не по-человечески. Сами легли спать в избе, а сироту оставили на морозе. Есть у нас считается за грех, а сироту на морозе оставить — это не

грех! Бессовестный вы человек! Чтобы сейчас же мальчик был в тепле!»

И Чепкасов увел меня в избу...»

«Чужой — добрый, а свой — нет» — снова несоответствие привычному строю религиозных догм поразило юношу.

«32 дня тянулась эта дорога. Натерпелись не только от мороза и усталости, но и от голода и жажды: Чепкасов даже воды не брал из «мирских» колодцев, а если рядом не было реки, то и спать ложились и утром уезжали не пивши. Двигались вверх по Енисею, добрались до озера с тувинским названием Ийи-Холь — Двойное».

Здесь жили родственники Евлампия — дядя Автоном Юрков, тетка Ефросинья и их семилетний сын Федос. Очень интересна церемония староверческого приветствия, которую описывает Евлампий Дмитриевич:

«Остановились мы у дверей кельи, прочитали молитву. Из-за двери послышалось: «Аминь». Вошли. Снова прочитали молитву, и после слов «простите, Христа ради» поклонились до земли. Дядя и тетка ответили: «Аминь. Бог простит», — и тоже отдали земной поклон. Мы снова прочитали две молитвы, отдали два земных поклона, сказали: «Благослови». — «Аминь, бог благословит». — «Помолитесь». — «Помолится пресвятая богородица у престола господня». Мы снова поклонились. «Здорово живете». — «Сами-то можете ли! Как бегаете!» — «Да вашими святыми молитвами, молитвами святых отцов». Приветствия кончились, начались разговоры, расспросы».

Полным несоответствием привычным нравственным заповедям, вошедшим в сознание Евлампия вместе с религией, было поведение его родственников в Туве. Он попал в семью староверов-фанатиков. Правда, крайняя набожность не помешала дяде и тетке обобрать мальчишку-подростка буквально до нитки:

«Из трехсот моих рублей Чепкасов, ни слова не говоря, взял себе 150. Тетка, заметив на мне шерстяной шарф, сказала, что шарф носить нельзя, грех, изрезала его и шила себе шаль. Я не разбирался тогда в грехах и поверил ей, что так и надо. Еще были у меня красивые катанки, вышитые узором. Тетка сказала: «Грех такие носить!» — и обменяла на муку. Оказалось, что шелковую и кашемировую рубахи носить тоже грех, и их продали. Надела на меня длинную холщовую рубаху, опоясала веревочкой. Из шубы сшила одеяло, укрываться стала сама с Федосом. Вот теперь у меня грехов не стало...»

Дали мне кожаную лестовку, с которой я не должен был разлучаться ни днем ни ночью. Дядя рассказал, что в лестовке содержится таинство: четыре лепестка означают четырех евангелистов, обшивка на лепестках — евангельские учения, семь передежек между лепестками — семь таинств церковных; три больших бобышка — святая троица, 12 бобышков — 12 апостолов, между большими бобышками 38 малых — это 38 недель Христос ходил по земле... Ознакомили меня с законом моленья, правилом. Чтобы выполнить это правило, надо отмолиться, сделать тысячу поклонов — 300 земных и 700 в пояс...»

В старости и об этом «родственном грабеже», и об изнурительных молениях Евлампий Дмитриевич вспоминал с неизменным юмором, но в те трудные годы юности он по-настоящему бедствовал.

Сначала юноша находился под сильным влиянием дяди. С детства помнил его жизнерадостным, веселым человеком. Теперь же дядя даже не улыбался: большую часть суток молился, ел раз в два дня — он задался целью спасти свою душу. Евлампий, хотя мучили его сомнения и невысказанные вопросы, последовал дядиному примеру — постился, молился. «Очень хотелось попасть в рай», — объяснял он позже.

Поразительно, что фанатизм дяди, всего староверского окружения не передавался Евлампью: юноша, которому так хотелось попасть в рай, видел и противоречия, и откровенную бессмысленность каких-то религиозных установлений. Так, он узнал, что все староверы — а в Верховье в то время жило около 25 крестьянских семей — делились на 14 «чаш»: одни молились с пением,

как православные, другие — без пения. Каждая семья молилась отдельно, и каждый считал себя чистым и святым, а других — отступниками. Евлампий недоумевал и говорил дяде, что надо собраться и договориться, чтоб было одно мнение и одна вера, но тот и слушать не хотел.

Узнавая Евлампия Дмитриевича, я не уставал восхищаться его здоровой природной любознательностью и жизнелюбием, которых не в силах были заглушить суровые староверские предписания. Жадно, с интересом вглядывался он в окружающий мир, в людей. Именно поэтому потянулся к Елиферию Алексеичу Курносенко. Этот крепкий, коренастый 30-летний человек резко отличался от всех, живших в Чодуралыге: брил бороду, не верил ни в бога ни в черта, любил рассказывать анекдоты, особенно про попов, был неизменно весел и доброжелателен. Хорошо говорил по-тувински. Курносенко преподавал Евлампию и первые классовые «уроки»: наглядно познакомил с социальным неравенством и несправедливостью. Как-то привел его в чум, где жил тувинец Ак-оол, лет сорока пяти. Когда они вошли, он сидел, сложив ноги калачиком, и курил длинную трубку. Возле костра грелись три девочки, от четырех до десяти лет, в рваных шубенках, еще один ребенок качался в люльке, прикрепленной ремнем за жердочку. Евлампий узнал, что у них ничего нет. Не на что было даже купить чай — его заменяли листовничной корой. Елиферий Алексеич рассказывал, что когда жена Ак-оола заболела, он позвал ламу. Лама приехал в шелковом халате, на хорошем коне, в седле с серебряной чеканкой. Увидев, что лама подъезжает, Ак-оол вышел его встречать. Несколько метров, приседая, наклоняясь вперед, с вытянутыми руками продвигался он навстречу восседавшему на коне ламе, от робости едва произнес слова приветствия. Лама осмотрел большую, вытатил из-за пазухи йорээле — блестящие четки и начал читать молитвы и перебирать четки. За моления забрал последнего коня, больше у бедняка ничего не было — теперь он ходил и просил милостыню у старообрядцев. Не пожалел беднягу лама, хотя у него были десятки лошадей, коров, сотни овец.

Евлампий подружился с Курносенко и вскоре стал у него жить. Справедливый, смелый, Елиферий Алексеич был хорошим охотником, умелым наставником, но не в вере, а в жизни. Об этом времени Евлампий Дмитриевич вспоминал всегда с неизменной теплотой как об одном из самых светлых периодов и в то же время страшных: шел год 1919-й — разгар гражданской войны.

На Малом Енисее был организован отряд красных партизан. Кулачество сколачивало банды. Верховские старообрядцы-кулаки сочувствовали белым, снабжали их продуктами, помогали укрываться. Курносенко был на стороне красных, Евлампий, следуя ему, тоже. Они часто спорили со старообрядцами, доказывали, что правда — на стороне партизан.

Пока в Туве действовала армия Кравченко и Щетинкина, старообрядцы, скрепя сердце, молясь богу, все-таки выполняли требования партизан: выделяли на работы людей, лошадей, подводы.

Озлобленные бандиты совершали множество убийств. Всех потрясло убийство Дмитрия Дресвянникова — человека, никогда ни во что не вмешивавшегося, отца пятерых детей, 60-летнего крестьянина Чащина. Ни в одном селе не обходилось без публичных наказаний: плетью, шомполами. Отведал белобандитского «угощения» и Евлампий по наущению родной своей тетки Ефросиньи — монашки матушки Евтифеи.

— Вы Евлашу насмерть-то не убивайте, а поучить поучите: совсем ушел от бога. Может, образумится, — наставляла тетка бандитов.

«Парил» Евлампия Монка Маслов — крепкий, сильный мужик, и когда добросовестно отсчитал 25 ударов плетью, другой бандит добавил «с оттягом» вдоль спины два удара плетью, в конец которой был зашит свинец. Оба при этом приговаривали: «Ну как? Будешь еще сочувствовать красным? Богу молиться будешь или нет?» И до

старости к ненастью болела у Евлампия Дмитриевича избитая тогда спина.

С нескрываемой болью Е. Д. Паздерин вспоминает о гибели друга своей юности.

Елиферий Алексеич после прихода белобандитов скрывался в тайге. Возле заимки кулака Чунарева увидел оседланных лошадей, подумал почему-то, что здесь партизаны, и смело вошел в избу. Но там оказались бандиты — его схватили, связали и бросили на пол.

«Там были старики очень верующие, — писал Евлампий Дмитриевич, — Курносенко думал, что его не убьют, он шутил с ними, смеялся, и они тоже шутили и смеялись. Ночью карауливший его часовой уснул. Елиферий развязал себе руки, связал часового, вышел из избы, походил немного. Думал — убежать или нет! Решил, не стоит. Вернулся и лег на свое место. А утром приехали из Чодуралыга отъявленные головорезы. Раздели Елиферия, вывели на мороз и стали избивать плетью, прикладами — кто чем мог. Избили до полусмерти. Издевались как могли. Потом три раза рубанули шашкой. Он все еще был жив. Тогда выстрелили из винтовки в голову. Так скончался мой друг и наставник, которому я очень многим обязан. Он у бандитов не просил пощады, помер, но не сдался».

Борьба староверов-фанатиков «с отступниками веры» приняла новые формы, когда пришел в Ужеп отряд красных партизан. Командир С. А. Хлебников собрал население и потребовал дать подписку-обязательство не снабжать бандитов продовольствием, лошадьми, сообщать об их местонахождении. Верующие боялись расписываться, но пришлось. Многие не ставили своих фамилий, писали только имена, а некоторые и так: «Раб божий». Наставник отец Палладий всех расписавшихся объявил предателями и отлучил от собора. Женщин не отлучил: они на собрании не были и подписки не давали. Несколько месяцев потом, рассказывал Евлампий Дмитриевич, жены и дети не кормили отлученных мужей и отцов из общей посуды. В семьях шла нелепая «чашечная» борьба. Был тут, как говорится, и смех и грех: мужья и жены ели из разной посуды, а спали вместе...

«После того как я перенес побои от белых, — вспоминал о том тяжелом для него времени Евлампий Дмитриевич, — черное воронье-монахи не давали мне покоя. «Вот видишь, — твердили, — бог милостив к тем, кто верует, никто их даже пальцем не тронул. А ты отступил от бога, и тебя белые напарили. Бог милостив, хочет обратить тебя в свою веру». Некому было меня поддержать, не было со мной моего друга Елиферия Алексеича».

Евлампий снова поддался уговорам монашек и наставников, снова стал молиться, выполнять, обряды. И когда женился, свадебный обряд совершил по-староверски...

В те годы наставники старообрядцев, отчаянно и безнадежно сопротивляясь наступлению новой жизни — открытию школ, паспортизации, выборам в Советы, объявили их делом рук антихриста и начали активно проповедовать, что единственное спасение от антихриста — самоубийство. Нельзя без содрогания читать эти свидетельства фанатизма. Так, Ключины заморили голодом семерых детей. Евлампий Дмитриевич, который к тому времени сам стал отцом, не видел в том святого мученичества, как говорили монашки, а только страшную и нелепую жестокость. Ему врезались в память эти умершие от голода дети, как они мучились, как пытались жевать гнилушки из колоды... Он недоумевал: как всемогущий и милосердный бог мог допустить убийство неповинных детей? Сомнения раздирали его.

Шли годы, у него росла своя семья. Жена Ульяна Сергеевна родила Евлампию шестерых, но в живых осталась одна дочь. Пятеро умерли. Сколько ни плакали они с женой, умоляя всёвышнего об их выздоровлении, бог не помог.

«Я начал думать, — вспоминал потом Евлампий Дмитриевич, — что если бы был бог, то он не мог бы меня так наказывать за грехи. Не грешнее других был. Заповеди соблюдал, милостыню творил, много молился. Другие

были много грешнее, мало молились, милостыню не подавали, а у них дети живые».

Он много читал. Чаще — книги религиозные, которые давали ему монахи. Но попадались и книги мирского содержания. Например, родословная русских царей, князей — московских, киевских, новгородских и других. Размышлял: все они были одной веры, а все равно часто воевали между собой, духовенство их на такие войны благословляло. Приходил к выводу: не за веру они воевали, а за богатство и власть.

Так, то в подчинении канонам старообрядческим, а то в сомнениях прошел десять лет. За это время Евлампий Дмитриевичу пришлось быть свидетелем многих бессмысленных самоубийств и искалеченных судеб. Однажды он поделился сомнениями с другом, Иваном Федоровичем Рукавицыным. И тот сказал:

— Я тоже не верую. Но пока открыто выступать против религии не могу, у меня вся родня — верующие, а сестра — даже игуменья...

После этого у Евлампия Дмитриевича не осталось уже никаких сомнений, и он только жалел, что десять лет жил как слепой.

Не удивительно, что, сделав выбор, он круто изменил свою жизнь. Ему хотелось уберечь других от такой ошибки. В начале 30-х годов Паздерин открыто выступил против религии. Беседовал с молодежью, со своими сверстниками и людьми постарше. Пожилых переубедить было трудно, но на молодых его беседы сильно действовали.

Когда Евлампий Дмитриевич стал председателем сельсовета, его перестали уговаривать «вернуться в веру», стали угрожать. Анисим Бедарев уклонялся от общественных работ, и сын его Клим не хотел пилить дрова для школы. «Работай, последний раз тебе говорю!» — крикнул на него Евлампий, а тот в ответ: «А может, и последний», — с намеком, с угрозой.

И это был не единственный случай. Евлампий Дмитриевич помнил, как еще в середине 30-х годов в недавно открывшейся в Шивее школе шел концерт. Туда пришла 12-летняя глухонемая девочка из многодетной старообрядческой семьи Губиных. Еще концерт не начался, как ворвалась в школу мать девочки Матрена Губина, и принялась жестоко избивать дочь, приговаривая: «Зачем на бесово сборище пришла! Оно провалится, и ты улетишь с ним вместе в тартарары, сразу же к Сатане в колени, в ад крошечный!» Евлампий Дмитриевич с учителем Сниткиным заступились за девочку. Матрена увела ее домой, и что там было, никому не известно. А незадолго до войны Губины заморили всех детей голодом.

«Даже среди животных, — писал Евлампий Дмитриевич, — нет ни зверя, ни птицы, которые могли бы так поступить, как поступили Губины, отец и мать. Когда я пишу эти строки, замирает сердце, а когда написанное читаю, навертываются слезы, и ком к горлу подкатывает, и нет возможности прочитать вслух. Тем более что когда они жили на Шивее, я видел их всех, слышал веселые голоса детей, и вдруг такая страшная весть. Много лет прошло с тех пор, а у меня перед глазами встают эти дети, кажется, вижу, как со слезами просят они у матери: «Мама, дай исть». А мать лживо утешает их: «Нечего есть», — а сами с мужем, тайком от детей, ели...»

Чувства сострадания, справедливости были главными у Евлампия Паздерина. Именно эти чувства сначала привели его к религии, а потом решительно и бесповоротно оттолкнули от нее. Могучее от природы здоровье, не пошатнувшееся несмотря на все, что ему довелось вынести, сила духа были основой его неистребимого оптимизма, жизнерадостности, веры в жизнь, в людей.

Рассказывая о них, он часто характеризовал тех, кто был ему симпатичен, так: «Телосложения плотного, нрава веселого». Он высоко ценил в человеке доброту, стремление помочь другим в беде, решительность, удачу, но не всякую, а ту, которая устремлена на добрые и нужные людям дела. Он и сам был таким...

В военные годы все колхозное хозяйство легло на плечи Е. Д. Паздерина. Мужчины ушли на фронт. Половину лошадей взяли для армии. План посева был увеличен вдвое. Многие женщины не умели запрягать лошадь. Вот так рассказывал об этом Евлампий Дмитриевич:

«Подведет к саням лошадь и стоит, плачет в голос. Бежишь, поможешь, научишь, как что делать. Сеять приходилось руками, мало кто умел бросать зерно. Приходилось учить, бегать с одной пашни на другую. На весь поселок жаток было всего две, самосборки. Пришлось оборудовать сенокосилки, сделать к ним подводы, их называли «лобогрейки». Они действительно лоб грели: машинисту, который сидел на косилке, нужно несколько раз махнуть граблями, чтобы набрать сноп, а затем столкнуть его. Нужно махать граблями целый день. За ним четыре или пять человек вяжут снопы, им нужно успеть связать нажатые кучки, а не успеют — у машиниста будет простой, ему некуда ехать. Вязальщики бегают целый день по полосе, лоб мокрый, из-под ногтей идет кровь, но вязать снопы нужно... Постепенно женщины стали привыкать к мужской работе».

В 1942 году Евлампий Паздерин и активистка Варвара Ключникова были приняты в Тувинскую Народно-революционную партию. Бывший старообрядец стал коммунистом.

До последних дней жизни он оставался неутомимым пропагандистом. Одно из последних его выступлений было в Сарыг-Сепе, в районном Доме культуры на атеистическом вечере. Он рассказывал о своей многотрудной жизни, о том, как преодолел влияние религии, о своем друге большевике Елиферии Курносенко, о противоречиях вероучения и церковных книг, о том, что вся современная жизнь опровергает религиозные догмы.

С Евлампием Дмитриевичем Паздериным виделся я последний раз в августе 1980 года. Сухое, жаркое лето выжгло траву, угрожало бескормницей. Все жители села и города «навалились» на заготовку кормов, и Евлампий Дмитриевич в свои 78 лет тоже был на покосе. Он тогда организовал бригаду сенозаготовителей из пяти стариков пенсионеров. Они выкашивали траву в местах, где из-за кочек и кустарника машиной ее не взять и где она как раз повыше и посочнее.

В ту нашу встречу Евлампий Дмитриевич косил один, в семи-восьми километрах от поселка. В его все еще крупной, ладной, выше среднего роста фигуре не было ни сухости, ни грузности, свойственных старикам его возраста, а новая ярко-синяя рубашка создавала ощущение праздничности. Косил Евлампий Дмитриевич так, как могут косить только люди, приученные к этой вроде бы и нехитрой, но требующей умения и сноровки работе с самых ранних лет: его движения были размеренны, прилажены одно к другому. Он был на своем обычном трудовом посту. Таким он и остался в моей памяти: верным делом, долгу — трудовому, гражданскому, тем высоким нравственным принципам, которые хотел когда-то найти в религии...

Ни в беседах, ни в рукописи Евлампия Дмитриевича не было рассуждений о человеческом счастье. Но, вспомнив слова мачехи, которая предрекала ему несчастную жизнь, он сказал, что его жизнь — счастливая. Сказал уверенно, как о факте абсолютно для него несомненном.

Что же было счастливого в жизни Евлампия Паздерина? Ведь она была так трудна, так много было в ней и тяжелых страданий, и невозполнимых утрат: смерть детей и многих близких ему людей, нелегкий разрыв с религией, сомнения, противоречия и невероятные физические трудности. Но не пал он духом, не сломился, не примирился с теми, кто толкал его в безысходность религии, не примирился и с самим собой, таким, каким его воспитали с детства. Евлампий Дмитриевич сам создавал свою судьбу, а потом помогал делать это другим людям. Он подводил итог прожитой жизни с сознанием исполненного человеческого долга перед людьми и перед самим собой. И в этом было его счастье.

«И СТАИ ГАЛОК НА КРЕСТАХ»

А. ЛОКШИН,
кандидат исторических наук

В 1834 году московский митрополит Филарет обратился к начальнику III отделения собственной его императорского величества канцелярии А. Х. Бенкендорфу. Дело, по мнению иерарха, не терпело отлагательства. В седьмой главе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в описании Москвы внимание митрополита привлекла строка: «И стаи галок на крестах», в которой он усмотрел оскорбление святой церкви. Призванный к ответу по этому делу цензор резонно ответил, что «галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что... виноват здесь более всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор». Бенкендорф, принявший объяснение цензора, вынужден был учесть заметить Филарету, что «это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа...».

Об этом случае рассказал литератор А. В. Никитенко, посчитавший его «забавным анекдотом»¹. Впрочем, этот инцидент символичен для деятельности духовной цензуры и церковных иерархов в 30—40-е годы прошлого века.

В самодержавной России, кроме общей и военной цензуры, существовала духовная (церковная) цензура. Официально она была утверждена указом Петра I в 1720 году. Согласно указу, запрещалось печатать церковные книги без просмотра духовной коллегии. До восстания декабристов духовная цензура занимала относительно скромное место в охранительно-карательном аппарате царского правительства. Рост сабодолобных устремлений русского общества, прежде всего движение декабристов, а также революции в некоторых европейских странах испугали правительство. Непосредственной реакцией на революционные события в Европе было создание 2 апреля 1848 года в дополнение к светской и духовной цензуре негласного комитета «для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и на-

правлением книгопечатания». Комитет «подвергал рассмотрению» уже опубликованные произведения. Семилетний период существования «Комитета 2 апреля» характеризуется как один из самых мрачных во всей истории цензуры самодержавной России. Символична фраза, сказанная председателем комитета Д. П. Бутурлиным: «Если бы Евангелие не была такая известная книга, конечно, надобно было цензуре исправить ее»².

Светская и духовная цензура работали в тесном контакте, искореняя любые попытки свободомыслия. В документах Петербургского духовно-цензурного комитета с 1840 года появляется постоянная рубрика «О рассмотрении сочинений, присланных из светской цензуры», возникает раздел «О рассмотрении статей духовного содержания, предназначенных для журналов и газет». В сомнительных случаях гражданская цензура искала поддержки у цензуры духовной. Например, не имея убедительных доводов к запрещению статей В. Г. Белинского «Любовь и брак» и «О воспитании», гражданская цензура передала рукопись в Петербургский духовно-цензурный комитет, мотивируя это тем, что «любовь — понятие христианское», а «брак находится в компетенции церкви». Ознакомившись со статьями, церковные цензоры заявили, что некоторые положения статей не могут быть одобрены: «Во-первых, мысли «о любви» как основе христианского учения вовсе не относятся к предмету рассуждения — «о браке» и предложены без связи и порядка; во-вторых, суждения о воспитании не основаны на началах православия...»³. Таким образом, часть рукописи Белинского была запрещена.

Стремление духовных цензоров свергать литературу с установлениями православной церкви не знало пределов. В 1859 году духовной цензуре были переданы на рассмотрение сказки Андерсена. Недовольство цензора архимандрита Сергия вызвала сказка «Роза, прелестнейшая я мире» и «Есть же разница!». «Первая — по неприличному для священных предметов наименованию... вторая... по неправильности

взгляда на жизнь природы... растений, людей...». «Неправильность» заключалась в том, что Андерсен говорил о равенстве людей и «о бесконечной любви божьей ко всякому земному созданию».

Злоключения произведения великого сказочника на этом не кончились. В 1867 году Петербургский духовно-цензурный комитет по просьбе гражданской цензуры рассмотрел сказку Андерсена «Райский сад». Она также не была дозволена к печати. Цензор — архимандрит Фотий — мотивировал это решение тем, что «во-первых, взгляд автора на происхождение и направление ветров в этой сказке противен учению христианскому, взгляд языческий и фантастический; во-вторых, самый рай представлен несогласно с понятием о нем христианским — в него внесено тоже много фантастического и отчасти магометанского — он наполнен феями и пр.»⁴.

Не повезло с цензурой и знаменитому английскому поэту Байрону. Перевод его поэмы «Каин» на русский язык был запрещен. Архимандрит Фотий в своем отзыве указал на несоответствие поэмы «истинам и догматам христианской веры». Сочинение Байрона, писал архимандрит, «исполнено разной лжи, клеветы и хулы на бога и дела его — что... для людей с чувством благочестия — нравственно заразително... а для нетвердых в благочестии — нравственно заразително тем более, что клевета на бога (сочинена. — А. Л.) довольно изобретательно, хитро и лукаво»⁵.

В неменьшей степени духовный надзор осуществлялся за сочинениями по вопросам естествознания и материалистической философии. В одной из инструкций 1865 года цензорам предписывалось запрещать все сочинения, направленные против истин христианской церкви вообще и учения и достоинства православной церкви в особенности, а также равно как и содержащие идеи атеизма, социализма и материализма, либо враждебные форме государственного управления»⁶.

Показательно отношение к переводу сочинений известного немецкого физиолога Р. Вирхова «Четыре лекции

о жизни и болезненном состоянии». Часть этой работы не была разрешена к публикации на основании того, что она «слишком благоприятствует материализму... рассуждая о болезнях человека, автор производит их от одних лишь причин физических, от одного лишь расстройств организма и глумится над теми людьми, кои... началом болезни полагают грех (особенно первородный) и кроме естественных лекарств... пользуются молитвами и таинствами св. церкви»⁷. Заметим, что это было сказано одним из высокопоставленных церковных иерархов в 1865 году, когда уже вышли «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, а в обществе бурно распространялись идеи естественнонаучного материализма.

Отрицательный отзыв получила и книга популярного в 60-е годы в кругах радикальной русской молодежи немецкого ученого К. Фогта «Физиологические письма». Значительная часть этого произведения была запрещена как противоречащая библейскому учению о душе и «благоприятствующая материализму»⁸.

Из 190 книг, запрещенных в царской России с 1825 по 1884 год, 26 проходили по духовной цензуре. К этому числу следует добавить издания, задержанные цензурой, но затем выпущенные в свет с исправлениями, а также книги, запрещенные к выдаче в публичных библиотеках.

Но хотя цензуре и удалось затормозить или вовсе пресечь выход ряда прогрессивных изданий, она была бессильна остановить прогресс общественной мысли, науки, развитие литературы.

¹ А. В. Никитенко. Дневник. М., 1955, т. 1, с. 139.

² Н. К. Шильдер. Император Николай I. СПб., 1903, т. 2, с. 637.

³ ЦГИА СССР, ф. 807, 1861, ед. хр. 1338, л. 24.

⁴ Там же, 1859, ед. хр. 1306, л. 67.

⁵ ЦГИА СССР, 1867, ф. 807, оп. 2, ед. хр. 1459, л. 38—39.

⁶ Там же, 1869, ед. хр. 1493.

⁷ «Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1 сент. 1865». СПб., 1865, с. 76—77.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 807, оп. 2, ед. хр. 1422, л. 2, 3.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 807, оп. 2, ед. хр. 1391, л. 20.

ПОВЕРЬ В СЕБЯ!

Народный поэт Латвии И м а н т З И Е Д О Н И С — один из ярких, самобытных художников в современной советской многонациональной литературе. Его книги «Епифании», «Курземите», многочисленные поэтические сборники, песни на музыку Раймонда Паулса известны в разных странах мира.

Человек чрезвычайно занятый, Имант Янович нашел время для беседы со специальным корреспондентом журнала А. Р о м а н о в ы м и предоставил редакции несколько стихотворений и отрывки из нового прозаического произведения «Как бы то ни было...».

В то утро я проснулся под столом,
Проснулся меж корзинок и мешков
Картофельных, — ни неба голубого,
Ни воздуха, ни белых облаков.

Я понял, что отныне буду жить
В пыли, а не в почете и тепле,
И все, что мне осталось в этом мире, —
Картофелины в миске на столе.

Мой век недолог. Грубый этот стол
Я заслужил, мне это поделом.
А все-таки есть небо голубое,
Как стол, стоящий над моим столом.

В одну из поездок по Латвии мы с лесничим двигались на байдарке по реке Гауя. Выбрали место для стоянки. Вечером, у костра пошел неторопливый разговор.

— Видишь, вот — световое пятно, дальше — темнота. В мире так много еще непознанного, мистики, веры в сверхъестественное. Но круг света, познания становится все шире, больше, охватывая новые области мысли и духа. А темноты — все меньше.
— Но, — невозмутимо возразил

лесничий, — больше становится касательная света. А она тянет новое неизвестное, неизведанное.

«Круги Спинозы», так лихо, по своему сформулированные моим бывалым собеседником, нас с ним, в конце концов, не огорчали. Мы оба пришли к мысли, что существуют законы, по которым силы добра, радости, оптимизма превалируют, берут верх, что в каждом человеке с самых ранних лет бытия заложено творческое начало.

Воспоминания о путешествии по Гауе привели к мыслям о последнем издании детской энциклопедии, к которому привлекли и меня как детского писателя. Каждая из десяти тетрадей издания посвящена какому-нибудь понятийному гнезду. Структура книг строится по трем кругам: мир вокруг меня, я в мире, мир во мне.

Первая книга условно названа «священной книгой», она закладывает основы личности, она созвучна аксиологическим* тенденциям 80-х годов в общественной жизни нашей страны. Но она должна быть при этом и достаточно интимной, чтобы эмоционально затронуть ребенка. Поэтому выбран жанр эссе. Издательство и писатели пусть пока робко, но уже сотрудничают на почве составления новой азбуки для детских садов и школ.

Важнейший компонент атеизма, глубокого, умного, современного, — воспитание. Да и давно существует устойчивая идиома — «атеистическое воспитание», которое должно охватывать все сферы общественной, культурной жизни. Большой восходящей силой обладает не только литература, но и кино, телевидение, театр. Скажем, Театр юного зрителя. Его воспитательное кредо: зритель не должен быть с театром «на ты» — ни со спектаклем, ни с актерами на сцене. Спектакль должен быть автономным, гордым и недоступным в своей художественной суверенности. Театр должен оградить душу ребенка от всяких суетных наслоений, он должен указать юному гражданину на непреходящие, вечные ценности.

Почему я так подробно касаюсь проблем детской литературы? Потому что, прежде всего, именно она способна на всяческие чудеса. По осмыслению мира на первом месте в латышской детской литературе находится поэзия. Самый правдивый в жизни и искусстве — здесь Ояр Вацетис. Как во всей своей поэзии, он и в детских стихах универсально сжат, свернут, собран. Возьмем, к примеру, его стихотворные сборники «Точка, точка, запятая» и «Карман».

«Точка, точка, запятая» — известная игра, рисование человечка, его воссоздание. Критики отмечали, что поэт втягивает читателя в игру,

* Аксиология — учение о природе и структуре ценностей.

делает его почти соавтором. «Карман». Конечно, карман — модель мира, запрограммированный мальчишеский мир, хранилище, память, склад интересов.

Стихи по-детски точно интонированы, по-бытовому остроумны и глубоки. Это — азбука жизни, признание поэта своему другу-ребенку в том, что жизнь бывает такая и такая.

Другой тонкий детский поэт — Витаут Люден. Его поэзия не столь парадоксальна, скорее он — лирическое дитя природы, пантеистическое существо. Такой добрый божок, который то посетует, то помирит, то обрадует.

Именно в последние годы детская поэзия становится все более мыслящей, можно сказать, все более близкой ко взрослой поэзии, не теряя при этом жизненной силы, игры, образности. Со своим «уроком общности» пришли в литературу разные художники. Они привнесли в нее понятия, образы, помогающие осмыслить семью, народ, государство.

Работай, собака такая, работай,
не стой!
Работает даже блуждающий в небе
огонь.
Кленовый работает лист пожелтевший,
сырой.
Работает рот, — только нужную тему
затронь.
Дремучий орешник орешки растит
в кулачке.
И тянется колос, чтоб хлебное зрело
зерно.
И ветер работает, хоть и живет
налегке —
Как небо подвернуто, взвихрено,
опалено!

Я чувствую упряжь: Вселенная хочет
запрячь
Меня, и так ярко сияет созвездье
Тельца.
Узда и оглобли, и лоб мой вспотевший
горяч,
И плуг волоку, и не будет работе
конца.

Работай, осиновый кол! Не сдавайся,
бревно!
И солнце включается тоже в процесс
трудоной.
Под нами, на шаре земном, точно так
же зерно
Растят, и стараются так же, но вниз
головой.

Не бойся! Все честно. И палка от
пыльной метлы
Получит за труд свой, и ты,
непрерывно, в свой срок.
Работай, хулы не страшась, не ища
похвалы.
Работай, собака такая, работай,
сынчик!

С проблемами веры и неверия любой человек сталкивается уже в раннем детстве, в той или иной степени, по тому или другому поводу. Атеизм должен быть составной

частью азбуки научного, нравственно-го, эстетического воспитания. Но стал ли он этой частью, всегда и везде ли воспитатели понимают, что главное — учить вступающего в жизнь человека самостоятельно, критически мыслить?

Как-то я позвонил одному доброму знакомому, доктору точных наук и программисту, с которым мы часто беседуем о топологии, о теории вероятностей, о Тейяре де Шардене, о «феномене Никитиных» в педагогике и о том, как не удастся иногда укомплектовать первый курс физмата студентами с достаточным уровнем мышления.

Я спросил его:

— Не кажется ли тебе, что уже самые первые наши учебники не дают достаточного мыслительного импульса, не слишком направлены на то, что мы обозначаем латинским словом «когницию»? Не кажется ли тебе, что мы привыкли считать азбуку лишь олитературенным сводом букв, лишь учением о письме и чтении? Но разве мировосприятие может быть только литературным, верно ли, что в азбуках господствуют только стихи и литературные представления? А куда подевались остальные знаковые системы, сигналы информации другого порядка — числа, дорожные знаки и небесные знамения, знаки следов на снегу? Не слишком ли много в азбуке и других начальных учебниках заданий типа «выучите стихотворение» и не слишком ли мало в них стимулируется аналитическое мышление? Разве не следовало бы тем, кто знаком с точными науками, помочь расширить азбучные амплуа и уплотнить смысл?

— Да, — ответил он. — Просто я в азбуке плохо разбираюсь.

Мне это суждение во всей его парадоксальности понравилось. А чем, собственно? Трагичная фраза. Или, по крайней мере, драматичная: у нас на любую умственность ума хватает, не хватает лишь — на азбуку.

Получается, что нам важнее космические макротемы и микротемы мельчайших частиц, чем почвоведение (об этом интересно писал Сергей Залыгин). Аналогия, по-моему, уместная. Педагогика начальных школ — «почвоведение» нашей науки. А это значит, что нам, знатокам всех наук и литератур, нам, стремящимся встретиться на всемирных форумах и симпозиумах, придется встретиться в скромной книжке — в азбуке. Придется. Не избежать.

Я пришел не из мира точности. Поэтому говорить здесь могу только о призыве встретиться в азбуке.

Именно в азбучную пору точнее и непосредственнее всего дается детям представление о фольклоре. Фольклор возник тогда, когда люди еще не умели записывать свои мысли. Это — детство народа. Свое знание мы можем передать друг другу толь-

ко устно. Сыграем в фольклор! Сыграем в детство народа! Научимся рассказывать и (что еще важнее!) — слушать, вслушиваться, слышать! Передадим другому устную мудрость! Мы таковой не владеем? Спросим у отца с матерью, у бабушки с бабушкой.

Таким образом нам удастся запрограммировать ребенка на органичное ощущение традиции, причем вполне незаметно. Учить потом? Потом уже понимание фольклора будет опосредовано теоретически и он, фольклор, станет уже предметом истории, дедовским делом, не нашей песней, а песней доисторической.

Именно в азбучную пору, прежде чем приступить к изучению букв и цифр, ребенок должен получить понятие добуквенное и доцифровое. Мы демонстрируем ребенку, как пользоваться числом, как пользоваться буквой — в азбучную же пору он должен получить и увидеть мир еще до буквы. Еще не присвоенный и не изученный мир. Ребенка надо довести до необходимости числа. Вот — мир. А вот — мы. Каждый из нас стремится этот мир к себе приспособить. Но приспособить его мы не можем, не зная чисел. Зная числа, мы можем подобрать себе штаны (осьминогу нужны не такие, как нам, ребятам), а можем подобрать себе и музыку. И время к себе приспособить. Так в азбуке может быть радостно принята философия — та, которую потом большинство студентов будет зубрить с мучением и отвращением — те из них, которых философствовать не обучила азбука.

Мысль о целом и части. Она должна начинаться уже в азбуке. Еще до учения о числе. И объяснение возникает само по себе: почему мы в школе изучаем предметы? Потому что весь мир сразу не выучишь. Знание о мире мы делим на части и изучаем их по отдельности: язык, математику, ботанику, химию и т. д. И когда все это подросток человек потом складывает в мудрость, он познает весь мир.

Азбука, например, должна привести ребенка к пониманию интонации. Еще до учения о букве. Интонация подготавливает ребенка к чувству стиля. Потому что главное в литературе — это интонация и стиль. Интонация и есть стиль. В науке о стиле анализировалась лексика и ритмика, синонимия и метафоризация, но мало вслушивались в интонацию, мало говорили об этом понятии вообще. Потому что это труднее всего. И это должно проявиться именно в азбуке, не позднее. Что буква «м» выражает не только сонорный звук, но и звук с бесконечным числом интонаций. Что каждый в мире смеется и плачет со своей интонацией. Что письменное слово не способно высказать все, оно лишь указывает на то богатство, которое таится в человеке. И именно

поэтому слова должны записываться и читаться — чтобы мы сами наделили слово интонацией, эластичностью, многозначением и т. д. Так мы воспитаем своего будущего читателя, показав в первую очередь многообразие жизненных интонаций и лишь тогда дав ему однозначную букву.

Я здесь не могу это так просто выразить — сказать об интонации так, как нужно для азбуки. Но уверен, что в азбуке это понятие должно быть выяснено еще до понятия «буква». У нас хватит умных и при этом готовых на ребячество ученых — чтобы именно так обогатить азбуку. Только бы они хоть иногда заказывали ее в научной библиотеке и брали на дом почитать.

То, в чем я тут упрекаю азбуку и учебники для начальной школы, относится и к кругу чтения для детей младшего возраста. В этот круг входят (во всяком случае, должны входить) не только стихи, рассказы, шутки, сказки или опозитизированный быт. Не зря в народе говорят: читать след, читать знаки, читать мысли. Значит: не только буквы читать. Слишком мало наши маленькие дети получают книг от ученых. И от журналистов, и от писателей мало. Документальных книг, того, что называют «поэтикой документальности». Этой поэтики факта не хватает именно в самом начале воспитания. Не видно и документальных фильмов для самых маленьких. С помощью телевизора и радио мы их держим в опозитизированном и мультипликационном мире — так нам легче.

В детской сказке одного нашего молодого автора есть воробей, выясняющий у всех значения иностранных слов. «Интересно? Что такое «интересно?» — спрашивает он. Но все отказываются ответить ему по существу. Потому что иностранное слово легко объяснить с помощью иностранного слова, непонятное — с помощью непонятого. Труднее найти нужные, по-детски простые слова. Поэтому профессор воспитывает профессора. Поэтому-то профессора детей и боятся.

Ни прошлое, ни то, что будет с нами,
Не может лучше быть, чем то, что есть.
Прекрасен миг, вот этот миг с дарами
Несметными — наш долг и наша честь.

На волю птицу выпустить, рукою
Приветствуй крону с пышною листвою.
Пастух пасет овец, зови в покои
Его, ведь пастырь он, как мы с тобой.

Что можно мигу этому в заслугу
Вменить? Что он, волшебный, с нами, тут.
Все может быть, пока в глаза друг другу
Глядят, пока по имени зовут.

В латышских народных песнях-дайнах постоянно соседствуют богиня Мара и богиня Лайма. Я довольно много занимался разбором данных категорий. Мара — это мать, это ма-

терия, материализующая сила, сила манифеста. У нее есть много ипостасей. И все — матери: земли и леса, моря и тумана, ветра и птиц. Это принцип горизонтального, количественного уровня, приход в мир и уход из него. Однако данные категории не решают судьбу человека. Мара, со всеми своими обличьями, простирается на пространство и время. А в причинно-следственном царстве главная — Лайма. От нее зависит судьба. Синоним Лайда — отпускающая, то есть отпускающая судьбу, то, что положено. Что заслужил. А что заслужил? То, что натворил и т. д. Это богини, непосредственно относящиеся к нашей, конкретной, земной жизни. Символизирующие отнюдь не отвлеченные понятия. И люди жили этими образами, рассуждая про себя: ведь они же — нашешские, жизненные, олицетворяющие определенные земные законы. Все вместе данные понятия и составляли конкретный моральный кодекс. Человек должен «возделывать» себя, ухаживать за ближним, заниматься отвлеченными и конкретными идеями.

Дайны, эти поразительные песни, по-моему, избавляли людей от библейских заветов. Фольклор, народное искусство — вот что обогащало дайны и обогащалось ими.

Религия не прижилась в Латвии. Насильственное обращение в веру, религиозный диктат не дали церкви жизнестойкости, не могли остановить процесс ее отмирания. Сегодня протестантские церкви пустыют. Но вот серьезная проблема — как сохранить церковную архитектуру, ценные исторические здания. Они — красивы, они — отпечаток определенной эпохи, создание рук человеческих. Культурное значение их давно и полностью уступило место эстетике и архитектуре. Я лично как писатель, как публицист очень переживаю за сохранность талантливых исторических построек, всячески поддерживаю председателей колхозов, которые умело используют церковные здания. Можно ли переоценить значение бывшего храма, ставшего концертным залом, клубом, дворцом?

Как выбираются листочки
На волю каждою весной!
Я тоже вынырнул из почки,
На ветке вырос золотой.

Я тоже вышел из пеленок,
Из скорлупы, из-под коры,
На солнце жмурился спросонок,
На разогретые миры.

«Вставай же, эй!»
И воздух свежий
Не проглотить — такой большой.
Сегодня в горле с чувством тем же,
Проснувшись, слышу голос свой.

Выступая в журнале «Наука и религия» в его юбилейный год, мне хотелось бы лишний раз подчеркнуть важность, значение того, что мы адресуем будущему страны — детям.

Я не раз писал, что детская литература — это кораблик, на который взшло много взрослых. Как нам вести себя, чтобы не утопить этот кораблик?

Детская литература — боб на длинном стебле, по которому можно взобраться на небо. Какими мы должны быть легкими, чтобы нас выдержали бобовые стебли.

Детская литература — это большой праздник, на который мы явились и где нам надо уметь себя вести. Дети следят за тем, насколько мы тактичны, умны, добры и подготовлены к этому.

Главный критерий детской литературы — насколько она сейчас и сразу. Насколько она подготовлена к чуду, есть ли в ней элемент приключения, удивлена ли она. Но мы, писатели, — не дети, больше не дети. И тут ничего не поделаешь. Единственное, что возможно, — создать детские книги, то есть вспомнить, восстановить себя. Вспомнить, какие мы хорошие дети! Какие умные, остроумные, забавные дети! Какие мы снова искренние и — от всего сердца! Но как только мы прекращаем писать, мы больше не дети, мы — люди законов и постановлений, приверженцы общественных норм, системы и композиции.

Первое — прекрасное, свободное чудо, второе — осмысление системы, композиции, взаимосвязей. Это очень важно — указать чуду на дисциплину, творческому капризу — на композицию, сказочному всемогуществу — на систему.

Мне выпала честь традиционную уравновешенную литературную сказку сплести с эксцентрикой, с импровизированной сказкой и ее свободной композицией. Со сказкой, где есть место всему — намеренной нелепиче, игре слов, смешению понятий, парадоксам. Нет в мире вещей, которые не были бы связаны друг с другом.

Несколько слов о предлагаемых отрывках. «Как бы то ни было...» — произведение публицистическое, касающееся сегодняшнего дня. Но и прошлого, нашей истории. И, конечно, будущего. Мне хотелось показать, что нет для человека ничего дороже Отечества. Что всякий ребенок должен любить землю, знать ее, быть «работником в мастерской природы».

Мне хотелось показать людей, которым религия органически чужда, людей, верящих в счастье труда и созидания.

Стихи И. Зиедониса
перевел с латышского
А. КУШНЕР.

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО...

Имант ЗИЕДОНИС

Я чувствую эту землю. Потому и пишу, что ощущаю ее. Нутром своим. Я представляю появление земледельца на свете. Он явился одновременно с сотворением мира, в хорошей компании, в кругу жизни. Связан с семьями.

Меня спрашивают: почему я пишу о колхозах, о совхозах, о хозяйствовании, я, поэт? Я пишу о жизни, которая протекает сейчас. Пишу о людях села, ведь они же мои и ваши сверстники. Я не хочу их оставлять. Когда пишу, я снова с ними. Тогда я вновь в том зеленом тумане, который зовут плодородием. И не говорите мне, что урожаи низкие, план высокий, люди постарели и никакого плодородия нет. Есть плодородие и будет. Плодородие — это свойство. Более того — это принцип. Вечный принцип, который тем более дает себя знать, когда о нем забывают. Когда люди завидуют, крадут, ненавидят, ты же не думаешь, что и любви тогда на земле нет. Земля и урожай, дети и осушительные каналы, шоферы и дома культуры — проявления одного принципа. Даже если в этих людях и делах он проявлен слабо, сам принцип велик и могуч. И если где-то он ослаблен, то тем сильнее его надлежит проявить.

Земля, друзья мои, не пропадет! Лишь бы землеробы сохранились. Не каждый, кто живет в деревне, крестьянин. Даже не каждый тракторист — крестьянин. Даже не каждый производитель сельскохозяйственного продукта — земледел.

Земледел — это тот — все равно, на комбайне, в конторе или в Сельхозакадемии учится, — кто понимает значение естественного оборота. Да нет, смысл! Задачу! А еще точнее — свою незаменимую роль в естественном обороте. Земледел незаменим.

Но где же такие земледелы?

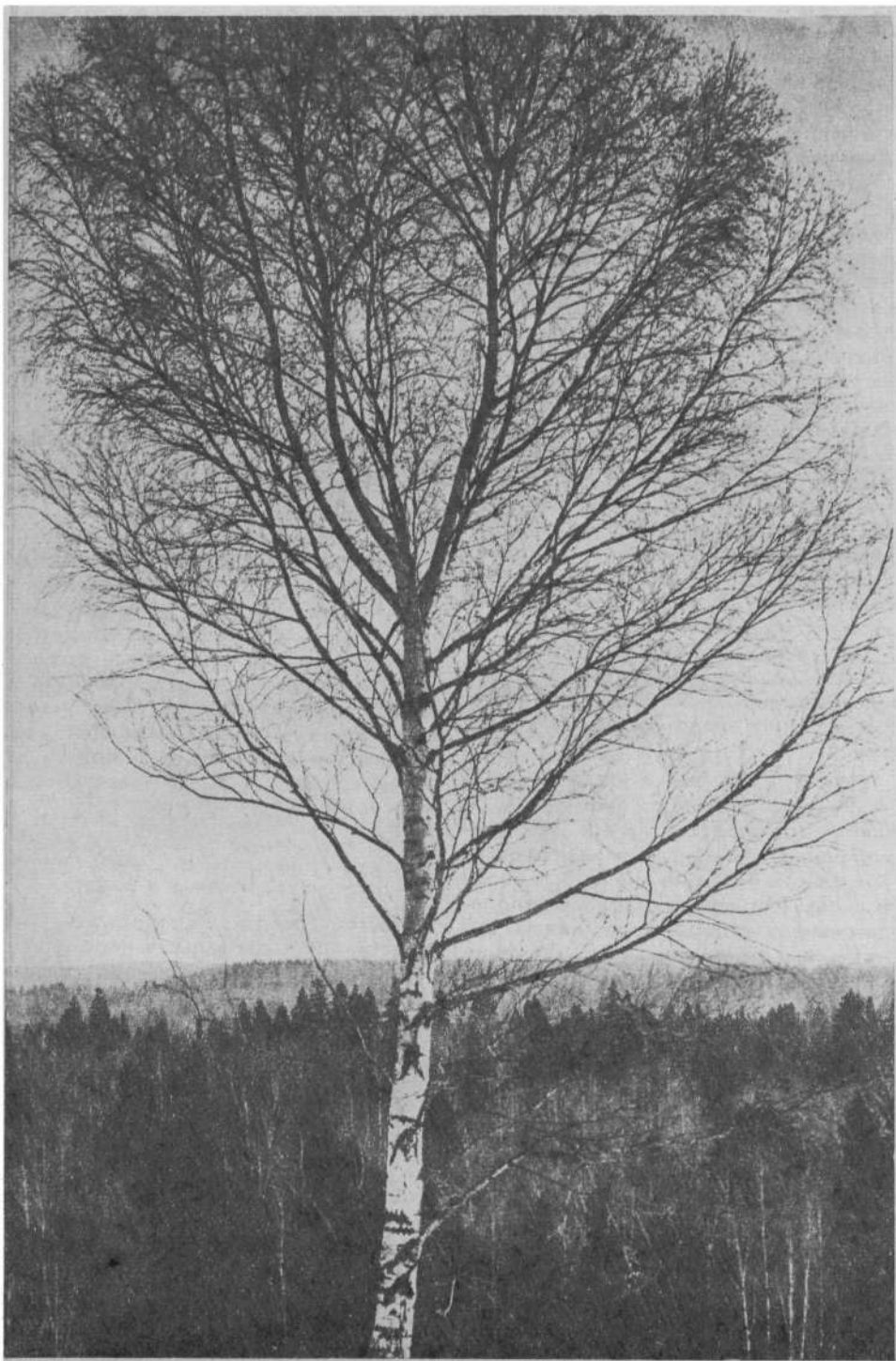
Мне сказали, что, например, в Мадлиене. Такой человек там есть, с землей под ногами и с пониманием первопричин в голове — Юлий Белявник, директор совхоза «Мадлиена».

* * *

Я много раз ездил в эту сторону. Никакие виды Тянь-Шаня или Кавказа не заменят мне поездок по незнакомым латвийским проселкам.

Половодье еще до подмышек. А весна уже словно огромный дуб посреди серой прошлогодней травы! Первые куриньи радости, когда уже можно выскочить во двор и порываться в землю, первые мухи на свежерасколотом березовом полене. Самая пора, когда дровами залюбуешься. Краски, и запахи, и ритмы — от этих полениц. Оранжевые тона ольхи

Фото Г. Янайтиса.

и нетронутая белизна бересты. Дровяные грядки, поленничная кладка, половинки и четвертинки, полешки и дровишки, и под стрехой, и под навесом. Прикладное искусство!

...Вдруг какое-то хозяйство — грейдерная дорога! Нигде не было, а здесь есть. Двускатные крыши выглядят красиво. Жить под плоскими крышами, наверное, все же не то, что под скошенными. Где слово «юмтс» (крыша), там на памяти и древнее божество Юмис, которое в родстве с двуликим Янусом — то есть обе стороны скошенные.

Сверкает необычная башня, вроде водонапорной, но будь она вся из стекла и цветов. Это теплица-башня, едва ли не единственная такая в Латвии. В ней медленно плывут вверх полочки с цветочными горшками, с другой стороны съезжают вниз, окунутся в жидкую подкормку и снова взмывают в небо. Цветоводство на конвейере. И не надо спину гнуть, горшочки сами подъезжают, только руки протянуть.

Тетушка стоит посреди асфальтированного двора, вокруг ящики с помидорами и огурцами. И какими она глазами смотрит, вовсе не праздничными, не воскресными. На меня смотрят строгие глаза эпохи матриархата. И руки не воскресные. А были ли когда-нибудь праздные руки, этого и сказать нельзя.

— Белявник — смекалистый, — говорит она. — Вокруг огромное садоводство, розы, герберы, помидоры, капуста — завтра все придет в Сигулду. Сейчас 1981 год. А мы это садоводство давно уже устроили. И каждое утро я встаю в пять, по дому все справлю, корову подою, потом пойду в теплицу. Мне всегда было хорошо. Для меня никогда плохого председателя не было. По мне все хорошо.

А Белявник смекалистый.

Откуда тетушка про это знает, что там творится в Мадлиене? А ведь поди ж, знает! Потому что эту башню строил ее сын, тоже садовод. Кстати, башня торчит выше ольшаника. И отсюда можно увидеть такую картину: вон Белявник, вон Брауер (где Талсы), а вон Блум (ближе к Литве), Озола (Гулбенский район), Вилюмсон, Каул, Грезден и еще кое-кто, не так уж много, у кого голова из ольшаника торчит, выше средней выработки, среднего выполнения плана и отдачи сил.

В Огрском райкоме партии Белявника считают ученым-практиком, идеальным воплощением хозяйственной мысли и хозяйственной деятельности. Белявник силен своей способностью соучаствовать. Он и на бюро, и в другом месте может сказать, что надо делать. Пока что разочаровываться в его предложениях не приходилось. Он работает как бы в двух плоскостях: в «малом произ-

водстве», то есть в объеме своего хозяйства, и в «большом производстве», то есть в объеме района, республики, государства.

* * *

Нет, надо объехать все вокруг. Всю Мадлиену. Соседство — святое дело. Обществу нужны такие люди, которые в соседях не вызывают негативных эмоций. Это придает гармонии. Канадский медик Селье говорил, что задача каждого человека создавать вокруг себя поле симпатии. Чтобы люди о тебе хорошо думали. Это способствует не только личной карьере, но и общему прогрессу.

В Крапе правят два человека: председатель колхоза и директор молочного завода. Покамест колхоз раздумывал, какой центр создать — старый или новый, молочный завод его уже создал, серьезно и обстоятельно. Директор там спокойный, уравновешенный и настойчивый. Он сосредоточил здесь большое «творожное» царство, скоро сюда подключатся лиелвардские, ледманские и таурупские творожни. Чтобы люди не заскучали в однообразной творожной массе, директор делает что может. Устроили в старой Лиепзиедской церкви концертный зал. Колхозники все сделали — витражи, люстры, электричество, паркет. Ознаменовать открытие чайным столом? Директор — нет! Здесь будет только концертный зал, только и исключительно! И когда церковь восстанавливали, пришел один человек, он в свое время здесь священником служил. Если так восстанавливать, говорит, то с точки зрения веры никаких возражений нет.

Да, теперь вот слушают концерты, отовсюду приезжают, тепло здесь, удобно, красиво. В алтаре небольшая сцена, перед входом огромная туевая аллея.

Потом идет земля Вецбебрского техникума, училище пчеловодов и школа домоводства, но это уже другой район, мадлиенцы их за Веверскими лесами почти не видят. А я вновь и вновь вспоминаю старую преподавательницу домоводства мадам Бине — так ее зовут; как утонченно просто ее ученицы накрывают на стол, какая торжественность каждый раз царит во время угощения, какое прекрасное умение обслуживать, поухаживать — все с достоинством и самоуважением. Где еще теперь можно увидеть столь умело накрытый латышский стол!

А когда выезжали в колхоз «Менгеле», в совсем захолустный угол за кустами и лесами, как говорится, богом забытый, я все смотрел и смотрел вокруг, только понять не мог, в чем дело.

Само здание конторы старое, из тесаных валунов и красиво выделяет-

ся: еще сейчас, под первым снегом, видно, что перед фасадом цветник. И почему здесь интереснее выглядит компоновка домиков? Потому что кровнички вынесены в ряд в отдалении, создавая этакий прикладной фон, уходя в перспективу. И нет подле домиков хозяйственных «барахолок», все имеет отчетливый эстетический колорит. Колхоз тянется на 36 километров по берегу Огре — это и придает дополнительную прелесть. Хватило бы и этого, но нельзя забывать Вецбебрские традиции! Столовая снаружи неказистая, но внутри поражает уютной отделкой и обстановкой.

Кто же это все с таким вкусом продумал, чтобы стены темно-вишневого цвета гармонировали с занавесями, чтобы стол в таком маленьком помещении был именно квадратный? А они только улыбаются. Цвета подобрал сам председатель. А вообще — все, каждый, мы. А кто это вы? Инта Паэглите, председатель сельсовета, раньше занималась культурой. Ивар Крампис, председатель колхоза, бывший землеустроитель. И Ольга Залькалне, бухгалтер, парторг. Когда она рассказывает о серьезных проблемах воспитания, улыбается и вносит верную интонацию в наш разговор. Никакой деревенской приbedненности, никаких наскоков. Чувствуется, что здесь работают люди именно того интеллигентного склада, который сейчас земле важнее всего.

— Белявник был у нас в политдень. Раз в месяц у нас устраивается такой день, когда люди встречаются с руководителями и высказывают им свои мысли, соображения. Он очень интересно рассказывал об организации труда. У него есть чему поучиться. С «Мадлиеной» мы сотрудничаем, ездим к ним в театр, на концерты, купаться. А свой пожарный водоем у нас в проекте уже готов, речка внизу углублена, летом здесь будет место для купания, зимой хоккейная площадка для мальчишек. И церковь не погибнет, может быть, музейный зал там устроим.

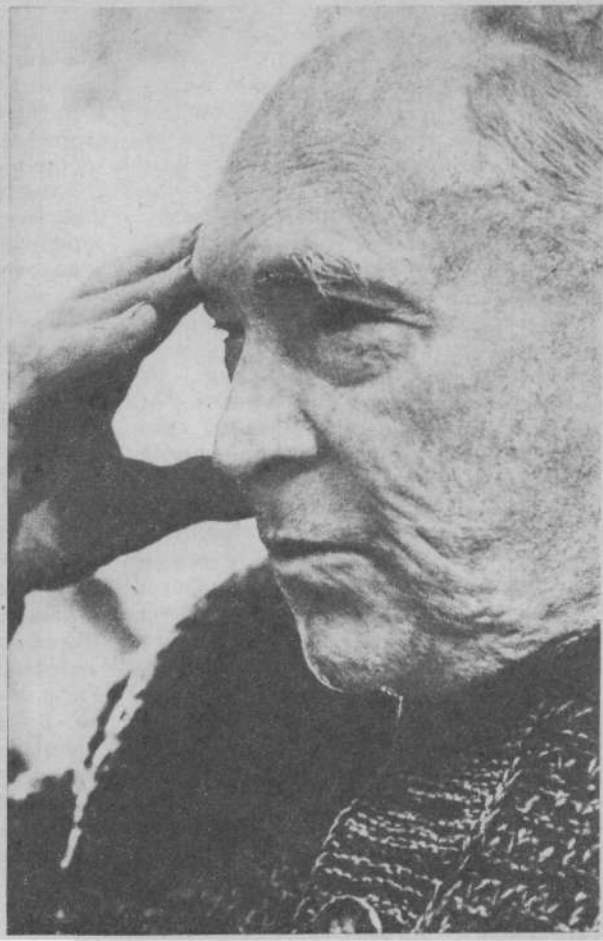
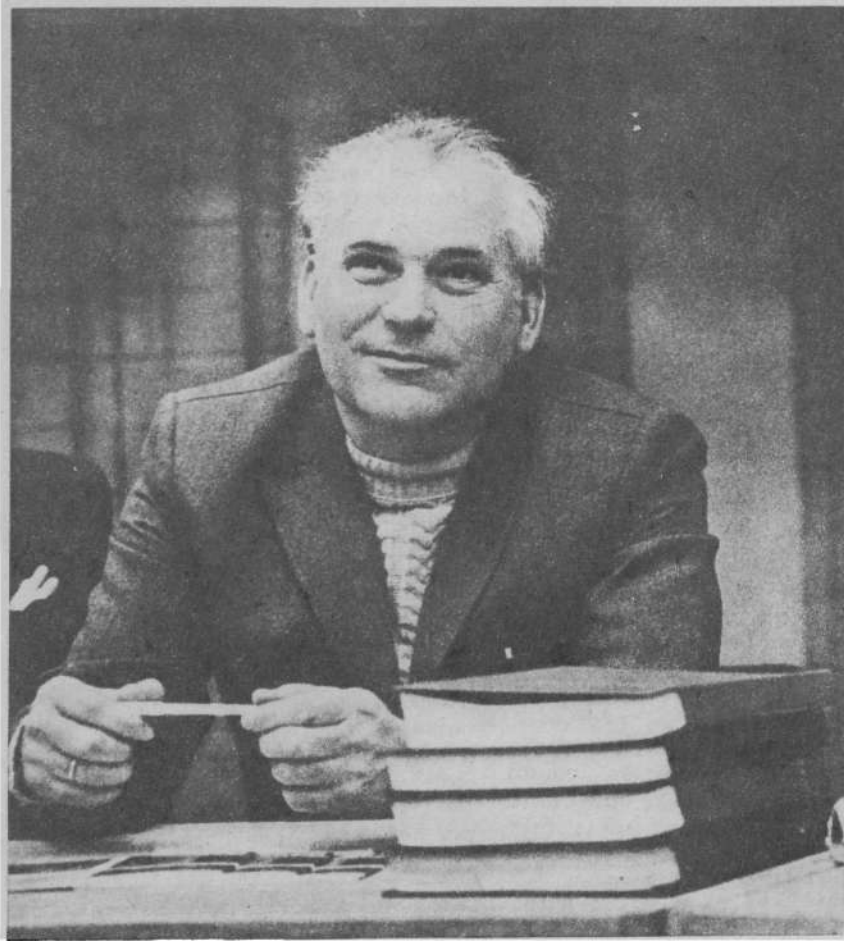
* * *

Часто говорят: «победителя не судят», «цель оправдывает средства». Про тебя, Белявник, этого сказать нельзя. Из Мадлиены никто не писал жалоб. Так и по сей день.

Директор стоит, повесив голову... Принимать поздравления — тяжелая работа, потруднее других. Люди вокруг то улыбаются, то плачут.

Автосервис вручает значок ветерана, потребсоюз — значок отличника, соседи желают ему получить звание заслуженного строителя. Тут и Ленинградцы, и эстонцы из совхоза, с которым «Мадлиена» дружит.

— Для нас дружба народов — реальность. Мы ездим за опытом. Мы обмениваемся: кирпичом, сортами

● Директор совхоза «Мадлиена» Ю. Белявник. ● Учитель и поэт А. Межак.

зерна, картофеля, всем, что бывает нужно. В Эстонии самый большой цех по изготовлению травяной муки, а вот с самодеятельностью у них слабовато, наш оркестр ездит к ним играть на праздниках.

Поздравления кончились. И надо что-то сказать. Своим. Вот все они здесь. Многолетние знакомые. Виестур Екабсон, бригадир трактористов, десятник строителей Янис Ледынь, Зинта Пеховская, телятница, Эдуард Грец, тракторист.

Свои. Велта Цауне, лучшая скотница в районе. Эгил, отличник строитель. Учетчик строительной бригады Велга Вилните. Бирута Мартынь, Текла Мейкалиш, Леокадия Вилкевича, Гуна Цикате, Инара Екабсон, Андрей, Парсла, Антония... Все они здесь. И другие. Вон Лиепини — всей семьей, впятером!

Спасибо тем, кто передал трудовой навык, — старшим, учителям, спасибо теории: партийная и профсоюзная работа дала возможность убедиться в правильности курса. Без знаний и теории невозможно руководить.

Они духовно выросли благодаря теории. Благодаря внутрихозяйственному учету, благодаря сдельно-повременной оплате труда, благодаря их разработке и внедрению собственными силами.

* * *

В 1378 году крестоносцы из Кокнесе вторглись в еще непокоренную, лесистую, языческую Мадлиену. Покоренную Мадлиену назвали Альтенвог. Генрих Латышский в своей хронике называет Огре Вогеном. Орден заканчивает последнюю «чистку» огрских лесов, заковывает, принуждает, крестит в свою веру латышей той эпохи, которая запечатлелась в старых песнях.

Все латышские племена уже покорены. В 1206 году были крещены латыши Идумеи (страупенцы), в 1207 — покорены селы, в 1208 — имерийцы, в 1209 — Висвалд вынужден отдать Цесвайне и Аутинес (Цесисскую округу), а в 1214 году завоеван весь Толовский (Телвасский) округ. Яростнее всего и дольше всего держались земгалы, около 70 лет возились крестоносцы с этим упорным племенем.

Вот покорены и окраинные леса. На берегу речки Сисе ставят церковь и пастырскую мызу. Мадлиенский-Менгельский приход упоминается в 1438 году. Но существует более древний слой истории: Сиссенальская церковь поставлена на древнем могильнике. По указанию Рижской епис-

копской канцелярии в 1848 году было произведено расследование и обнаружено, что в захоронении погребены князь и рыцари (какие, чьи рыцари?). Согласно легенде, Магдалина, внучка полоцкого князя, которую считали святой, пожертвовала большие деньги на строительство церкви. Церковь была названа ее именем. И дальше, как обычно в таких легендах: что мастер за день выложит, то ночью рухнет. Мастер сказал, что Магдалина — ведьма, что ее надо замуровать в стену церкви. Замуровали ее справа от входа. От этого церковь обрела преудивительную силу. Вначале строение было маленькое, приземистое, принялись церковь перестраивать. Подвальное помещение завалилось, стали пробивать стены, обнаружили святую Магдалину — как живая, не истлела — и замуровали в алтарной стене. Когда же именно церковь начали строить, никто не знает.

По другим рассказам, Мадлиенская церковь построена в XIII веке. В 1226 году епископ Альберт отдал тогдашнюю Мадлиенскую округу с речкой Сисе Иоганну Унгерн-Штейнбергу, который женился на второй дочери Каупо, ливского вождя в Турайде. В 1250 году Унгерн-Штейнбергу разрешили построить на могиле незамужней свояченицы Маг-

дальны (четвертой дочери Каупо) церкви в ее честь.

Еще одна легенда приводит к стенам церкви сына ливского вождя Манадока, который вместе с другими ливскими воинами ночью растаскивал построенную за день церковь. Он любил Маделе, но она согласилась пойти за сына местного вассала, потому что тот был крещеный. Разрушая церковь, они обнаружили принесенную в жертву замурованную Маделе и спасли ее.

Как бы то ни было — будь то полоцкая Магдалина или ливская Маделе, — крестьяне оставались со своим культом Матерей, сохранившимся в народных песнях, и из поколения в поколение ездили сюда из далекой Пиебалги, и по-братски общались больше вокруг церкви, чем в самой церкви. В 1671 году настоятель Хаусман просит запретить безбожную ярмарку, которая устраивается 22 июля в день святой Магдалины подле Мадлиенской церкви. А в 1773 году помещики упрекали помещика Винера за то, что он допускает людей из других приходов. Те прибывают из дальних мест, как бы приравнивая святую Магдалину к своим Матерям леса и Матерям ветра, и просят настоятеля оборонить их от всяких колдунов, что священник и выполняет. Комиссия предложила священнику не культивировать суеверия и внушать молящимся, что молитва доходит до неба вне зависимости от места и церкви.

Христианская вера не выросла на земле Латвии могучего древа. Об этом говорят стремительно опустевшие в советские годы церкви. Как только церковь отделили от государства, она в Латвии умерла. Поэтому безразлично, были ли занесены первые семена христианства из Полоцкого княжества или с кораблей крестоносцев. Как бы то ни было, в силе остается латышская песня:

Я на выгон в день воскресный
Легонький беру туманец;
Как чужой народ поедет,
Я укроюсь в тот туман.

Нет, это не невежество. Это способность уберечь, прятать в защитную убежденность лучшее, что есть в человеке. Ни одна церковь ничего подобного не давала. Этика народа и народной песни жила своей отдельной, параллельной с церковью, жизнью.

* *
*

Меня тревожит болезнь, известная во всем мире, — отчуждение. Это, во-первых, городская болезнь — одиночество на людях, не в лесу, не в пустыне, не в своем хуторе, не на ферме со скотиной, а в большой людской массе. В новых поселках городского типа ее надо искоренять уже сейчас. Замечено, что люди тут

утрачивают хороший сельский обычай: при встречах здороваться со всеми. В новых домах соседи, как и в городских квартирах, начинают сторониться друг друга. Это естественное следствие «физической уплотненности». Поэтому уже сейчас надо исследовать, как в новой структуре образуются «малые группы» и какова «психология малых групп». Раньше водились по социальному положению, по богатству или профессии, а теперь, в новых поселках — кто с кем? Это социальное отчуждение, но происходит и отчуждение от природы, например в мадлийском детском саду нет ни леса, ни парка, ни реки, ни канавы. Где муравьи, где лягушачья икра, где птичьи гнезда? Где бабочки, где ручей, который можно запрудить?

Почему ученые из разных концов страны приехали со своими проблемами сюда? «Мадлиена» объективно — «средний» совхоз, 100 километров от Риги, земля — ниже средней ценности. В деревне живут 24 тысячи, но непосредственно в сельскохозяйственном производстве заняты только 7,5 тысячи. И им-то приходится заботиться обо всем: чтобы были столовые, детские сады, школы.

* *
*

Юлий Белявник защитил диссертацию. Приехал такой помолодевший, улыбающийся, точно десяток лет с плеч скинул. С ним Эгил, Ояр и научный руководитель из Риги. Отлично прошла защита, сразу видно.

Затопили мы камин. Чокнулись над дубовым венком на столе. Ояр в радостное состояние глубже всех погрузился, для него мир сейчас такой большой, нарадоваться не может, все у него монтируется и вступает в самые неожиданные связи. Ояр человек умный, артистичный. И ведет хронику Мадлиены. А этот день войдет в историю не только Мадлиены, но всего сельского хозяйства Латвии! Вопреки всем бедам — выдержка и неотступное основоположение! «Неотступное основоположение» — это находка Ояра в области искусства слова. Да какого там слова, искусства жизни!

Вилнитис, Эгил Вилнитис — инженер-строитель. Он всегда был правой рукой Белявника. Улыбчивый, спокойный и расторопный. Сочетание почти невозможное: спокойный и расторопный.

Я спросил: а зачем вообще-то Белявнику это ученое звание?

Научный руководитель сказал: для большей реализации возможностей, тут степень помогает.

Эгил сегодня разговорчивее обычного. Я помню, как сказали подле Веренского дворца: «Каждому хозяину надо дать по дворцу, и по тому, как этот дворец будет выгля-

деть, можно будет судить, что он за хозяин». Так и с диссертацией. Каждому хозяину надо дать по теме для диссертации, и как он ее реализует, так и судить о нем.

Эгил часто произносит «мы». Это хорошо, чувствуется, что уже выработалось такое мышление. Геройское «я» он не принимает.

Ояр разгуливает с фотоаппаратом. Какие снимки есть у Ояра дома! Туман над Даугавой! Такие проселки, которым асфальт и не снился! И какая скрипка у Ояра дома, глубокая скрипка, небесная скрипка, ночная скрипка! Ояр играет, в «Ниве» вянут преподнесенные цветы, а неподалеку на кладбище есть могила Каулиня, а Юлий у него работал, и все эти цветы полагаются Каулиню, черт бы всех побрал, ведь у него же сегодня ни цветочка на могиле!

Ояр, Юлий, скрипка, Эгил, еще кто-то следуют с цветами на кладбище и что-то возлагают, и бутылку тоже. Полковнику лиелвардской ржи. Колхозному епископу. Первосвященнику Эдгару. Колхознику Верховного Совета. Темно. Мы, ребята, все вместе. Мы, ребята, на той ступени сознания, когда нет ни живых, ни мертвых, говорит Ояр своей скрипкой.

* *
*

— Работа — это работа, — говорит дорожный инженер.

— ?

— Работа — это работа, так ведь?

— ?

— Старик говорил: «Это работа», «это не работа».

— ?

— Дед учил меня забивать колья: сдери три полоски коры и загоняй, — это работа. Нынче колья загоняют, а три коры не снял — и это считается работой.

Или — аккуратно навить стог, со стоком. Это работа. А теперь — набросали как попало; ведь все промокнет. И это тоже работа. Будто батраки, которые назло хозяину навивают стог так, чтобы вода затекла в серединку — пусть гниет.

И я вижу, Эгил загорелся. Все от людей зависит! Почему вопрос о том, оставаться ли в деревне, решается только в самой деревне? Почему его не решают в городе? Если бы из детей этих 200 шефов, что на уборку приезжают, хоть один ребенок оказался в деревне, и того было бы достаточно! Пришел бы толковый человек, даже получше, чем в самой деревне имеются, ведь он по желанию своему!

Почему крестьян (почему!) так односторонне надо ориентировать, чтобы они оставались в деревне? Пусть уходят, пусть приходят в деревню так же, как деревенские уходят в город! Пусть циркулируют! Это будет правильно! А пропагандировать

надо одновременно — и в рижской средней школе, и в мадленской. Какой-нибудь рижский ребенок может вырасти куда лучшим и полезным землеробом, чем здешний, крестьянский. Все передовики и герои труда там, в городе, из деревни пришли.

Главное ведь что — то, что латыш, он по натуре не бродячий человек, и это помогает выдержать линию. Прикрепи его к одному месту, и он тебе будет работать как положено, говорит Эгил.

Вилнитис умеет работать, это надо признать, его даже никакими разговорами не собьешь, он свое дело отстоит, говорят про него.

К Вилнитису я еще загляну в другой раз. Слово ведь чего-то недостает. Ну, еще какого-то кусочка. Насчет жизни нам потолковать не удастся. Так, уж тут: в доме все углы заняты. В одном — телевизор. В другом — телефон. Женщины, они ведь как пришли с работы, и тут же — говорить, говорить, говорить.

Такая вот здесь жизнь. Точно такая же, как и в городской квартире. В третьем углу книжный шкаф с книгами и сувенирами, всякими экскурсионными пустяками, в четвертом — цветы, большой горшок и маленькие горшочки. Комната мальчишек — там уж свой собственный порядок.

Да, в мальчишечьей комнате этого усредненного городского образа жизни не чувствуется. Свежее, личное, деревенское здесь ярче проступает. Вилнитис шутит, как доктора говорят: «Несмотря на все наши усилия, они все же выздоровели».

Здоровы все трое, но самый активный Янчук. Класс их только что совершил поход. Получили значки «Юный турист», четыре палатки. В первую ночь был карнавал. Девчонки концерт подготовили, ребята — в разбойников обрядились, ну и всякое такое. Ночью стояли в карауле, трое парней на моледах нас все время сопровождали, мы в пути всех пугали. Вот бы каждый год так!

У Янчука глаза горят, хочется рассказывать и делать великие дела. Уже по разговору видно, что он ездит на все слеты. Глаза горят, мысль так и бьется, но ведь каждое утро надо четыре часа полоть.

А еще на попечении Янциса свиньи. В отдельной загородке. У Айгара — кролики. Маленький Гунтар говорит: и я дружу со свиньей!

Ну, Гунтар, он феномен! Я говорю: начерти круг — это будет мир, и поставь в круге крестик — это ты. Напиши: «Я». Готово? А теперь поставь еще несколько крестиков: что есть в мире, что тебе нравится? Гунтар поставил еще два крестика: мотоцикл и машина. Потом подумал — и еще один. А это что? Дорога! Айгар спокойнее и скептичнее. Он ни в какие эмоции не вдается. Кролики? Это не трудная работа, а, скорее, развлече-

ние. Когда я совсем маленький был, мы их еще и тогда держали.

— Так все лето при кроликах и будешь?

— А что такого? Вот только если все вместе куда-нибудь поедем, тут уж придется как-то изворачиваться, с приятелем каким-то сговориться.

Вилнитис показывает стоящие на шкафу гигантские тыквы, их тоже Айгар вырастил. Но мальчик и тут отмахивается: тыквы — это так, между прочим.

Ребята у Вилнитиса растут очень живые: младший — философ, средний — общественный деятель, старший — вершитель великих дел. Семья Вилнитиса «отражает общество» в правильных соотношениях.

Придя в общежитие, я повалился на койку и нашел у Индрика Страумита место, где говорится про тот самый лес, по которому Янчук совершал поход, ночевал в палатке, где ребята изображали индейцев и дикарей. Вряд ли учительница им в тот вечер прочитала что-нибудь такое. Вряд ли. В краеведческих папках мадленской школы этих поисков что-то не видно. А ведь азбуку страданий надо знать.

«К назначенному часу начинали собираться люди всякого разбора: охотники на конях, охотники пешие, а кто в санях, в телегах, в дрожках и все с ружьями. А мы, тончие, все пешком, но также не без орудий... У кого колотушка из старой лопаты лифляндского происхождения; у кого кусок неизвестно откуда добытой ржавой жести; у кого высушенный пузырь с несколькими в нем горошинами; у много трещотка, у другого пучок лучины, а у иных просто палки, которыми ударяли в лесу по каждому дереву.

Наряды не стану описывать; их может видеть читатель у нищих на деревенских ярмарках и церковных папертях... Дырам и прорехам не было ни счёту, ни меры.

Поведет, бывало, лесничий эту мохнатую, полуголодную, двуногую стаю всех возрастов и полов, в том числе и таких, о которых на вид трудно было сказать: что это, мальчик или девочка! Собьет в ряд на расстоянии ста и более метров, ведь лес велик, отдаст приказ: шуметь как можно больше и громче, не забегать вперед, не сходитьсь в кучку, не отставать и т. д.

На опушке стояли охотники, притаились, как коты, завидевшие мышонка: тут и помещик, и пастор, корчмарь, доктор, управляющий, аптекарь, староста, мужик сотский, сын помещика, сын пастора, лакей и т. д. Им было хорошо, потому что у всех была с собой закуска и фляжка. А спросите-ка: нам, голодным шакалам, каково было бежать со страхом и трепетом, падая, озираясь, увязая, засоряя глаза, царапая лицо, путаясь

в сучьях сосен и ельника, перелезая через повалившиеся деревья с огромными сучьями, за которые иной раз уцепишься и повиснешь в воздухе. Чем дальше, тем хуже. Сгоряча не считаешь, ведь целый день или два нужно выдержать. Перевалит за обед: вспомнишь, что сунул за подкладку старого отцовского камзола корку хлеба. Хвать, туда, сюда: нет, потерял.

Рубашонка взмокла от пота и сыплющегося с еловых сучьев снега. Грубые порты тоже мокры. Ноги, лапы откалываются служить. Сам голоден. Становится невыносимо. Отцовский камзол отказывается греть...

Спустишь засученные рукава, так что руки кажутся длиннее всего туловища: нужно согреться, но нет, холодно, невыносимо холодно, весь окоченел! Голос отнялся, сил тоже нет, и начинает уже клонить ко сну. Кончилась наконец охота. Иди домой! А дом-то далеко, и будто нарочно уходит все дальше и дальше во тьму ночную. Темно! Страшно! Что делать! Разумеется, затащить ту песь, с которой родился на божий свет. Она начинается с буквы «ы», тянется долго, но больше вы ничего не услышите».

1842 год. Индрик пока не попал в Ригу. Рижский епископ Филарет еще

● Бригадир В. Берзинь.

не открыл православное духовное училище и еще не пообещал матери Индрика, что один из ее сыновей будет принят, «а если будет угодно богу, то станет и священником». Училище находилось подле Верманского парка, в одном из лучших кварталов Риги, название золотыми буквами на синем поле — по-русски и по-латышски.

Индрик пока крепостной.

«Помню как теперь: в последний раз я был на облаве в ноябре 1846 года. В этот раз оказался не так ретив в начале охоты и не так плаксив в конце. Но какая-то невыносимая тоска сопровождала меня туда и обратно. Не знаю: какая тому была причина? То ли, что хозяин погнал меня вместо своего работника, должно быть, на том основании, что мы у него занимали квартиру великолепную, при самом овине, без фундамента, без дверей, с прогнившею соломенной крышей! То ли, что мать моя была больна после двукратного тюремного заключения в Риге, больна, при смерти и некому было подать ей напиток? То ли, что я уже был в это время не сын хозяина, а сын горемычной, обиженной до глубины души, ограбленной самым наглым и бесчеловечным образом, истерзанной, измученной, больной бобылки? Тоска по доброму отцу, который лежал в сырой, дальней, чужой земле, оставил нас, не сказав последнего «прости», не благословив! То ли, что в то время я был уже православный и что все надо мной смеялись? А поводом к насмешкам послужил святой крест довольно большого размера, который предательски высунулся из моих лохмотьев. Его заметил управляющий и показал другим, проговорив громко, внятно и ядовито: «Вот и эта собака пришла со своим кламбером!». То ли, что этот самый управляющий был одним из первых виновников постигших нас бедствий? Что тут были налицо все злоумышленники и лжесвидетели, сгубившие моего отца и нагло радовавшиеся своему торжеству! То ли, что мы собрались в той самой деревне, где недавно радовались, а после горевали на похоронах отца! То ли, что на воротах бывшего нашего двора видны еще были трещины и дыры от действия лома и насошников, которыми взломали двери среди бела дня, чтоб вынести наше имущество и продать его с аукциона! То ли наказ, что я должен был гонять зайцев в тех самых болотах, где я еще так недавно пас стадо моего отца, резвился, зяб, голодал, насыщался, радовался, словом, жил, как малый лесной зверек...»

Это «Записки православного латыша Индрика Страумита», относящиеся к 1840—1854 годам. Точно мы не знаем, то ли это годы событий, то ли годы написания, но наверняка —

один из отчаяннейших воплей того времени. И его не удалось заглушить! В 1868 году историк Юрий Федорович Самарин включил это произведение в свое издание «Окраины России» и напечатал в Праге (вероятно, в Москве не удалось, потому что Самарин осмелился в послесловии высказать неприятные для самодержавия мысли о переходе латышей в православие).

Церковь в латышском восприятии была каким-то нелепо-диковинным, противоестественным, бесчеловечным, жадным чудовищем, злобным и несуразным.

«Как бы то ни было, — писал Индрик Страумит, — латыш проснулся; ослабленный зашевелился; юридическому откуда-то дался голос; он заговорил разумную, грозную речь; и все лифляндское духовенство как будто стонуло со своего пьедестала, с крепкой своей позиции. Сперва говорили про себя, потом заговорили между собою, но тихо и осторожно, потом все громче и громче, не только в глаза пасторам. Говорили, конечно, не все, а сколько-нибудь начитанные, но эти немногие говорили за всех и то, что чувствовалось всеми. Говорили они вот что:

«Вы нас предаете, вы гнушаетесь нами... Пьянство и пьянство! Все один упрек. Правда, мы одурели от пьянства, но что бы вам подумать и о причине... Везде корчмы, куда ни помотришь, в деревне, в поле, даже в лесу. В самые храмы божьи лезут корчмы и уж успело сложиться поверье, что кирхи нельзя построить, не поставив прежде рядом корчму.

Посмотрите еще: стоит огромная, великолепная кирха, и против парадных дверей или алтаря — **п о з о р н ы й с т о л б!** Высокий, черный, с двумя крест-накрест пучками розог на верхушке; большие кольца, цепи и две дыры. Ну здесь ли ему место? Не оттого ли вам понадобилось иметь его под рукою, что вы привыкли в своих проповедях указывать на него чаще, чем на священное писание!»

* * *

...У Мадлиены есть свои «идейные места». Места катарсиса. Куда может прийти сегодняшний человек и почувствовать себя более великим, чем повседневно, приобщиться к Всечеловеческой Устремленности, к Действию. И неважно, прошлое это или будущее. Главное, пусть это рассказывает о причастности к идеям, к человеческой нескончаемости, о современности, о подъеме человеческого, о законах человека и законах чести. Что такое идея? Идея — это большое «КАКБЫТОНИБЫЛО». Мы, несмотря ни на что, как бы то ни было останемся при своем: великие природные законы священны, и священо то место,

где мы во имя человека будущего свидетельствуем их истинность.

* * *

...Админьская гора. Деревья распускаются! Ольха — зеленое с серо-лиловым. Сочно-зеленая черемуха в лиловом ольшанике. Черемуха первая зеленеет и первая зацветает. Липы набухли, притемнились, ало-бурые, алое у них от темно-красных свернутых почек. Клены цветут яркие, как аквариумные рыбки. А дубы сквозь зеленицу проступают черные, как рыцари. Вот никогда не видел, как вяз цветет, он как-то всегда украдкой норовит это сделать, а нынче все цветет сразу: прямо на высоте всадника плывут навстречу вишнево-красные, вишнево-коричневые гроздья. Просто невероятно, сколько чудес — и где? А везде.

Когда въехали на вершину, открылась Видземская Латвия, Видземская возвышенность — откосы, краски взгорий, четырехэтажная, пятиэтажная весенняя живопись. В самом низу густая зелень черемухи, потом прозрачная — ольха, потом мотыльковая зелень берез, там и зеленица, и прозрачность. Посередине голые светлосерые полосы осин. Земля — бурая, березы зеленые и ели вечнозеленые! Ребята, бросайте экзамены и бегите на Админьскую гору! Учитель, приведи ребят, создай разведывательный патруль, чтобы каждую весну дежурил на Админьской горе и в нужный момент затрубил бы в берестяной рог. Чтобы директор тут же позвонил в диспетчерский пункт совхоза, и вся школа на автобусах, пешком, на велосипедах отправилась смотреть на Кульминацию Весны. Пусть смотрят, покуда можно. Летом этого уже не будет. И в жизни такого уже не будет — надо будет пахать, сеять, возить навоз, и уже глазеть по верхам некогда. Мы в самый нужный момент в самом нужном месте. Ты глянь, как дубы перекликаются с окрестных холмов. Такое чувство, будто ты саму богиню Мару встретил, вот такое это чувство. Сармите тоже сидит верхом и рот от изумления раскрыла. Никак не ожидала подобное увидеть. А ведь впереди еще будут солнцестояния, зелень станет куда гуще, яблони сплошь цветом усыпаны, будут большие грозвые лужи, светлые лапки у елей постепенно потемнеют, на болоте зацветет валериана, у птички крапивника появятся дети, ночная фиалка пойдет. И опять все сразу: брусника зацветет и багульник, рябина и марьянник.

Едет всадник вольным шагом,
По лесу ступает конь.
Всюду птички разговоры,
Сосен золотой огонь.

* Рогатка на шее.

Всаднику не до того,
Он не видит ничего!
Лес наполнен голосами,
Дятлу в такт звенит сосна,
Дрозд печальным чем-то занят,
Далеко слышна желна.
Всаднику не до того,
Он не слышит ничего.
Май теплом повеял снова.
Каждый сук облит смолой,
От багульника хмельного
Теплый вечер сам не свой.
Всаднику не до того,
Он не чует ничего.

Едет Йоргис, и просыпается в нем стихотворец. Кто именно из его внуков, этого Йоргис не может знать, но один из них все записывает.

...Я хотел рассказать о Мадлиенском культурном слое, о том, что здесь работают не только агрономы и механизаторы,— здесь делают свое тихое дело книжники, стихослагатели, умельцы вить венки, охотники выписывать маленькие акварельки, тихие ценители искусств и литературы. И если бы каждый десятый, да хоть бы и сотый, мог рассказать не только о себе, но и оставить пусть небольшое свидетельство о своем роде и о своем окружении, каким интересным сделался бы мир в любом его проявлении!

В этих местах нужно посадить дубки. Появилась бы еще одна из зарождающихся советских традиций — посадка дуба предков на молодежных праздниках, по торжественным дням в школе, на празднике урожая, в день свадьбы. В конце концов, неужели трудно себе представить: ведь и мы будем когда-нибудь предками — для них, для других.

...На фундаменте бывшего пастората построена эстрада. Здесь празднуют Иванов день, устраивают различные торжества. На сей раз проводит праздник детсад. Веселится тот, кто хочет и кто умеет. Нет сборища любопытствующих, толкотни, поисков чего-то. Солнечный день, свободные мамы с ребятами, бабушки, ребяташки на сцене устраивают игры, зрители вместе с ними переживают, все свои. Отцы косят сено — но сейчас подошли к эстраде. Это же событие! Должно быть праздничное место, именно для праздничных случаев и праздничного настроения. Здесь так и есть. Во всех ли семьях учат устраивать семейные маленькие празднества — именины, день рождения, первый снег, день первой бабочки, день первого ревеня, первый весенний день, день букашек, день первой дойки коровушки, день молодого картофеля, день карабканья по деревьям, день выхода на лед, день солнцестояния? Хватает ли нашим детям и нам самим торжественности, способности видеть и отмечать необычность этого дня?

* *
*

Сын сиссегальского органиста Фридриха Гуна Карл рос в красивой и гармоничной среде. Пятидесятилетний органист Фридрих, высокий, седой, похожий на всех немецких сельских учителей, в длинном черном или сером сюртуке, с очками на носу, задает тон перед пением хора. В свободные минуты нюхает табак из табакерки. При надобности замещает учителя в школе, но большую часть времени проводит в своей столярной, мастерской, сооружая органы для церкви и чиня церковные часы. Изделия его славятся даже в дальних краях изяществом и основательностью. И еще он настройщик роялей и органов. Делает и мебель, и инструменты. Время от времени замещает священника, читает пастве проповеди, крестит детей и отпевает покойников. Никогда ни с кем не ссорился, никого умышленно не обидел, всегда спокойный, довольный своей судьбой и веселый. У него четыре сына, старший — Карл. Мальчик рисует на стенах, на дверях и окнах, на всем, что подвернется. Но ни родители, ни священник ничего особенного в этом не видят. И надо же было, чтобы через Сиссегаль проезжал петербургский профессор Миддендорф, увидел рисунки на стене старой школы и велел остановить экипаж. Посмотрел рисунки Карлиса на бумаге. Так, по рекомендации Миддендорфа, Карл Гун с 1852 года — студент императорской Академии художеств, с выдающимся усердием учится рисунку и живописи, кончает курс с большой золотой медалью за программу «Софья Витовтовна на свадьбе Василия Темного». В 1868 году в парижском Салоне выставляется его картина «Канун Варфоломеевской ночи». Никто еще не пытался усмотреть в этих всемирно известных картинах, изображающих резню на почве веры, реминисценции Бебрского бунта. В его творчестве очень уж близко стоят эти зверства 1572 и 1841 годов. Кровавая история религиозного фанатизма не могла не оставить в сознании десятилетнего мальчика своего следа. В Лейпциге, Праге, Дрездене, Мюнхене, а особенно в Париже, Гун раскрывается романтиком, стяжав признание в искусстве своего времени. Его письма из Парижа в Петербург говорят о самосознании большого художника и гражданина.

Сегодня хочется обнаружить и осознать, какие же проценты вернул этот мадлиенский мальчишка. Как привязать этого всемирно известного академика живописи, тонкого исторического живописца к тому месту, откуда ушел он в широкий мир. Насколько известно, в годы учения он работал над народными типами для этнографического альбома библиотеки Академии художеств. Сохранился ли этот альбом? Есть ли в нем

латышские типы, может быть, даже из Сиссегалья?

Надо спросить Ояра, он неустанный следопыт, созданный им краеведческий музей в Сиссегале скоро будет завершен.

Вернувшись в Россию, Гун посещает Москву, Нижний Новгород, Симбирск. В 1873 году он расписывает потолки в Аничковом дворце. Еще до заграничных поездок вместе с Верещагиным работает над иконостасом Покровской церкви в Елабуге. А что же осталось Мадлиене? Наивный, но вполне естественный вопрос.

Я думаю, настало время — во всяком случае, в таком крепком и богатом хозяйстве, как «Мадлиена», устроить в заброшенной, но еще не разоренной церкви постоянную художественную выставку. Гун написал алтарную картину и для Крапской церкви и в здешней церкви освежил алтарную картину, ту самую картину, которая сейчас отдана на временное хранение и консервацию в Ригу. Да, в Крапской церкви, ныне концертном зале, нет постоянного температурного режима. А в Мадлиене он будет. Для местных работ Гуна должна быть и местная экспозиция. Так же, как для витражей мадлиенца Карлиса Бренцена. И рисунки Эдуарда Бренцена, его сценографические макеты. Потому что Рига — не единственное место, где можно приобщаться к культуре. И не только районные городки являются неоспоримыми хранителями культуры. Для Мадлиены пришло время (а теперь есть и возможность) иметь свой выставочный зал. Для искусства, которое отсюда вышло, — для композитора Карлиса Кажоцня, для художников Карлиса и Эдуарда Бренценов, для Карлиса Гуна.

* *
*

Смерть, как и жизнь, — и возвышенная, и трагичная, и буднично заурядная. Небольшой театр с кладбищенскими воротами. Трагическое с комическим смешано в самой жизни.

Сосед везет меня к Саше Микельсон, она заведует кладбищем. Ямы распределяет, как выражаются сохвозные говоруньи.

Саша Микельсон сидит у стола, руки на коленях. Кухня чистая, на столе блестящая клеенка.

— Насчет погребения, что ли?

— Нет, нет, не погребение. Просто я ищу могилу Роберта Цирулиса.

— Вот не вовремя! Как раз сегодня двоих хоронят, в четыре и в пять, а мне корову надо к быку вести. И отложить ничего нельзя. Магнитофон в часовне надо наладить и все такое!

— Я пока к Вилме схожу, она венки

● Бабушка Вилма.

● Мадлиенская труженица Анна Большак.

плетет, только вот будет ли у нее время со мной разговаривать?

— Вряд ли. Некогда ей.

Тогда я сказал, что иду к Межаку, старому учителю, он красивые стихи для похорон сочиняет.

— А разве Межак и стихи пишет? Ой, тогда и мне надо будет зайти, пусть и на мою кончину напишет!

Тут белые бабочки уже не летают, а порхают те, что с черной каемкой. Будто лилии брошены на могилу. Это верно, дальше могилы они не уходят. А может, так и надо писать. Ведь как раз от этого так себя жалко становится, и боязно как-то.

Как много умерших! Их больше, чем живущих!

Ужели же и я улягусь скоро здесь! Какая тишь за летом лет бегущих И даже неба синь иная, чем везде.

Ах, где еще взлетит кукушкин голос сочный!

Где иволга к дождю всплакнет в тоске своей!

Где филин ухнет вдруг в глуши лесов полночной!

Где звонкий мадригал просвещает соловей!

И яркие цветы — как символы печали, И перегной листья — для тех цветов живых,

Все призывает нас, чтоб мы не забывали Сменивших жизнь на смерть и поминали их.

Саша на минуту примолкла, как-то сжалась в этом царстве высоких деревьев и белых дорожек. Она знает, что здесь место великого сведения счетов, ворота успокоения. Но жизнь, полная схваток, не позволяет так легко утихомириться, и Саша вновь принимается снова и что-то улаживать. Она здесь управляющий. Фактически что-то вроде бригадира.

— Это все я опиливала, эти вот липки. Мы с внуком. Сын живет в Риге, но внуку больше здесь, у меня, нравится. Я его вырастила, выучила. Он уже после службы вернулся, женился. Харис и Андрис — правнуки. А когда младшая сестра у меня умерла, ее сынишка тоже оказался у меня.

Саше 75 лет. Сухая, шустрая женщина. За домом она ходит. Все в порядке и чистоте. Сдает комнату

автобусному парку, что ли, шофера дальних рейсов там ночуют. Выгодно? Да уж конечно. Говорят: Сашечка, она знает, что выгодно, и кладбище это себе подобрала потому, что выгодно. Ну уж тут другое дело. Всю свою энергию, можно сказать, перенесла на кладбище. Другой у этих ворот отказывается от всего, входит или жизнью измученный, или вечностью просветленный, тихий и безвольный.

— Очень хочу дорожку сделать вокруг всех могил. Людям легче будет — землю подвозить, памятники. Белявник обещал, сказал: вот кончим с мелиорацией, тогда. И вот вроде бы кончили, так на тебе — дожди полили, потом земля раскисла, а он все в спешке.

Человек она неумный. Всю жизнь проведя в непрерывной деятельности, никак не может допустить, что на сем кончается видимая всем человеческая забота и начинается нечто иное. Саша на службе жизни до последнего и работает там, где одни плачут, другие боятся, третьи уклоняются.

Таков уж нрав: все надо делать до конца и основательно. Так про Сашу

и в поселке говорят. Со всем справляется. С бедой и с работой.

Саша говорит:

— Я директором довольна. Помню, пришел он, простой парень, в солдатских штанах, носился сломя голову на мотоцикле. Похоже, что и сейчас хорошо управляется. Вечно что-нибудь новое вводит. Бегаёт, и делает, и учится. Простой, всегда как с человеком с тобой говорит. Я им довольна. Как-то хлев у меня завалился, а он: поговори с инженером, это можно уладить.

Я прощаюсь с Сашей и иду искать знаменитую мастерицу по венкам Вилму.

— Племянник мой, сестрин сын, ехал с выпускного вечера — и разбился. Из машины выпал... Он приемный у нас был... Вот я и решила сделать самый красивый венок на свете, какой никто не может сделать. Вот с той поры...

...Венки стоят в клетке, словно упавшие звезды. Странные ассоциации: вот сейчас выйдет Маленький Принц, или Синяя птица влетит, или еще что-нибудь такое произойдет. Потому что эти венки действительно такие романтические, возвышаются над ощущением смерти и скорби.

Нельзя сказать: Вилма могла бы стать большой художницей. Вилма уже большая художница. Я нигде не видел таких венков.

До 70 лет я проработала в хозяйстве, рассказывает Вилма. А теперь, изо дня в день руки ее не перестают сплетать хвою в зеленый круг.

— Это ничего не скажет, если я укажу, какие цветы в каком венке, это каждому надо увидеть. Ужасно только, что надо кому-то умереть, чтобы у него появился такой венок. Ой, господи, сплунуть скорей и не думать об этом! Тогда что же, устро-

ить выставку таких венков? Но это же нереально. Просто оставить все как есть!

Где-то на отшибе, в клетке, работает одна неумная латышка, которая за 75 лет еще не успела удовлетворить свое стремление к красоте. Не пошло оно на свадебные миртовые венцы, на венки у стропил новых домов, на венки в Иванову ночь, на венки для передовиков — так уж получилось. Судьба сулила Вилме одинокую жизнь — без фейерверков, без цветов под ноги. Жизнь Вилмы серьезно заключена, ограничена острой хвоей и в одну сторону, по ходу солнца. Вся обычная жизнь, будничная, с телятами, резиновыми сапогами, ранним вставанием — это, так сказать, голая основа венка. Венок как венок, но далее следуют несокрушимые цветочные вплетения. Тут сказочная девичья пора и тайные радости, праведный гнев, никем не услышанное звонкое пение в лесной глуши. Фиалки с ландышами, сладкая любовь с рисами. Белые гвоздики на фоне сирени. Венки — это дневник Вилмы. Слегка замаскированный, прикрытый красотой дневник. Какое-то время мне кажется, что я могу его прочесть, но потом цветы опять уходят в себя и остаются одни названия: снежный ком пиона да розовая гвоздика в брусничнике.

Разговор идет самый деловой.

— Сейчас я на каждый венок, который делаю, так смотрю — что в нем больше всего нужно. Над каждым венком и над каждым делом нужно думать. Иной раз вроде и ни к чему, переходи от одного цвета к другому.

Нас тут уже четвертое поколение мастеров, сами цветы выращиваем. Ах, как нам теплица нужна, вот как

нужна! Такое большое кладбище, все цветы требуют. Знаете, дома в комнате у меня тоже много амариллисов и кактусов, они зимой красиво цветут. В саду флоксы всех цветов. И ломонос. Это садовая гортензия с широким листом. И гипсолюбка, старики ее звали «невестина кисея», «венчальная фата». Астильба и астры трехцветные: золотисто-желтые, оранжевые и обычные лиловые. Далии на этой неделе заморозки побили. Ирисы, дицентрия — разбитое сердце, гладиолусы, нарциссы, дикая гвоздика. Марь красная. Сантпаулия. Монтбреция. Люпин и белые колокольчики. А на поле я собираю колоски, в лесу — вереск, вереск — это наш бес- смертник.

...На двор въехал грузовик — за венками. И их увезли. Навсегда. Но венки, они — как родники, вновь из глубины извергают сами себя, они возрождаются у Вилмы и возрождаются. Это нельзя назвать и любовью к цветам.

У Вилмы другое восприятие. Потому что понимаешь: венок с тобой не остается как твой цветник. Венок — уже обращение. Цветок, который в венке вынырнул, уже говорит с вечностью.

Как многие художники — большие люди в своем деле, так и бабушка Вилма велика в своем. У нее никогда не бывает двух одинаковых венков.

Вот бы такую бабуся воспитательницей в детский сад, подумал я. Чтоб приучала детей к цветам, к искусству цветов. Или хотя бы приглашать ее в школу, чтобы читала лекции про мадленскую «икебану». А то что получается: самое красивое вплетается в траурный венок, а не в букет для праздника молодости.

Перевел с латышского
Юрий АБЫЗОВ.

«Наливочка»

В эпопею С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» есть такой эпизод. Знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов ехал в сражающийся Севастополь. По дороге он остановился в Симферополе и зашел перекусить в буфет гостиницы «Европа».

Переступив порог, Пирогов услышал пение. Сильный густой бас старательно выводил:

Настоечка двойная,
Настоечка тройная...

— Это поет семинарист, — убежденно сказал Пирогов, остановившись между колоннами и слушая, как в пролет лестницы несется море звуков.

Неодобрительно покачал головой швейцар, а Пирогов, когда певец замолчал, повторил:

— Семинарист!

Тут швейцар доверительно и сокрушенно пробормотал:

— Еромонах-с!

— Еро-монах? Та-ак! Я прав, значит. Редко бывает, чтобы иеромонахи не были раньше семинаристами, — заметил Пирогов*.

Песня на слова поэта Ивана Мятлева, о которой идет речь в «Севастопольской страде», пользовалась широкой популярностью в духовных учебных заведениях. В едких сатирических куплетах высмеивался профессиональный порок русского духовенства — пьянство.

Стихотворение вначале долгое время распространяли в рукописных списках, напечатано же оно было впервые в журнале «Исторический вестник» в мае 1914 года.

Вот начальные куплеты:

Наливочка двойная, наливочка тройная,
Сквозь уголь пропускная, очистительная!
Лишь стоит ее выпить, само собой
звонится,

И хочется молиться — умирительно.

Я как-то раз напился да так-то

раззвонился,

Что батюшка бранился непочтительно.

Его преосвященство и с ним все

духовенство

Спилось до совершенства положительно.

Наш сам святой владыка подчас не вяжет

лыка

И так поет он дико — удивительно.

А батя благочинный заходит в шиню

винный

И пьет на пятиалтынный очистительной.

Коль поп и в камиллавке валяется на

лавке,

Так нам уж и в канавке извинительно...

В. ШУМОВ

г. Каменск

Ростовской области

*См.: С. Н. Сергеев-Ценский. Собр. соч. в 12 томах, т. 5. М., 1967, с. 364—365.

В сборник, вышедший на русском языке в издательстве «Молодая гвардия», украинский поэт Борис Олейник включил лучшее из того, что он создал на протяжении своей творческой жизни. Называется этот сборник «Доля».

Слово «доля» синоним «судьбы», только в нем сильнее элемент драматичности. Поэтому и название сборника звучит символично — поэт видит жизнь как переплетение сложных коллизий, в которых человек волен и обязан проявить свое достоинство, свое жизненное назначение. Но сложное путь человека в истории, причудливы, драматичны, а порой и трагичны последствия человеческих свершений и открытий.

Мы славим в одах празднество огней,
Но всех пускать на этот праздник рано,
Ведь тот огонь, что дал нам Прометей,
Когда-то сжег великого Джордано.
[«Его на скалы бросили, кляня...»]

Человек должен ощущать ответственность перед собой, близкими, современниками, историей.

Но ведь если зарастают
Все страданья и обиды
И уже не помнят внуки
Всех прославленных имен,
То тогда для них могилы —
Просто каменные плиты,
Просто символы минувших,
Полусказочных времен.

[«Урок»]

Если бы такое «выпадение памяти» случилось, каждому новому поколению пришлось бы приобретать нравственный опыт с нуля. Но это не так. Нравственный опыт, принципы передаются детям родителями, учителями, его хранят художники в картинах, поэты в стихах.

В «Притче о славе» поэт рассказывает об эпизоде войны запорожских казаков с войском турецкого султана. Казаков осталась лишь сотня, «как последняя слеза». И нужен храбрец, который повел бы в бой, ударил «турку в спину».

Только не обманешь доли:
Коль и сокрушим капкан,
Многих нас со смертью в поле
Обвенчают ятаган.

Казак Нетяга возглавляет казаков, и они побеждают. Кошевой в награду отпускает Нетягу погулять. Дед, отец и мать предупреждают парня:

Гопаком с утра до ночи
Жарь, чтоб знали панычи!
Напрямик чеши что мочи,
Лишь... могил не потопчи...

Расхатай тыны до света,
Сытых трупней прочи!
Лишь смотри, сынок, при этом
Ты... своих не потопчи.

Черноброву по отаве
На лихом коне умчи
И — гуляй, сынок, на славу!
Только... рожь не потопчи.

Извечно святы для каждого народа понятия: могилы предков и то, что окроплено народным потом, — хлеб. В этих понятиях — и история народа, и его многовековой опыт. Каким бы ты ни был героем, не будешь чтить их — и подвиги твои будут героизмом ради героизма, не более того...

Прометей, Джордано Бруно, казак Нетяга — эти персонажи не случайны в стихах Олейника. Тема человека, которого жизнь поставила в ситуацию, когда нужно выбирать: сохранить верность своим принципам и погибнуть или отказаться от них и остаться существовать, — занимает большое место в творчестве поэта. И лишь те персонажи его стихов — настоящие герои, которые остаются верны высоким нравственным традициям. В этом поэт видит залог бессмертия и того дела, которое творит человек.

Один из героев поэзии Б. Олейника — Микеланджело. Как известно, папа Юлий II поручил художнику расписать купол Сикстинской капеллы в Риме. Микеланджело сделал роспись по библейским мотивам, но он написал не бесплотных святых, а живых людей, сильных, волевых, мужественных. Один из католических судей сказал об этой работе: «Полное бесстыдство — изображать в месте столь священном... голых людей...»

Казалось папе, что преступно долго
Маляр упрямый краски свои трет.
Кричал, что он с лесов его турнет,
Коль тот и вправду

позабыл про бога!
Но мастер, не привыкший уступать,
Лишь на гостей косился гневным оком
И думал: «Прежде, чем пугать нас богом,
Его, владыка, надобно...

создать».
Когда ж его святейший покровитель
Проверкою последнюю почтил,
Увидел: вместо стен — кружение светил,
А на полу храпит сутулый
вседержитель!

«Увидел: вместо стен — кружение светил» — не совсем точный перевод. Дословно эта строка звучит так: «Уже потолка не было: кружилась сферический мир».

Микеланджело имел достаточно

мужества, чтобы сотворить свой мир, которым человечество восхищается на протяжении столетий. Каким земным выглядит уставший от изнурительной работы этот «вседержитель»!

У Олейника люди, подобные Микеланджело, всегда одерживают победу — пусть даже ценой собственной жизни. Герой «Баллады об огне и принципах» — Джордано Бруно.

Ах, что ж он не покаялся, чудак!
Ну не всерьез... а только так, с трибуны.
Все было б: жизнь, покой и даже... страх.
Вот только не было б Джордано Бруно.

Персонаж стихотворения «Меж людей, пригнувшись, бродит...» когда-то смалодушничал.

Он однажды испугался —
С той поры дрожит, как крот.
Пожалейте человека: он ведь
сам себя убил.

Он не ответил обидчику. «— Смолкни! — чести приказал. — Где гарантия победы? Если дрогнет вдруг рука? — И усохла, словно ветка, навсегда его рука»; не помог в беде другу: «И повисла его совесть, как на вешалке пиджак»; не отважился связать себя с девушкой, которая нравилась: «Ну а вдруг сварливой станет или неверною женой? — И глаза поглубже спрятал, как монеты — в портмоне»; изменил своей мечте: «Все же под боком синица лучше всяких журавлей. Так и есть: в руке — синица. В небе ж — стая журавлей». А в один прекрасный день:

...Он проснулся, только...
не нашел себя.
«Это что за чертовщина!
Да куда же я пропал!»
Страх его столкнул с кровати,
грубо сзади наподдал.
Бросил к зеркалу беднягу:
«Неужели это я!»
Нет лица... Как не бывало!..
Но зато среди хламья
В портмоне бренчали очи —
два зеленых медяка.

Человек прокрался по жизни, не оставив в ней следа, он устранился от участия в эстафете добра. И он умер, его никогда не будет на земле ни в памяти людей, ни в исторической памяти человечества, в которой хранится крупица каждого доброго и достойного поступка. И перед этой общей жизнью у каждого человека есть своя нравственная обязанность. Это важное дело человеческой жизни, и ему, по мнению поэта, нужно служить.

Из всех сокровищ духа нашего
Одно в стабильности своей
Не подлежит — хоть жги нас заживо! —
Ни смене мод, ни злобе дней.
Пусть душу тяготят сомнения,
Но мудрости не вянет цвет:
«Нет середины как спасения!
Есть только фланги! Только центр!»

(«Про середину»)

Эти строчки — нравственный критерий поэта.

«Небось несладко суд себе чинить?» — задает он вопрос. Поэт не пытается уклониться от этого суда, а честно предстает перед ним, о таком суде идет речь и в поэме «Закливание огня», которая подводит итоги большого пути («Пришла итогов трудная пора»):

Терзает душу мне вина моя...
Свалить бы на кого!
Пустые мысли —
Ведь с той минуты, как на свет родился,
За все на свете отвечаю я!

Мысль об ответственности за все на свете проходит через поэму.

«Закливание огня» подводит итоги прожитых автором лет, его поэтических раздумий. Поэт считает, что прожил уже немало и следующий подъем может стать последним:

Так что поразмыслить впору,
Как достойно взять нам гору,
Чтобы на смех не скатиться вниз.

Чтобы взять ее достойно, нужно «очиститься до сути. Суть — огонь, праматерь и празодчий мироздания». Олейник устами своего лирического героя вызывает Огонь.

...И присягни, колени преклоня:
Не променять на все чужое злато
Из очага своей родимой хаты
Ни зернышка священного огня!

И присягни: до смерти пронести
Огонь заветный маминного слова,
В котором ты познал мирооснову,
И суть свою, и все свои пути.

Уже не на учебный полигон,
А в смертный бой пошлет страна
солдата,—

Ты честно назовешь координаты,
Коль надо вызвать на себя огонь!..

Как бы ни сложились обстоятельства, нужно быть верным моральному кодексу человека. И поэт заявляет:

Сколько имен
мы заглавными буквами пишем!
Мама моя,
да святится твой праведный сон!
Род мой праведный,
увенчанный хлебом всевышним!
Дух укрепите мой:
я вызываю Огонь!

Сатира
КРИББИКОВЕ

Однажды Рабле гостил в Риме, и ему предложили встретиться с папой. Писатель отказался:

— Если даже моему королю папа дает целовать свои ноги, то мне он даст целовать свой зад.

Французский писатель Никола Себастьян Рок Шамфор беседовал со священником.

— Надо учиться умирать, — назидательно произнес кюре.

— Зачем? — возразил писатель. — Разве кто-нибудь когда-нибудь с этим не справился?

Известного химика Юстуса Либиха попросили выступить с лекцией о спиритизме и связанных с ним таинственных силах и явлениях.

— Прежде всего, — ответил ученый, — здесь и речи не может быть о силах, а, скорее, о чьих-то слабостях. Во-вторых, здесь нет никаких таинственных сил и явлений. В-третьих, наука не имеет ничего общего с этим. Лучше всего по данному вопросу обратиться к гос-

подину Зальбриху, директору сумасшедшего дома.

Когда один теолог стал уговаривать Гейне вернуться в лоно церкви, чтобы искупить свои грехи, поэт сказал:

— Бог и так простит меня: это его ремесло.

Переяславский поп как-то укорил Шевченко:

— Живете вы у нас давненько, а в храм божий не заглядываете...

— Вы, батюшка, там людям про небо поете, а я не вытерплю и запую про землю. Тогда ни мне, ни вам не поздоровится, — ответил Тарас Григорьевич.

Собрал И. ШПАДАРУК.

БУНТОВЩИК

— Господин, я буду говорить только правду. Только то, что видел сам. И когда господин выслушает меня, он поймет, что я ни в чем не виноват. Он возьмет себе золото и отпустит меня, ведь я никог-

да не смел ослушаться воли господина... Да и тогда я оказался в горах по приказу господина. Я должен был принести льда с вершин, потому что была жара, а госпоже хотелось прохлады. Управ-

ляющий послал меня, и я пошел в горы. Я очень долго поднимался, ведь склоны там круты, как стены замка, и с них падают камни, и еще камни, и тучи пыли. Когда случается такое — целые горы валяются в пропасть, увлекая в преисподнюю зазевавшегося путника. Мало кто из зашедших так высоко возвращается в долину. Я хотел вернуться к семье и потому молился. Духи радости вошли в мое сердце и принесли мысль, что скоро конец пути, но когда я вышел на плато и до горного снега было совсем близко, вдруг загрохотал гром. Только никакой грозы не было, господин! Небо оставалось синим, и на нем светило солнце. А потом рядом с ним появилось еще одно. И это второе солнце с воем и грохотом упало неподалеку от меня и превратилось в железную башню. В башне открылись ворота, и оттуда вышли люди. Они были странные, одеты в меховые одежды. Людям не дано видеть богов, и все же я думаю, что это были боги, потому что только боги могут жить на Солнце и летать по небу в огненном замке.

Я спрятался в яму и лежал там, не смея шевельнуться, а боги ходили вокруг башни и громко кричали и, должно быть, гневались. А потом в башне открылись новые ворота, больше прежних, и из них вышли рыцари в доспехах. Было этих рыцарей больше, чем слуг в замке короля. Одни из рыцарей начали выносить из замка разные вещи и украшения, а другие, словно простые рабы, стали ломать камень и делать вокруг башни площадь и дорожку. Два дня они работали там, не переставая ни на минуту, а башня сияла ярким светом, поэтому ночью было светло как днем, и разум мой помутился от страха. Два дня и две ночи я лежал в яме, а на третий

день боги загнали рыцарей в большие ворота, заперли их там, и сами тоже ушли в башню, а она снова стала солнцем и улетела на небо так быстро, что уже через минуту ничего не было видно... Они улетели все, в горах осталась только мощеная площадь больше городской и куча странных предметов, которые выбросили боги. Золото я тоже нашел там, боги выкинули его, потому что они богаче любого короля и золото для них все равно что простой камень.

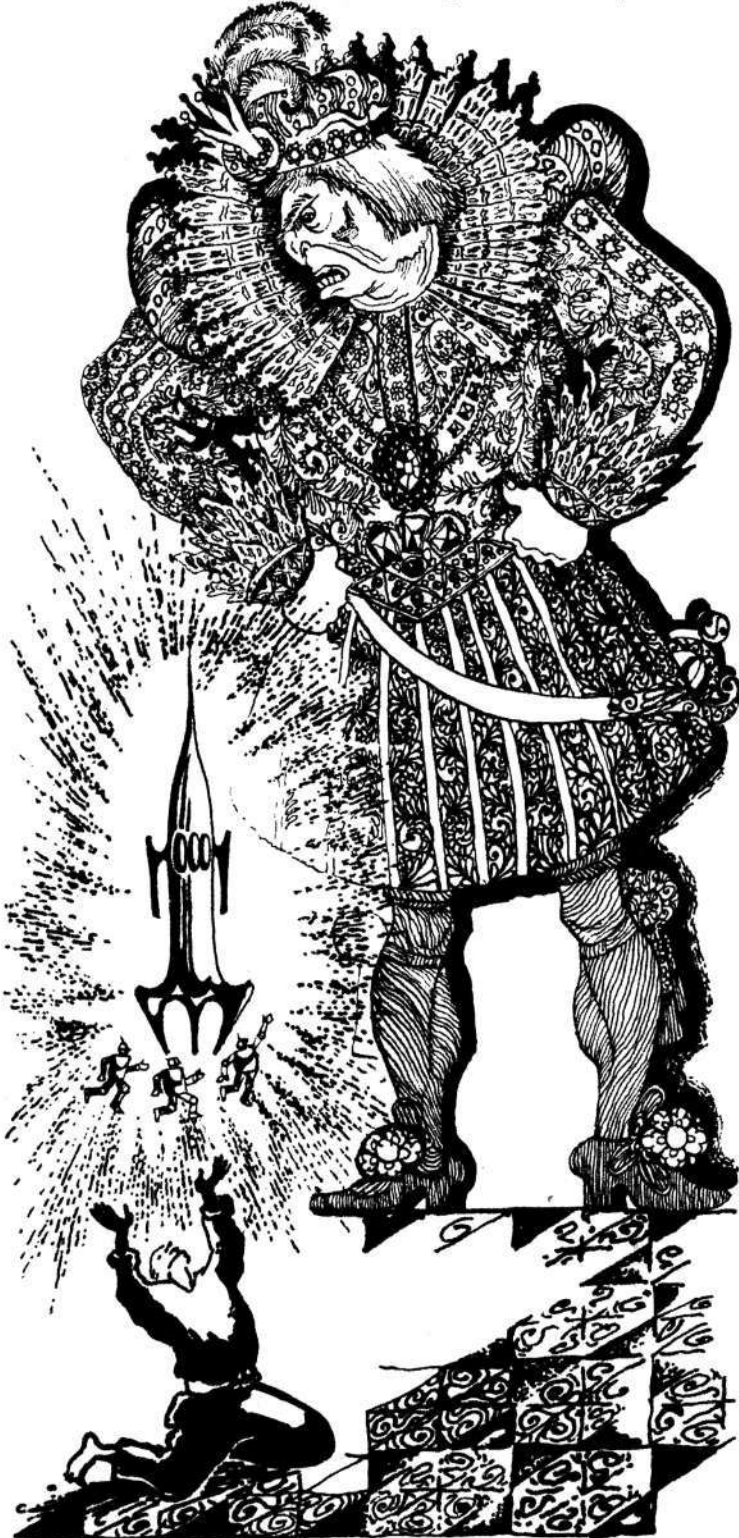
А потом я шел вниз, и скалы срывались из-под моих ног, они катились, как мелкий щебень, и исчезали в Черном ущелье, из которого был слышен хохот дьявола Тэмге. Из пропасти поднималась пыль, застилавшая небо, где было два и три солнца, я не знал, которому молиться, а Тэмге смеялся надо мной, и я смеялся вместе с ним.

Что было после, мне никак не вспомнить, но, наверно, я все-таки спустился вниз, потому что стражники нашли меня в лесу. Но я не собирался прятать золото и никуда не хотел убегать. Это все правда, господин, и мне больше нечего добавить, поскольку больше мои глаза ничего не видели.

— Так! — герцог встал. — Значит, по-твоему, в иной жизни благородные рыцари будут, словно рабы, ломать камень? А золото, как грязь, валяться под ногами? Я вижу, что ты не только лжец, но и опасный бунтовщик. Эй! Кто там есть?! Этого — в плети, а что останется — бросить собакам!

Космический корабль, совершавший вынужденную посадку на планете в системе Желтого карлика, окончил разгон. Экипаж спал, а выключенные ремонтные роботы лежали на складе.

Рисунок И. Ваграмовой.

НЕПРОТОРЕННОЮ ДОРОГОЙ

А. ФЕЛЬМАН

■ Вот уже более шести лет выходит в Братиславе общественно-культурный ежемесячник «Новая цеста» («Новый путь»)¹, основанный Словацким советом корпусов по гражданским делам при Министерстве культуры Словацкой Социалистической Республики. Журнал не только способствует улучшению деятельности этих учреждений, повышая идейно-теоретический уровень их работников и активистов, обобщая и пропагандируя опыт лучших из них, но и помогает воспитанию широких народных масс в духе марксизма-ленинизма, способствует формированию у них научного мировоззрения. На страницах «Новой цесты» публикуются политические материалы, статьи атеистического характера и по истории культуры, проблемам этики и эстетики, популяризируется новая гражданская, социалистическая обрядность.

«Смыслом всех наших воспитательных мер,— подчеркивалось на XVI съезде КПЧ,— является формирование новой, гармонически развитой личности, формирование убеждения и мышления человека в духе социалистических идеалов, моральных норм и жизненных ценностей, с тем чтобы в нем могли полностью развиваться самые благородные черты хозяина страны и создателя нового общества. Нет ничего более сложного и ответственного, чем воспитание человека. За любое проявление формализма, любое упрощение приходится расплачиваться вдвойне. Формирование социалистического сознания, включающее мировоззрение, мораль и отношение к труду, осуществляется в многостороннем процессе социалистического строительства... Важной составной частью идейного воспитания является научно-атеистическое воспитание»².

Воспитанию нового человека посвящена статья руководителя отдела просвещения Министерства культуры Словацкой Социалистической Республики Франтишека Караса (1982, № 4). Это самый сложный и ответственный процесс, говорится в ней. Он происходит всюду, где люди живут, работают, учатся, проводят свободное время, постоянно находясь под влиянием различных материальных и духовных факторов. Важное идеологическое воздействие на массы оказывают

культура и искусство, средства массовой информации. Все большее значение придается содержанию и художественной выразительности гражданских обрядов. Стало традицией сопровождать художественной частью различные торжества и праздники. Но она не может ограничиваться чисто развлекательными функциями, а должна своим эмоциональным воздействием способствовать усвоению коммунистической идеологии.

Социалистическому обществу не безразлична мировоззренческая ориентация молодежи, да и всех его членов, продолжает эту тему Эрих Петлак (1982, № 10). Мировоззренческая направленность не ограничивается лишь определенным отношением к религии, она шире. Необходимо, чтобы каждый гражданин стоял на позициях научного мировоззрения. Только человек, не обремененный предрассудками и неверными представлениями о мире и его развитии, может хорошо и свободно трудиться, участвовать в общественно-политической жизни.

Одно из важных средств формирования марксистско-ленинского мировоззрения — гражданские обряды и праздники, отмечает секретарь Западнорусловацкого обкома КПС Эмиль Латта (1982, № 6). Их проведением занимаются корпуса по гражданским делам. Партийные и государственные органы оказывают им постоянную помощь. В Западнорусловацкой области 690 корпусов по гражданским делам, в них трудятся около 6600 человек, и помогает им почти столько же активистов. Это энтузиасты своего дела, заслуживающие самой высокой похвалы. Очень важно, что все больше молодежи приобщается к гражданским обрядам. Почти во всех школах области работают научные кружки. Одних только астрономических — 390, они держат связь с областной обсерваторией в Глоновце. Организуются беседы, лекции на темы: «Современный человек и религия», «Коммунистическая мораль», «Социалистическое государство и религия», «Социальные корни религии», «Наука и религия» и т. д.

В Трнавском районе Словакии религиозность населения выше, чем в других районах республики. Объясняется это отчасти тем, что здесь —

центр епархии. При идеологической комиссии Трнавского райкома КПС создана специальная подкомиссия по научному атеизму. Журнал (1982, № 1) знакомит с одним из ее заседаний, где шел горячий, заинтересованный разговор об улучшении атеистического воспитания, в первую очередь молодежи. Для учащихся это не только уроки, но и внеклассные мероприятия (атеистические, астрономические, литературные, исторические кружки, беседы, лекции). Ведется такая работа и с родителями, в частности в домах атеистического воспитания, вовлекаются в нее и клубы.

Социалистическая обрядность, пишет заместитель главного редактора «Новой цесты» Эдуард Цыганек в статье «Участники Сопротивления — носители прогресса» (1982, № 8), продолжает лучшие революционные и прогрессивные традиции наших народов, а также традиции боевой славы. Именно в них уходят своими корнями социалистические обряды, подчеркивает он. Они помогают воспитывать у молодежи патриотизм и интернационализм, глубокое уважение к ценностям, созданным прошлыми поколениями. Для этого корпуса по гражданским делам привлекают к участию в работе ветеранов антифашистской борьбы, Словацкого национального восстания, бывших партизан. Стало доброй традицией посещение молодоженами памятников национально-освободительной борьбы. Здесь же дают торжественные обещания ребята, вступающие в пионеры.

Журнал регулярно знакомит с работой и опытом лучших корпусов по гражданским делам и их активистов на предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах, учреждениях, учебных заведениях Словакии и Чехии, с практикой внедрения новой, гражданской обрядности в других социалистических странах. И результаты этой деятельности дают о себе знать. Так, в г. Чадецке в 1982 году родители 99,5 процента новорожденных получили свидетельства о рождении в торжественной обстановке. В Свиднике 84 брака из 88 заключены без церковного обряда (1982, № 7). В Чадецком районе 85,8 процента всех похорон проведены с помощью корпусов по гражданским делам (1982, № 10). А ведь именно этот ритуал прежде был наиболее тесно связан с церковными традициями.

Но деятельность корпусов по гражданским делам не ограничивается внедрением социалистической обрядности. Их работники и активисты

¹ Предыдущий обзор этого журнала см. в № 8 «Науки и религии» за 1981 г.

² XVI съезд Коммунистической партии Чехословакии. М., 1982, с. 50—51.

отмечают даты, связанные с национально-освободительной борьбой чехословацкого народа, революционные праздники, проводят встречи, на которых ветераны партии и труда знакомят нынешнее поколение с прошлым страны, с борьбой за ее свободу и счастье. Воспитывая молодежь на славных революционных и трудовых традициях, корпуса по гражданским делам устраивают и чествования тех, кто проработал на одном предприятии свыше 20 лет.

Предмет постоянной заботы сотрудников и активистов корпусов — граждане преклонного возраста. Их юбилеи справляются в торжественной обстановке в обрядовых залах корпусов, где проводится запись в почетную книгу и вручаются цветы и подарки. Если по состоянию здоровья ветераны не могут явиться на чествование, то их поздравляют с днем рождения дома. А чтобы старые люди, особенно те, у кого нет близких, не чувствовали себя одинокими и забытыми, их регулярно навещают на дому.

Большую работу ведут корпуса с детьми и молодежью. В торжественной обстановке юношам и девушкам вручают паспорта (часто этот акт сопровождается циклом лекций о правах и обязанностях граждан), аттестаты зрелости, свидетельства об окончании производственно-технических училищ, посвящают учеников в рабочие. Работники корпусов присутствуют на торжественном приеме в пионеры и искорки (соответствует нашим октябрятам).

Корпуса же организуют проводы призывников, встречи вернувшихся со срочной службы и вечера солдатских матерей. В празднично украшенных залах их встречают цветами представители национальных комитетов, общественных организаций, командования, благодарят за воспитание сыновей, оберегающих завоевания социализма. Под звуки музыки эти женщины вписывают свои имена в почетную книгу. Встреча завершается выступлением артистов или участников художественной самодеятельности.

Обо всем этом «Новая цеста» рассказывает в каждом номере под постоянной рубрикой.

В материалах XVI съезда КПЧ особо подчеркивалась роль эстетического воспитания трудящихся. «Всестороннее развитие социалистической культуры и искусства, овладение широкими массами достижениями социалистической культуры и искусства — одно из условий дальнейшего развития социалистического общества, — говорится в «Основных направлениях экономического и социального развития ЧССР на 1981—1985 гг.». — Обеспечивать этот процесс комплексно, путем всестороннего развития эстетического воспитания,

начиная от художественно-творческой и культурно-воспитательной деятельности вплоть до культуры труда, формирования социалистической морали и социалистического образа жизни. Поддерживать развитие художественного творчества, отражающего основные проблемы современной эпохи»³.

Своими публикациями журнал целенаправленно способствует решению этих задач. Это, например, статьи Антона Маркуша «Искусство в жизни общества» (1982, №№ 1—3) и Владимира Брожика «Эстетическая культура в социалистическом обществе» (1982, №№ 9—10), а также интервью, которое заведующий отделом искусства Министерства культуры Словакии писатель Йозеф Кот дал главному редактору журнала Густаву Хупке (1982, № 1).

Творческой активности трудящихся на этапе строительства развитого социалистического общества посвящена статья заместителя министра культуры Словакии Йозефа Мравика (1982, № 11—12). Общественный строй, который освободил от эксплуатации и поставил своей целью непрерывный рост материального и духовного уровня жизни, пишет он, одновременно высвободил творческую энергию и способности широчайших масс. Человек труда — в центре внимания деятелей социалистической культуры. Но он все больше становится не только потребителем, но и непосредственным создателем ее ценностей. Своеобразную форму культурного творчества представляют собой и новые социалистические традиции, праздники и обряды, отмечает автор. Они используют сокровищницу народного искусства и позитивные элементы общественных, трудовых, семейных торжеств и обычаев прошлого.

Проблемы коммунистической морали, пропаганда норм социалистической этики также занимают заметное место на страницах журнала. Хотя социалистическое общество постоянно заботится об укреплении семьи, создавая все более благоприятные условия для воспитания детей, однако один материальный достаток еще не может служить залогом ее прочности, говорится в статье Войтеха Ковачика «Социалистическое государство и семья» (1982, № 1). Гармоничные отношения между супругами, воспитание детей в соответствии с принципами коммунистической морали — одна из предпосылок успешного развития социалистического общества.

Тему любви как неотъемлемого элемента жизни, проблему связи этого чувства с трудовой и общественной деятельностью поднимает Владимир Брожик в статье «Жизнь и любовь» (1982, № 1). Член Президиума ЦК Коммунистической партии Словакии, председатель ЦК Словацкого союза

женщин Елена Литвайова в статье «Любовь, жизнь, мир» (1982, № 11) пишет, что любовь благотворно влияет на отношения между людьми. «Любовь, — заключает она, — это великая способность жить так, чтобы человек, где бы он ни находился, какую бы работу ни выполнял, делал бы ее не ради одного лишь своего маленького «счастья», а во имя счастья человечества, чтобы обеспечить спокойную жизнь нам, нашей родине, всем честным людям планеты».

Тематика и форма подачи материала в журнале очень разнообразны. В помощь работникам корпусов по гражданским делам публикуются сценарии различных ритуалов и торжеств, в том числе серебряных и золотых свадеб, посвящения в рабочие, прощания невесты с родными местами, проводов в армию, приема в технические училища, первого звонка. Помещаются также стихи для декламации во время этих актов. «Новую цесту» характеризует обилие литературных жанров — рассказов, отрывков из повестей, романов, поэм, песен с нотами. Много иллюстративного материала, в частности снимков обрядовых залов, всевозможных торжеств.

Журнал регулярно публикует переводы работ советских авторов, в том числе и тех, кто печатался в «Науке и религии». В 1982 году, например, он познакомил читателей со статьями Т. Благовой о современном феминизме, В. Артамонова о «божественных» растениях, Б. Ломова «Психология активности», И. Шапиро «Иудаизм в СССР», Ю. Рюрикова «Душа любви: чужое «я» как собственное». Помещены рецензии на книги И. Григулевича «Папство. Век XX» и Ф. Углова «Хирург среди людей».

«Новая цеста» регулярно знакомит читателей с народными и гражданскими обрядами стран социализма. В частности, под рубрикой «Традиции народов СССР» рассказывает о празднике проводов русской зимы, о сабантуе, о новом обряде помолвки, проведенном во Дворце культуры Московского автозавода, и т. п.

Шесть лет в жизни журнала — не такой уж большой срок, но за это время сделано многое. «Новая цеста» постоянно ищет формы подачи материала, привлекает широкий круг авторов, среди которых партийные, государственные и общественные работники, сотрудники и активисты корпусов по гражданским делам, ученые, деятели культуры, преподаватели. Журнал сумел стать действенным популяризатором новой, светской обрядности, пропагандистом марксистско-ленинского мировоззрения, активно воспитывает строителей развитого социалистического общества.

³ XVI съезд Коммунистической партии Чехословакии, с. 220—221.

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

За рубежом

Ондрей ДАНИЙ,
доктор философии

В современном «крестовом походе» против коммунизма видную роль играет клерикальная часть реакционной эмиграции из социалистических стран. Ее деятельность преследует две главные цели. Во-первых, воздействовать на определенные слои населения капиталистических стран, а во-вторых, дестабилизировать социалистическое общество.

Ядро словацкой клерикальной эмиграции составляют в основном лица, бежавшие из страны после 1945 года, которые скомпрометировали себя либо сотрудничеством с фашистами, либо активным участием в подрывной деятельности в первые годы народной власти. Кроме того, это священнослужители, выехавшие за границу якобы для изучения зарубежного опыта или с миссионерскими целями и не вернувшиеся на родину.

Церковная эмиграция широко представлена в руководстве Всемирного конгресса словаков и других эмигрантских объединений. Таких, например, как «Центр словацкой католической интеллигенции», куда входят некоторые члены бывшей клерикал-фашистской Словацкой народной партии (СНП) и ее военизированных отрядов — глинковской гвардии*.

Клерикал-фашизм представлял собой буржуазное движение, стремившееся утвердить ведущую роль церкви и духовенства в политической, культурной и экономической жизни общества фашистскими средствами. В Чехословакии, и особенно в более религиозной ее части — Словакии, он сформировался в межвоенный период. Мюнхенский договор, выдавший нашу страну на съедение Гитлеру, повлек за собой образование марионеточного «словацкого государства», где правила клерикал-фашисты во главе с кардиналом Йозефом Тисо. Этот режим отличался от итальянского и германского фашизма еще и тем, что СНП возникла не из праворадикальных, а из консервативно-клерикальных групп.

Ее идеология вначале ориентировалась на фашизм Муссолини и на создание в Словакии корпоративного строя в духе папской энциклики «Квадрагезимо анно» (1931) и по образцу клерикал-фашистской диктатуры христианско-социальной партии в соседней Австрии (1933—1938). Позже глинковцы, или людаки, склонились к гитлеровскому национал-социализму. В августе 1940 года произошло объединение фашистского и клерикального крыла людаков, и СНП провозгласила своей целью установление «словацкого национал-социализма в духе Глинки методами Гитлера».

Бесславный конец «третьего рейха» и его спутников, в том числе марионеточного «словацкого государства», державшегося на гитлеровских штыках, означал вместе с тем и полное банкротство клерика-

льно-националистической людацкой демагогии. Однако, несмотря на этот суровый урок истории, к восстановлению старых порядков все еще стремятся реваншистские, клерикальные и другие антикоммунистические силы, окопавшиеся в эмиграции.

Консолидация этих сил началась в первые же месяцы после освобождения Чехословакии от фашистской тирании. Уже в марте 1945 года людаки приступили к организации диверсий на территории, очищенной от гитлеровцев и их приспешников. Оказавшись после войны на Западе, клерикал-фашисты попытались заинтересовать тамошние империалистические круги планами возрождения «словацкого государства». Они основали радиостанцию, которая стала выходить в эфир под названием «Барселона». Ее возглавили «придворный философ» бывшего клерикал-фашистского марионеточного президента Й. Тисо монах Ш. Полякович и людацкий поэт Р. Дилонг. Бывшие послы «словацкого государства» в Швейцарии (Й. Киршбаум), в Ватикане (К. Сидор) и в Германии (М. Чернак) заложили основы буржуазно-националистической эмигрантской организации, а словацкие монастыри переправляли за границу военных преступников и контрреволюционеров.

Что касается главарей клерикал-фашистского марионеточного режима кардинала Йозефа Тисо, премьера Войтеха Туки и других министров, то западным союзникам пришлось в соответствии с международной конвенцией о преследовании военных преступников выдать их в 1945 году Чехословакии, где они получили по заслугам. Но людацкая эмиграция прославляет их, воздвигает им памятники, добиваясь, чтобы Ватикан причислил Й. Тисо к лику святых как «мученика словацкого народа».

После войны разрозненная людацкая эмиграция объединилась с оуновцами, бандеровцами, аковцами и другими украинскими и польскими фашистскими группами в так называемый антибольшевистский блок народов.

В 1945—1948 годах окопавшиеся за рубежом глинковцы подстрекали клерикальные силы в Чехословакии легально использовать религию в политических целях и одновременно направляли туда своих эмиссаров для подрывной деятельности, имевшей целью не допустить ликвидацию капитализма в нашей стране.

А после победы социалистической революции (февраль 1948 г.) эта эмиграция стала сотрудничать со спецслужбами империалистических держав в подготовке и засылке агентов в Чехословакию. Один из людацких лидеров Штефан Прецнер, например, долгое время руководил обучением этих лазутчиков в качестве капеллана

эмигрантского военизированного лагеря близ Мюнхена. А некоторые из беглых словацких клерикал-фашистских идеологов обосновались на радиостанциях «Свободная Европа» и «Радио Ватикана» и в своих передачах призывали создавать в Чехословакии подпольные организации, выступать против созидательной программы КПЧ, особенно против социалистических преобразований в деревне.

В период кризисного развития 1968—1969 годов людацкая эмиграция подстрекала клерикалов в нашей стране к выступлениям против социализма и широко поддерживала контрреволюционную деятельность антисоциалистических сил.

Организационная структура словацкой клерикально-националистической эмиграции в послевоенные годы часто менялась. Сегодня роль ее руководящего центра играет «Словацкий институт Кирилла и Мефодия» (Рим), созданный в 1963 году якобы для подготовки богословов. Он координирует деятельность словацких католических миссий на Западе по объединению и активизации эмигрантов на антикоммунистической платформе. Сотрудниками этого же института укомплектована и словацкая редакция «Радио Ватикана», которая занимается не только радиовещанием, но и изданием и распространением античехословацкой литературы и ежемесячника «Словенские гласы».

Другой очаг подрывной клерикально-националистической деятельности находится в Кембридже (Канада). Это «Центр словацких иезуитов», имеющий собственную типографию для издания не только чисто религиозной, но и антисоциалистической литературы.

Словацкая клерикально-националистическая эмиграция тесно связана с мюнхенской радиостанцией «Свободная Европа» (PCE), вещающей, как известно, под контролем и на средства Соединенных Штатов Америки. Среди ее постоянных сотрудников — ряд эмигрантских активистов, например бывший шеф печати клерикал-фашистского режима, а ныне вице-президент «Всемирного конгресса словаков» Имрих Кружляк, заведующий его молодежным отделом Йозеф Шрадек, активный деятель этого конгресса главный координатор филиала PCE — радиостанции «Стефанус» монах Антон Глинка. Последняя фабрикует дезинформацию о положении церкви и верующих в социалистических странах; она идет в эфир, рассылается в различные антикоммунистические органы печати. Таким образом, действуя через редакторов PCE, вашингтонские заправилы определяют политику клерикально-националистической эмиграции, инспирируют развертывание античехословацких кампаний.

Беглые словацкие клерикал-фашисты и их последователи представлены в международных эмигрантских организациях и тесно сотрудничают с польской, венгерской, русской и украинской буржуазно-националистической эмиграцией.

Во главе «Всемирного конгресса словаков» (ВКС) стоит канадский урановый король Штефан Роман, а его политической комиссией руководит сионист Эуген Лёбл. При посредничестве наследника канувшего в Лету австро-венгерского трона Отто фон Габсбурга президиум ВКС установил контакты с некоторыми депутатами Европейского парламента от правящей в ФРГ

* Назывались так по имени довоенного лидера СНП А. Глинки.

клерикальной партии ХДС/ХСС, связанными с реваншистским землячеством судетских немцев. Весь этот, пестрый клерикально-реваншистский конгломерат ратует за объединение Европы на христианских и антикоммунистических основах. Его программа и деятельность встречают поддержку и в некоторых кругах Ватикана.

Главные свои усилия нынешние лидеры клерикально-националистической эмиграции направляют на подрыв политики мирного сосуществования. Действуя по заказу антикоммунистических центров, они фабрикуют клеветнические сообщения из стран социализма о мнимых нарушениях там прав человека и свободы совести, организуют соответствующие кампании «протеста». При этом, в частности, за нарушение Хельсинкских соглашений выдается тот факт, что религиозная пропаганда в нашей стране лишилась тех привилегий, какими она пользовалась в буржуазной Чехословакии.

В «тяжких грехах» нас обвиняют за то, что мы отрицаем мировоззренческий плюрализм, особенно «духовную пищу», которую хотели бы подбросить зарубежные антикоммунистические «добродоты» (ее цель — дезориентировать наших граждан и в конечном счете восстановить их против социалистического строя). Непрошенные попечители из ВКС и других эмигрантских центров хотят, чтобы на нашем книжном рынке продавалась литература антикоммунистических писак, порочащая теорию и практику социалистического строительства. И все это делается под флагом «духа Хельсинки».

Многие статьи словацких эмигрантских журнальчиков, резолюции протеста и различные решения эмигрантских сборищ охотно публикуют буржуазные средства массовой информации, так как эти материалы ориентированы на поддержку агрессивных планов империализма и антикоммунистическую обработку западного общественного мнения, манипулируют жупелом «экспорта революции», будто бы угрожающей «свободному миру» и христианской цивилизации, запугивают мнимой агрессивностью Советского Союза, а политику разрядки объявляют капитуляцией перед коммунизмом.

Для позиции Ватикана по отношению к словацкой политической эмиграции характерна двойственность. Несмотря на то, что в подрывной деятельности «Всемирного конгресса словаков» участвует ряд прелатов, Ватикан делает вид, будто это его не касается, поскольку, мол, ВКС — организация, не зависящая от святого престола. Но он никогда и не отмежевывался от антисоциалистических происков клерикальной эмиграции, а, наоборот, утверждал, будто они представляют собой логическое следствие ненормального положения католической церкви в ЧССР. «Словаки, благодарите бога, что вы имеете в Ватикане достойных защитников ваших интересов», — говорил по этому поводу папа Павел VI, обращаясь к нашим туристам.

Один из таких «защитников» — эмигрантский епископ Павел Гнилица, возглавляющий филиал миссии «Профратрибус» и редактирующий одноименное периодическое издание. Оно публикует клеветнические писания этого прелата и других клерикальных эмигрантов, которые полны измышлений о мнимых преследованиях верующих в социалистических странах.

Кроме того, ватиканские службы используют таких клерикалов в качестве экспер-

тов, советников и пропагандистов. Прямые контакты со многими чиновниками Ватикана и с представителями католической церкви на Западе, в частности, поддерживает религиозная комиссия ВКС, назначенная которой, по словам ее председателя епископа Михала Руснака, «внушить или вернуть христианский и национальный дух каждому, кто носит словацкое имя». Так протаскивается антиисторический, а в данном случае антисоциалистический тезис о мнимой тождественности религиозного и национального («словак — значит католик» и т. п.).

Усилиями той же комиссии словацкие приходы и костелы в странах Запада стали одновременно и центрами пропаганды клерикально-националистической идеологии. Без активного участия эмигрантского духовенства не обходится сегодня ни одна античехословацкая акция.

При этом, однако, надо оговориться, что в подрывной деятельности словацких клерикально-националистических организаций не участвует так называемая «хлебная эмиграция». Те, кто еще перед второй мировой войной покинул родину в поисках куска хлеба, в большинстве своем отказываются поддерживать акции, направленные против их земляков в социалистической Чехословакии. К тому же обанкротившиеся клерикально-националистические пророки не способны выдвинуть программу, которая привлекла бы честных словаков, живущих за рубежом. Те осуждают их антинародную деятельность, поскольку ни ВКС, ни другие антисоциалистические эмигрантские группы неправомочно говорят от имени народа, который изгнал их с родной земли и созидает свое будущее в новой Чехословакии.

Война всегда была вождельной мечтой для представителей любой реакционной политической эмиграции, возлагавшей на нее надежды на победоносное возвращение на родину и возврат утраченных позиций. Но существование мировой социалистической системы, стоящей на страже мира, ее огромный экономический, политический и моральный потенциал лишают всякой почвы и эти зыбкие иллюзии. Горьким уроком служит судьба белогвардейской и иной антисоветской эмиграции. Такова уж судьба людей, продавших родину. Народ, как мощный дуб, глубоко пустил корни в родную землю. Ветки же, которые от него отпадают, сохнут и гибнут.

И тем не менее, вопреки здравому смыслу, представители клерикально-националистической эмиграции все еще ждут каких-то изменений в социалистическом обществе, которые якобы могут развиваться в нужном им направлении и открыть политическому клерикализму доступ в нашу жизнь.

Именно на такой процесс делали ставку эмигрантские и иные клерикально-националистические круги в кризисный период 1968—1969 годов. Учитывая опыт тех лет, ЦК Коммунистической партии Словакии выразил принципиальное отношение к этому вопросу. «Необходимо давать отпор всяким попыткам воскрешения политического клерикализма, за который наш народ в прошлом так дорого заплатил», — подчеркивал Президиум ЦК КПС. — С политическим клерикализмом в форме людацкого клерикал-фашизма мы раз и навсегда покончили во время Словацкого национального восстания. Попытки привнести его к нам из-за границы и воскрешать его под любым предлогом обречены на неудачу».

Реакционные эмигрантские организации

не скрывают своих антисоциалистических целей и через инспирированную из-за рубежа так называемую «тайную церковь» пытаются оказывать давление на патристически настроенных священников. Но поскольку клерикально-националистическая эмиграция никого не представляет, ее антисоциалистические поползновения не встречают поддержки даже среди тех, на кого она больше всего рассчитывает.

Доказательством этого может служить хотя бы тот факт, что антисоциалистический манифест ничтожной группки чехословацких контрреволюционеров — так называемая «хартия-77» — почти не вызвал сочувствия в церковных кругах ЧССР. Подавляющее большинство священников и дезориентированных в 1968—1969 годах верующих вовремя поняли свои ошибки, встали на сторону здравого смысла и активно помогли создавать условия для нормальной жизни всех чехов и словаков, независимо от их отношения к религии. Многие представители духовенства правильно оценили ситуацию и не поддались давлению со стороны экстремистских клерикально-националистических сил, скомпрометировавших себя сотрудничеством с фашизмом.

Наши руководители не раз подчеркивали, например на XVI пленуме ЦК КПЧ в марте 1980 года, что партия и общество ценят работу тех, кто нашел путь к конструктивному сотрудничеству государства и церкви невзирая на различия в мировоззрении. «Наше социалистическое государство предоставляет каждому все возможности для применения его творческих сил и использования гражданских прав независимо от религиозных убеждений», — говорится по этому поводу в документах пленума ЦК КПЧ. — Мы ценим активное участие верующих в социалистическом строительстве и отдаем должное прогрессивно настроенным представителям духовенства всех легальных церквей, которые связаны с народом и позитивно относятся к политике нашего государства и его усилиям, направленным на процветание родины и сохранение мира».

Однако при этом мы открыто говорим, что наше общественное устройство основано на принципах научного социализма и что именно в таком духе мы стараемся воспитывать наших граждан.

Современная политика Ватикана по отношению к социалистическим странам заставляет нас быть осмотрительными. Ведь в прошлом именно святой престол определял содержание и направление деятельности словацких клерикалов, ведя их от национализма к открытому клерикал-фашизму. Мы не вправе игнорировать факты, свидетельствующие о том, что еще и сегодня определенные круги в Ватикане различными путями, в том числе и с помощью церковной эмиграции, пытаются оказать влияние на часть наших граждан, чтобы помешать социалистическому развитию. Вот почему мы не перестаем разоблачать такие действия, а их организаторов будем открыто изблачивать и против них бороться.

В книге «Жизнь ненужного человека» Максим Горький описал судьбу и жалкий конец доносчика, действовавшего на чужбине против своего народа. Этот образ полностью применим и к словацкой политической эмиграции. Ведь ее представители тоже превратились в ненужных людей, потерявших почву под ногами, а идеалы променявших на доллары.

Г. Б р а т и с л а в а

● Хозяин фирмы вызывает к себе сотрудника и говорит:

— Дюпон, мне доложили, что вы каждое утро заходите в церковь и просите бога, чтобы я повысил вам зарплату. Так вот что я хочу вам сказать: не люблю, когда в вышестоящие инстанции обращаются через мою голову.

● Из разговора двух студентов:

— Как ни странно, но профессор, которому я сдавал астрономию, очень набожный человек.

— Почему ты вдруг так решил?

— После каждого моего ответа он поднимал глаза и восклицал: «Боже мой!»

● — Да, заявляет жена, — я клялась на Библии, когда нас венчали, что мы будем делить с тобой все — и радость и горе. Мы пережили две мировые войны, наводнение, два пожара! Неужели всего этого мало?... Нет, на футбол мы сегодня не пойдем!

● — В прошлом году одна гадалка предсказала моей дочери, что она познакомится с симпатичным молодым человеком, выйдет за него замуж и родит двойню.

— И это все сбылось?

— Да... за исключением замужества.

СО ВСЕГО СВЕТА

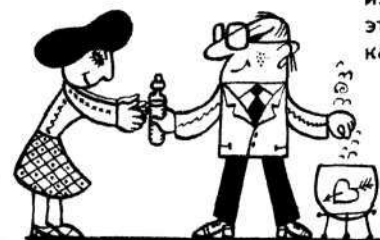
РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ЛЮБВИ

● Японские газеты недавно рассказали типичную для мира бизнеса историю одного предприимчивого дельца, который очень быстро разбогател. Золотой жилой для него стал... эликсир любви, якобы приготовленный по старинным рецептам буддистских монахов. Он наладил производство лосьона, имеющего аромат яблок, который нарасхват брали женщины среднего возраста. Теперь новоиспеченный миллионер признался, что это благовоние изготовлялось из совершенно случайных компонентов, главным из которых были сушеные дождевые черви. А ссылка на монахов понадобилась лишь для рекламы.

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

● Бенедиктинский монастырь Вайтенбург в Нижней Баварии известен тем, что в его владениях расположен старейший пивоваренный завод. Сейчас монахи превратили обитель в ультрасовременное здание и торжественно освятили пивоваренную аппаратуру. Оснащенная компьютером, она за восемь часов производит 100 гектолитров этого популярного напитка.

В ВЕК НТР

● Если женщина сядет за руль, то сразу же нарушит заповедь Корана, который требует, чтобы она закрывала лицо и не вступала в разговор с незнакомыми мужчинами, к которым относятся и полицейские. По этой причине в Саудовской Аравии специальным декретом запрещено выдавать водительские права женщинам. Ездить можно в машине, которую ведет муж, брат или отец. На худой конец нанимайте шофера или садитесь в такси. Но и эта рекомендация вступает в противоречие с Кораном, так как он запрещает мужчине и женщине оставаться наедине, если только они не родственники.

КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО

● Тренер западногерманского клуба «Хёппенинг» Б. Этмайер известен своей суеверностью. В день игры он приезжает на матч только в автомобиле жены, ставит его не ближе 200 метров от ворот стадиона и непременно... посреди лужи. Если сухо, то лужу приходится создавать с помощью поливальной машины. В тот день он никогда не бредет, вытирается только желтым полотенцем. Тренер носит на груди амулет и, разумеется, как огня, боится черных кошек и чертовой дюжины.

ВСТРЕЧА С ДАИН ДЕРХЕ

Н. ЖУКОВСКАЯ

Хан Богдо Даин Дерхе, грозный шаманский дух, он был одним из самых известных и чтимых по всей Монголии. Но более всего он был почитаем в Хубсугуле, северном таежном районе страны. Здесь и сейчас еще каждый старик преподнесет вам букет легенд о

нем, а мальчишки, неопределенно ткнув пальцем на северо-восток, скажут, что пещера Даин Дерхе «там».

Увидеть это «там» было моей давнишней мечтой. Не так уж много шаманских пещер нынче в мире, а тут одна из них где-то рядом, всего в каких-то двух тысячах километров от Улан-Батора, не считая, конечно, семи

тысяч от Москвы. Так в мой экспедиционный маршрут 1981 года попала пещера Даин Дерхе. На пути к ней был Мурэн — центр Хубсугульского аймака.

В краеведческом музее Мурэна его директор, молодая, улыбающаяся Пурвээ, явно гордясь тем, что Хубсугульский аймак славится во всей Монголии не только лесными богатствами, рыбой, пушниной, скотом, но и шаманскими древностями, показала нам на карте приблизительное местонахождение пещеры, посоветовала держать связь с местным начальством и благословила в путь — в сомон* Цагаан уур.

Дорога наша проходила через грузовой порт Хатгал на берегу озера Хубсугул, где разгружаются и загружаются баржи, курсирующие по этой небольшой, но важной трассе советско-монгольской торговли. Баржи у причала, урчание нагруженных машин, столовая, забитая обедавшим на ходу народом, — все исчезло, как только мы свернули к востоку от озера, сменилось привычным ритмом монгольских дорог: реки, холмы, болота, мосты, пересохшие русла.

Ночевали на склоне покрытой цветами горы, откуда открывалась прекрасная панорама горной тайги. Наутро — снова в путь. Опять болота, тайга, ручьи. Один из них, который мы раз десять пересекали, незаметно превратился в весьма широкую, спокойную на вид реку с крутыми берегами, с играющей под обрывом рыбой — реку Уур, с которой было связано все наше дальнейшее пребывание в Хубсугуле. На ее берегу центр сомона Цагаан уур, а в 40 километрах вверх по течению находится Диваджин Газар — Райское место с развалинами монастыря Даин Дерхе Шаравлийн хурэ, а приток реки Уур, сужаясь к верховьям, приводит в конце концов

к белой горе и пещере Даин Дерхе.

В Цагаан ууре мы представились местному начальству, рассказали, что привело нас в эти края: интерес к традиционной народной культуре и, конечно, народным верованиям, к сохранившимся культовым объектам, интерес, естественный для этнографов. После совещаний, размышлений нам составили список стариков, чья судьба так или иначе оказалась связанной с культом Даин Дерхе. Бывший учитель и партийный работник, ныне пенсионер Генденжав в детстве не раз видел шаманские камлания с «вызыванием» духа Даин Дерхе. Бывший лама Бааст 20 лет провел в монастыре в Райском месте, принимал участие в ламаистских службах в честь Даин Дерхе, но уже не как шаманского духа, а как персонажа местного буддийского пантеона. Грузчик стройбригады Загд все три дня нашего пребывания в Цагаан ууре сопровождал нас повсюду, без его помощи мы не нашли бы ни брод через реку Уур, ни конную тропу к пещере.

Экспедиционный ГАЗ-66 брал ее с натужным ревом, то увязая в болоте, то продираясь сквозь заросли кустов, легко пропустивших бы коня, но словно в немом протесте сцеплявших ветви перед мощным торсом машины. В отличие от шофера, проклинавшего дороги, пещеры, а заодно и меня, которую «бог знает куда несет», я и не ожидала от дороги ничего хорошего, ибо знала: шаманские духи «выбирают» себе места поглубже, подальше от людских глаз...

Существуют три версии биографии Даин Дерхе. Согласно первой, он при жизни был великим шаманом, а после смерти воплотился в каменное изваяние и стал «черным эдзэном» (хозяйном) Прихубсугуля, покровителем

* Административно-территориальная единица в Монголии, входящая в состав более крупной — аймака.

● После свадьбы молодой француз обращается к кюре:

— Сколько я вам должен?

— Сколько можете.

Молодожен отдает священнику два франка.

Через некоторое время кюре, встретив его, спрашивает:

— Счастливы ли вы в вашем супружестве?

— Нет. Жена — форменная мегера.

Священник пожимает плечами:

— А чего мсье хотел за два франка?

со всего
света

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ХРАМ

● Возле испанского города Сантандер археологи обнаружили остатки древнейшего храма, построенного 14 тысяч лет назад. В пещере площадью 11 квадратных метров найден каменный алтарь, предметы культа, домашняя утварь, кости животных. Среди находок привлекает внимание 35-сантиметровая каменная голова улыбающегося усатого и бородатого мужчины.

ному утверждению информаторов, между ламами и шаманами, служителями культа Даин Дерхе, не было профессиональной конкуренции. Бывший лама Бааст говорил об этом спокойно, без эмоций, и поневоле приходилось верить, вопреки многим известным фактам из истории шаманско-ламаистских конфликтов в Монголии, что здесь две религиозные системы действительно мирно сосуществовали.

Степень выживаемости, однако, у них оказалась разной. В 1929 году монастырь Даин Дерхе Шаравлийн хурэ был закрыт, камень вывернут из земли и увезен в неизвестном направлении. Сейчас от монастырских храмов остались лишь фундаменты, прочные деревянные колонны, вокруг которых разрослись березки. А пещера сохранилась. Она представляет собой анфиладу из трех горизонтальных залов, в потолке последнего имеется узкий проход, через который можно попасть в систему залов второго яруса. Во всех залах, кроме первого, темно и прохладно. Чтобы попасть в верхние залы, нужна определенная спелеологическая снаряжка и оснащение. Наш проводник Загд, не раз бывавший наверху, сказал, что ничего примечательного там нет.

Все святители Даин Дерхе разместились в первом зале, у самого входа в пещеру. Центральную часть занимает жертвенный столик, на котором стоит вырезанная из дерева полуметровая фигура всадника в традиционной монгольской одежде, с собранными на макушке волосами, увенчанными изображением ваджры — пучка молний, с колчаном стрел за спиной. Это и есть Даин Дерхе. Перед ним на столе разложены жертвенные подношения: молочные продукты (сыр, сливки, сухой творог), печенье, конфеты, спички, водка в чашках, масло для лампад. Прибывший с нами проводник окропил все водкой и молоко, сам выпил немножко вод-

ки, закусил сыром и печеньем. Остатки разложил на жертвенном столе, подлил масло в лампаду и зажег фитиль. И кусок новенького голубого шелка набросил на плечи Даин Дерхе.

На стенах пещеры развешаны полуистлевшие от времени свитки с изображением буддийских божеств. С потолка свисают закрепленные на шести многометровых полотноща, на которых разноцветной тушью написана молитва, адресованная Даин Дерхе как покровителю счастья, мира и прочего благоденствия на земле (здесь явное превышение его мифологических функций). Далее в тексте, по жанру более напоминающем воззвание, нежеле молитву, говорилось об успехах человека в космосе, о вкладе в эти достижения основоположников Советского государства и Монгольской Народной Республики, а также руководителя народного восстания арата Аюуши, писателя Д. Нацагдоржа и других. Все это кончалось здравницей в честь Московской Олимпиады-80, которая тоже увязывалась с деятельностью Даин Дерхе. Что и говорить, сочинивший это воззвание поклонник шаманских духов от жизни не отстает.

Пока мы рассматривали иконы, изучали тексты молитв, наступили сумерки. Солнце уходило за горы, и в пещере становилось темно, холодно и неуютно. Мы вернулись к машине. Водитель сказал, что сюда только что подходил лось, который его не испугался, постоял немного и ушел. Непуганый мир священной горы...

Обратная дорога по уже знакомой конной тропе была куда спокойнее. Опять Райское место — Диваджин Газар, развалины монастыря, загадочно темнеющие в сумерках, и берег реки Уур, где мы завершили путешествие к шаману. Утром двинулись по своему дальнейшему маршруту. Впереди были новые работы, новые дела...

Н О В И Н К И Л И Т Е Р А Т У Р Ы

В. Н. Кузнецов. АТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕНИ ДИДРО. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 4), 1984, 64 с., 46 940 экз., 11 к.

Дени Дидро — один из основоположников французского Просвещения XVIII века, внесший значительный вклад в развитие атеистической мысли. Автор характеризует основные аспекты атеизма Дидро, а также его программу создания общества, свободного от религиозного суеверия и клерикализма. Особое внимание в работе обращается на значение атеистического наследия Дидро для современности.

В. А. Куроедов. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1984, 256 с., 200 000 экз., 40 к.

В книге председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова рассматривается широкий круг проблем, связанных с правовым положением религиозных объединений в СССР. Автор раскрывает сущность советского законодательства о религиозных культах, показывает, как практически осуществляется у нас ленинский принцип свободы совести, дает ответ буржуазно-клерикальным фальсификаторам, пытающимся изобразить в ложном свете положение религии и церкви в нашей стране. Второе издание книги дополнено рядом новых материалов.

М. П. Новиков. АТЕИЗМ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 5), 1984, 64 с., 47 940 экз., 11 к.

В брошюре раскрывается социально-культурное значение атеистической теории и практики в духовной жизни общества. Автор анализирует гуманистическую природу научного атеизма, его место и роль в социально-политических движениях, воздействие на развитие науки, искусства и других элементов духовной культуры, а также его значение в современной идеологической борьбе.

А. А. Лебедев, В. А. Цветков. В БОРЬБЕ ЗА ЧЕЛОВЕКА. (Из опыта работы по атеистическому воспитанию населения Калужской области.) Тула, Приокск. книжн. изд-во, 1984, 97 с., 6000 экз., 20 к.

В. Малышев. ЗА ШИРМОЙ МАСОНОВ. М., «Советская Россия», 1984, 94 с., 100 000 экз., 25 к.

А. М. Сагалаев. МИФОЛОГИЯ И ВЕРОВАНИЯ АЛТАЙЦЕВ (центральноазиатские влияния). Новосибирск, «Наука», 1984, 121 с., 4500 экз., 75 к.

Дж. Фрэйзер. ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ. Пер. с англ. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1983, 703 с., 150 000 экз., 3 р. 90 к.

Ян Хиншун. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ. М., «Наука», 1984, 181 с., 7000 экз., 80 к.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Г. И. Авдеев. Празднование рамазана в современном Иране. В кн.: Иран: история и современность. М., 1983, с. 132—137.

Ш. Акмолдоева. Роль литературы в атеистическом воспитании. «Коммунист», Фрунзе, 1983, № 4, с. 69—73.

А. А. Александров. О следах язычества на Псковщине. «Краткие сообщения Института археологии». М., 1983, № 175, с. 12—18.

Д. М. Анаркулова. Мальком-хан и шиитское духовенство в Иране. «Народы Азии и Африки», 1983, № 4, с. 108—111.

П. Голченко. Несостоятельность религиозных концепций «общества будущего». «Под знаменем ленинизма». Киев, 1983, № 16, с. 61—65.

С. В. Данилов. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья. В кн.: По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983, с. 107—112.

Б. Дексинс. Клерикальный антикоммунизм: претензии и действительность. Рецензия на кн.: А. Гайдис. Католический клерикальный антикоммунизм. «Коммунист», Вильнюс, 1983, № 9, с. 85—88.

Диалектика духовной жизни развитого социализма. Таллин, 1983. Из содержания: **А. И. Гурский.** Некоторые аспекты атеистического воспитания молодежи, с. 45—46; **К. А. Вимсааре.** Конкретно-исторический подход к атеистическому воспитанию, с. 46—47;

Т. И. Беленко. Атеистическая убежденность и самореализация личности, с. 47—49; **А. А. Малич.** Практическое формирование богатства потребностей и интересов личности — одна из предпосылок дальнейшего угасания религиозности, с. 92—97; **А. И. Эллер.** Некоторые вопросы сохранения религиозных пережитков в ЭССР, с. 97—101.

М. В. Дмитриев. Проблемы истории Реформации в Польше в новейшей польской историографии. В кн.: Историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983, с. 2—16.

В. П. Еременко. Выработка атеистической убежденности — условие формирования всесторонне развитой личности. В кн.: Научные основы формирования гармонически развитой личности. Днепропетровск, 1983, с. 124—129.

В. Ключков. Право и свобода совести. «Вопросы теории и жизнь». М., 1983, вып. 6, с. 405—412.

И. М. Клямкин. Исламская революция: лозунги и содержание. «Проблемы мирового революционного процесса». М., 1983, вып. 3, с. 273—282.

Ф. Кочарли. Религиозно-философские элементы в буржуазном мировоззрении. «Коммунист Азербайджана». Баку, 1983, № 8, с. 99—101.

К. К. Марченко, Я. В. Доманский. Культурный зольник на поселении Куцуруб. «Краткие сообщения Института археологии». М., 1983, № 174, с. 37—40.

А. Г. Мосин. Исторические сочинения старообрядцев Вятского края во второй половине XIX — начале XX вв. В кн.: Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983, с. 104—112.

Проблемы общественного сознания. Томск, 1983. Из содержания: **А. М. Фойгель.** Социальные корни религии: их природа и механизм функционирования, с. 105—122; **Ю. М. Шалаев.** XXVI съезд КПСС и некоторые вопросы атеистического воспитания, с. 123—141.

П. Самойленко. Научная обоснованность атеистической пропаганды. «Коммунист Казахстана». Алма-Ата, 1983, № 11, с. 46—50.

✦ Почему молчат боги, когда говорят пушки?

✦ Не кланяйся до земли. Это низко.

✦ Может ли идеалист нести материальную ответственность?

✦ Защитники веры всегда считались активными нападающими.

✦ Правомерно ли считать, что бог создал Еву из материала заказчика?

Борис ЛИСИЧЕНКО

Солнечногорск Московской области

✦ Верить в единого бога? А в которого из них?

✦ Если святому отцу удастся войти в твоё положение, выйдет он не с пустыми руками.

Юрий БАЗЫЛЕВ

г. Запорожье

✦ Религиозный туман затрудняет полет мысли.

✦ И божьи дары приносят прихожане.

Сергей ПУГАЧЕВ

Ленинград

✦ Почему свою силу бог распределяет только между сильными мира сего?

✦ Мечтают о пище богов. Но боги могут позабавиться пище иных своих служителей.

Семен ОРКИН

г. Минск

✦ И богу и черту нужны послушные.

Бронис ЯУНИШКИС

г. Вильнюс

✦ Жажда познания не утолишь у источника предрассудков.

✦ Жить у бога за пазухой негигиенично.

Аркадий ВОРТ

г. Витебск

✦ Иная характеристика больше похожа на отпущение грехов.

Любовь СЕРДЮКОВА

г. Приморско-

Ахтарск

Краснодарского края

✦ Безверие — обратная сторона слепой веры.

Михаил ГЕНИН

г. Москва

✦ Изобретательность бога ограничена рамками человеческой фантазии.

✦ Пока еще бог не всех убедил, что его нет.

✦ Черт лучше бога разбирается в людях: он чаще с ними общается.

✦ Если не бог, то кто же наставил рога черту?

✦ «Ты меня еще не раз вспомнишь», — приговаривал бог, извлекая у Адама ребро.

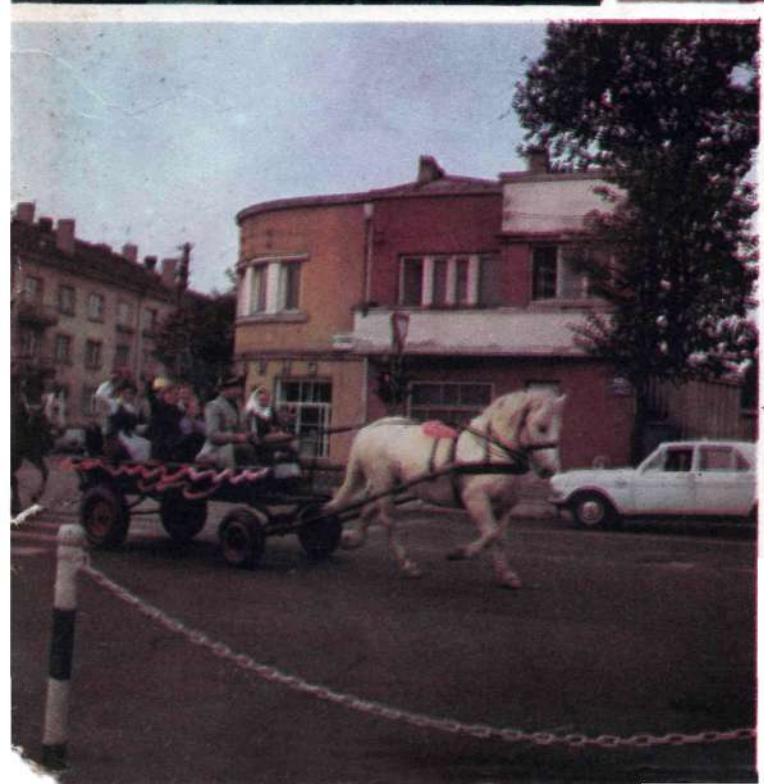
Владимир НЕФЕДОВ

г. Москва

Сдано в набор 17.08.84. 8 условных печатных листов. Адрес редакции: 109004, Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.

Орден Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна». 252047, Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран с применением отечественного фотонаборного комплекса «Каскад».

ПОЕЗДКЕ В АБХАЗИЮ,
проблемам совершенствования музейной и туристско-экскурсионной работы в этом крае посвящена статья специальных корреспондентов журнала Е. Дубровского и В. Зыбковца.

**ЧЕЛОВЕК СИЛЬНЕЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ!**

Врач Л. Красов рассказывает, как он победил недуг, долгое время считавшийся неизлечимым.

**МУЗЫКА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ —**

такова тема очередного занятия «Университета лектора», которое ведет кандидат философских наук О. Антонова.

ОПУСТОШИТЕЛЬНЫЕ НАБЕГИ
заморской гостыи — холеры были так часты, что в некоторых губерниях России от них вели отсчет времени... К. Токарев и Т. Грекова продолжают свои рассказы о «божественных» болезнях.

**«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЕТ
КРИЧАТЬ»**

Отрывки из повести ленинградского писателя Михаила Чулаки.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЛИ СЕГОДНЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА?**

Кандидат исторических наук Л. Борисов отвечает на вопрос читателя о процессах исламизации в современном мире.

«ОСТРОВ ЧУДЕС» —

так зовут Бали в Индонезии. Об этом своеобразном музее под открытым небом очерк журналиста В. Тарасова.